

РАБОЧИЕ ВОЛНЕНИЯ В ПОЛЬШЕ

РАБОЧИЕ ВОЛНЕНИЯ В ПОЛЬШЕ

OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE

РАБОЧИЕ ВОЛНЕНИЯ
В ПОЛЬШЕ

WORKERS REVOLT IN POLAND

DECEMBER 1970
IN DOCUMENTS AND COMMENTARIES

EDITED BY
VLADIMIR MALYSHEV

OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE
LONDON 1973

РАБОЧИЕ ВОЛНЕНИЯ В ПОЛЬШЕ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
О ДЕКАБРЬСКИХ СОБЫТИЯХ 1970 Г.

СОСТАВИЛ
ВЛАДИМИР МАЛЫШЕВ

OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE
LONDON 1973

© Overseas Publications Interchange Ltd.
58, Kenway Rd. London SW 5 ORA

First published 1973
ISBN: 0 903868 00 8

Printed in Germany by
Fremdsprachendruckerei Dr. Peter Belej, München 40, Hess-Str. 74-7

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

14 декабря 1970 года рабочие, измученные тяжелым материальным положением, узнав об очередном повышении цен на продовольствие, вышли на улицу добиваться от властей ответа, добиваться объяснения, почему рабочий класс должен нести на себе всю тяжесть экономического кризиса, в котором находится страна.

Власти ответили пулями.

Расстрел рабочей демонстрации произошел в Польше, где уже 27 лет у власти находится партия, называющая себя Польской объединенной рабочей партией, в государстве, где власть — как гласит конституция — принадлежит рабочему классу и трудовому крестьянству.

Как и почему это случилось? Почему рабочие выступили против «своей» власти и почему власть стреляла в «своих»?

Попытки ответить на эти вопросы предприняты уже на многих языках мира. Полное молчание царит на эту тему в Советском Союзе. Это понятно: пример польских рабочих может оказаться заразительным. Особенно опасна победа — пусть частичная, пусть недостаточная, может быть, только временная, но все же победа — польских рабочих, заставивших уйти Гомулку, вынудивших отменить повышение цен.

Мы собрали в этом сборнике материалы, которые могут помочь читателю разобраться в причинах выступления рабочих, в положении в Польше накануне краха режима Гомулки, в отношениях между партийной верхушкой и рабочим классом. В сборник включены — без всяких комментариев, с минимальными объяснениями, позволяющими разобраться в сложной политической обстановке в современной Польше, — хроника событий, составленная по материалам местных польских газет и радиостанций, по сообщениям иностранных, главным образом скандинавских, журналистов, оказавшихся свидетелями демонстраций и их разгона; официальная вер-

сия событий в Тройном городе (Гданьск-Гдыня-Сопот), в которой хитро перемешаны ложь и правда, но которая тем не менее была опубликована лишь в местной газете.

Материал, озаглавленный «Дворцовый переворот», — история интриг и борьбы в Политбюро, приведших к устранению Гомулки и избранию нового партийного руководства.

«Встреча с бастующими рабочими» — магнитофонная запись выступлений бастующих судостроителей Щецина, добившихся приезда к ним членов нового руководства во главе с Первым секретарем ЦК Гереком и высказавших ему все, что накопилось у них за 25 лет. Выступления рабочих и выступления партийных руководителей, впервые не диктующих сверху свои распоряжения, а пытающихся убедить рабочих, оправдаться перед ними, — один из важнейших документов последнего десятилетия.

Не менее интересны, хотя гораздо менее важны, речи участников VIII пленума ЦК, собравшегося для выяснения причин политического кризиса, потрясшего Польшу. Разговор вылился в перебранку напуганных, растерявшихся «вождей», сваливавших вину друг на друга, и в первую очередь на отсутствующего — Гомулку.

Два последних документа, включенных в сборник, — попытка анализа случившегося, сделанная двумя старыми членами партии, занимавшими в свое время руководящие посты и отстраненными по разным причинам Гомулкой.

Эдвард Охаб, резко критикуя режим Гомулки, формулирует конкретные предложения, направленные на некоторую модификацию строя. Заслуживает внимания тот факт, что важнейшее из этих предложений — о выборах всепольского съезда рабочих депутатов — повторяет требования «рабочей оппозиции» в рядах большевистской партии в начале 20-х годов. Владислав Беньковский дает наиболее глубокий — марксистский — анализ развития не только Польши, но и всех социалистических стран с момента Октябрьской революции. Сохраняя веру в Ленина, в социализм, Беньковский приходит тем не менее к выводу, что все внутренние конфликты, сотрясавшие социалистические страны на протяжении последних трех с лишним десятилетий, — результат бо-

лезни, коренящейся в самой системе. Но и Беньковский не говорит этого открыто, и он не решается сформулировать этот вывод.

Значение декабрьских событий 1970 г. в Польше трудно переоценить. Впервые в истории социалистических стран выступление рабочего класса привело к смене руководства в партии, заставило отступить правительство. Необходимо, однако, помнить, что за 15 лет до забастовки рабочих Побережья — летом 1955 г. — бастовали рабочие Познани.

Сценарий был почти тот же: секретарь Познанского комитета партии так же испугался рабочих, как и секретарь Щецинского комитета партии; вместо того, чтобы разговаривать с ними, он вызвал милицию и армию, которые расстреляли рабочие демонстрации. В Познани, как и на Побережье, были произведены аресты рабочих, которых, как и 15 лет спустя, называли хулиганами, бандитами, агентами империалистических разведок.

Кое-что за 15 лет изменилось. Познанское выступление рабочих было лишь одной из причин триумфального возвращения к руководству партией и государством Гомулки полтора года спустя. Выступление рабочих Побережья смело режим Гомулки за неделю. Рабочий класс стал намного сильнее. И — после своего успеха — стал понимать, что он силен.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что рабочие Побережья, рабочие Польши отнюдь не выступали против власти, против социализма. Они, как выразился один из щецинских судостроителей, «боролись за колбасу». Боролись, как они сами признавали, еще неумело, сохраняя иллюзии, сохраняя веру не только в социализм, но и в «хорошего» Первого секретаря ЦК.

Все официальные документы и выступления старались прежде всего поддержать эту веру, старались убедить, что все беды и несчастья, все зло — вина «плохого» Первого секретаря. Выступления на VIII пленуме ЦК с горькими жалобами на скверный характер Гомулки, на его подавивший всех авторитет являются точным повторением жалоб на скверный характер Сталина на XX и XXII съездах, на волюнтаризм и диктаторские замашки Хрущева на Октябрьском пленуме ЦК КПСС в 1964 году.

Выступая перед щецинскими судостроителями и стараясь убедить их, что в его лице они видят, наконец, желанного «охорошего» Первого секретаря, Герек не перестает подчеркивать свое рабочее происхождение, свое шахтерское прошлое, как будто его предшественник Гомулка не был в молодости таким же рабочим, как и он.

Официальное объяснение причины рабочих волнений несложно: культ личности, а в результате — появление трещины между рабочим классом и партией. Подразумевается под этим нечто другое: фактическое ослабление власти Первого секретаря в результате беспардонной фракционной борьбы, которая велась в польском Политбюро последние годы, следствием чего явилась утрата партией подлинного контроля над рабочим классом.

Если бы нужно было искать для декабрьского выступления польских рабочих аналогий в истории русского революционного движения, то следовало бы обратиться к событиям 1905 года, к «Кровавому воскресенью».

Но если 9 января 1905 г. была расстреляна вера русских рабочих в царя, в декабре 1970 г. была расстреляна вера польских рабочих лишь в некоторых партийных руководителей. Они согласились поверить новому Первому секретарю, они согласились «дать ему шанс», согласились подождать еще год-два.

Терпение рабочего класса велико. Но и ему может придти конец. И тогда, наконец, быть может, исполнится пророчество одного из первых русских революционеров-рабочих Петра Алексеева, почти сто лет назад верившего, что придет время, «подымется мускулистая рука рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах».

НЕДЕЛЯ, КОТОРАЯ ПОТЯСАЛА ПОЛЬШУ

Ход событий

Декабрь 1970 года застал Польшу в атмосфере растущего недовольства и напряжения. Экономический кризис, нараставший на протяжении многих лет, распространился на потребительский рынок, вызывая постоянное, скрытое повышение цен на товары широкого потребления. Крах снабжения наступил уже осенью 1970 г. и повлек за собой нехватку мяса, колбасных изделий, молочных продуктов, масла, кофе и других пищевых продуктов. Бюджет средней польской семьи напрягся до крайности. В то же время нечего было купить за сэкономленные с большим трудом к праздникам (Рождеству) деньги. Длинные очереди у продовольственных магазинов снова стали повседневным явлением во всей Польше.

В течение нескольких месяцев из разных районов страны доходили тревожные сигналы о настроениях масс. На многих предприятиях вспыхивали забастовки и демонстрации. Их число и интенсивность росли в течение всего 1970 г. Рабочие добивались переговоров с представителями властей, разъяснения причин кризиса, возможности представить свои требования. На все эти выступления власти неизменно отвечали репрессиями. Достаточно вспомнить о событиях на жераньском заводе легковых автомобилей в Варшаве. Рабочие Жерани требовали разговора с представителями властей, в том числе с Гомулкой, который формально состоял членом заводской парторганизации. Гомулка вообще не считал нужным ответить. Когда же жераньские рабочие объявили забастовку, последовали аресты и увольнения. Действия по этому образцу в других похожих случаях продолжались до тех пор, пока рабочие не убедились в невозможности какого-либо диалога с властью.

Ухудшению и без того уже сильно напряженных настроений способствовала партийная пропаганда, еще более оторванная от действительного положения в стране.

Половинчатые, искаленные вмешательствами Гомулки экономические реформы не давали никакой надежды на улучшение. Расхваленная пропагандой система «стимулов материальной заинтересованности» на практике оказалась способом, который должен был заставить трудящихся работать интенсивнее за прежнюю зарплату.

В этой ситуации группа Гомулки приняла решение резко повысить цены почти на все предметы широкого потребления. За 10 дней до Рождества поляки узнали, что цены на мясо, колбасные изделия, рыбу, муку, творог и т. д. поднялись на 15—30 процентов.

Натянутая до последних пределов струна общественного терпения лопнула.

*

В СУБОТУ, 12 ДЕКАБРЯ руководство ПОРП¹ распорядилось о созыве партийных собраний на всех предприятиях. Собрания были проведены после окончания рабочего дня, еще до официального сообщения о повышении цен.

На собрание на Гданьской судоверфи, в котором принимало участие около 3-х тысяч рабочих, прибыл член Политбюро Станислав Коцёлэк. Когда он объявил о повышении цен, вступающем в силу уже на следующий день, собравшиеся реагировали бурными протестами. Рабочие требовали объяснений. Они хотели знать, почему проводится повышение цен, если пропаганда твердит об улучшении экономического положения страны. Рабочие протестовали против решения, принятого без каких-либо предварительных консультаций с рядовыми членами партии и рабочими. Они требовали, наконец, отмены решения или уравнивающего рост цен повышения зарплаток.

Коцёлэк пришел в ярость. Он заявил, что рабочие обязаны признавать принцип «демократического централизма», что те, кто выступают против решений пра-

¹ Польская объединенная рабочая партия.

Щецин, 17 декабря 1970

Демонстранты у подожженного здания райкома партии

вительства, являются «антисоциалистическим элементом», и что требование повышения зарплаток со стороны судостроителей — «нахальство», ибо их зарплаты и так выше средних по стране. Собрание окончилось всеобщим замешательством.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ, как обычно в последнее воскресенье перед праздниками, магазины были открыты. Люди убедились, что обозначает на практике драконовское повышение цен. Воскресенье прошло в атмосфере шока, переходящего во всеобщий гнев.

Уже в субботу, после объявления Коцёлкоком решения о повышении цен, Гданьская судоверфь прекратила работу. Рабочие ночной смены не приступили к исполнению своих обязанностей. К ним присоединились докеры гданьского порта.

В ПОНЕДЕЛЬНИК утром рабочие верфи и докеры организовали шествие к зданию воеводского комитета ПОРП. Демонстрация застала местные органы безопасности врасплох. У здания воеводского комитета оказался лишь маленький отряд милиции, насчитывающий 20 милиционеров. К рабочим с речью обратился один из секретарей воеводского комитета. Он заявил, что первый секретарь находится в Варшаве, и призвал рабочих возобновить работу.

Часть демонстрантов вернулась на свои предприятия, но не приступила к работе. Другие остались на улицах, продолжая демонстрировать против повышения цен. Многочисленные группы скандировали: «Хлеба! Хлеба!» и «Долой Гомулку!».

К демонстрантам стихийно присоединялись большие группы студентов, а позже и женщины.

Свидетельства многочисленных очевидцев сходны в одном: первые выстрелы были произведены по толпе рабочих, демонстрировавших перед зданием воеводского комитета. Огонь был открыт прямо по демонстрантам. Были убитые и раненые. Возмущение толпы достигло ужасающих размеров. Рабочие двинулись многотысячной лавиной на отряд милиции, охранявший здание.

Посыпались камни, вырванные из мостовой и тротуаров. Милиционеров как бы смело с лица земли. Де-

монстранты ворвались в здание комитета и начали громить помещение, уничтожая и выкидывая из окон партийные документы. Подожженные внутри здания горы бумаг и мебель вызвали пожар. Вскоре огонь охватил все здание воеводского комитета ПОРП. Рабочие вывели и отпустили находящихся внутри партийных работников. Именно они, как можно предположить, вызвали на помощь милицию.

Демонстрации проходили также и в других районах города.

ВЕСЬ ПОНЕДЕЛЬНИК И ВТОРНИК в Гданьске раздавались выстрелы. Когда милиции удавалось разогнать демонстрирующую толпу, она приступала к массовым арестам, сопровождаемым избиением. В милицейские машины бросали не только мужчин, но и женщин, в том числе и молодых девушек, избитых дубинками и сапогами.

Тем временем пламя бунта распространилось на все города комплекса Гданьск-Гдыня-Сопот (Труймясто). К бастующим судостроителям Гданьска присоединились их товарищи с гдыньской верфи им. Парижской Коммуны, рабочие портов всего Труймяста и работники целого ряда электрических, химических и машиностроительных предприятий.

Центральные власти решили окружить Труймясто санитарным кордоном. Было остановлено движение на дорогах и железнодорожных линиях, прервана телефонная и телеграфная связь. Иностранные суда, стоящие в портах Гданьска и Гдыни, получили распоряжение отойти на рейд. Столичные газеты и радио молчали о событиях на Побережье. Лишь гданьская радиостанция передавала сообщения для местного населения (это маленькая станция, не слышная за пределами гданьского воеводства). Работающие на той же волне другие воеводские радиостанции весьма эффективно заглушали гданьскую программу в остальных районах страны, тем самым предотвращая распространение сведений о забастовках и демонстрациях в Тройном городе.

ВО ВТОРНИК, 15 ДЕКАБРЯ, в 23.30, жители Гданьска слышали по радио:

«Передаем чрезвычайное сообщение. Внимание, слушатели! Распоряжение по охране общественного порядка № 1 Президиума Воеводского народного совета в Гданьске от 15 декабря 1970 года о введении комендантского часа на территории городов Гданьска, Гдыни и Сопота.

В связи с создавшимся положением и событиями на территории Труймяста, в особенности Гданьска, для охраны безопасности, жизни, здоровья и имущества, а также для обеспечения общественного спокойствия и порядка на основании статьи 8, параграф 2 закона от февраля 1964 года... отдаются нижеследующие распоряжения:

Параграф 1, пункт 1: на территории городов Гданьска, Гдыни и Сопота запрещается выходить из квартир с 18.00 часов вечера до 5.00 часов утра. Пункт 2: запрещается собираться в общественных местах независимо от времени дня...»

В первый раз со времен гитлеровской оккупации в польских городах был введен комендантский час.

*

ВО ВТОРНИК УТРОМ большая демонстрация рабочих двинулась к зданию Гданьской комендантуры милиции, требуя освобождения арестованных во время демонстраций в понедельник. Находящиеся в здании силы милиции пытались разогнать демонстрантов. На этот раз у милиции не было шансов противостоять многотысячной толпе. После короткой борьбы демонстранты ворвались в здание комендатуры и освободили арестованных. Затем подложили огонь, уничтоживший первый этаж здания.

Беспрерывно растущая демонстрация шла по улицам Гданьска с пением «Интернационала» и польского религиозного гимна. К рабочим присоединялись женщины, студенты, ученики средних школ.

На этот раз милиция пользовалась поддержкой армии. Началась стрельба, и прямо на толпу двинулись танки. Демонстранты отступали перед танками, но толпа, насчитывавшая около 20-ти тысяч человек, не расходилась.

Вдруг офицер, стоявший в башне одного из танков, выхватил пистолет и выстрелил в одного из демонстрантов, юношу лет 15-ти. Раненный мальчик упал. Офицер выстрелил вторично, добывая жертву.

При этой сцене рабочий гнев превратился в бешенство. Не обращая внимания на выстрелы, толпа бросилась к танку. Очевидцы утверждают, что офицера, убившего мальчика, буквально разорвали в клочья.

Горело все больше общественных зданий. В клубах слезоточивого газа, сброшенного с кружащих над городом вертолетов, среди огня пожаров и уличных охваток начался грабеж и разгром магазинов. Теперь милиция стреляла почти вслепую по демонстрантам. Бои с милицией шли на всех главных улицах города. Загорелся Главный вокзал. Тучи слезоточивого газа закрыли центральные районы Гданьска, районы вокзала, верфи и порта. На одной из улиц была замечена большая, около тысячи человек, группа рабочих в противогазах. Рабочие взяли их на своих заводах. На улицах горели легковые автомобили, автобусы и милицейские автомашины. В некоторых местах пытались возводить баррикады.

Очевидцы обратили внимание, что солдаты, которых местами вводили в действие против демонстрантов, стреляли в воздух или вообще не пользовались оружием. Офицер-убийца, наказанный демонстрантами, был, кажется, исключением.

С трех часов дня до полуночи гданьская радиостанция каждые 15 минут повторяла сообщение Воеводского народного совета и обращение к рабочим Труймяста. Гданьская телевизионная станция была выключена из общепольской сети и передавала лишь сообщения для Труймяста. Был усилен военно-полицейский кордон вокруг Тройного города.

*

В СРЕДУ, в 16.00, когда весь мир давно уже говорил о бунте польских рабочих, Варшава отозвалась в первый раз.

Варшавское радио передало «сообщение» Польского агентства печати о событиях на Побережье. В «сообщении» говорилось:

«14-го и 15-го текущего месяца в Гданьске имели место серьезные уличные происшествия. Воспользовавшись положением, создавшимся на Гданьской верфи, авантюристские и хулиганские элементы, не имеющие ничего общего с рабочим классом, разрушили и подожгли несколько общественных зданий и ограбили несколько десятков магазинов.

Были совершены убийства пытавшихся вмешаться работников милиции. Имеется также много тяжелораненых, находящихся в настоящее время в больницах. В результате столкновений с хулиганами 6 человек убито и несколько десятков ранено.

Необходимые в этих условиях решительные меры, принятые властями, привели к разгрому авантюристских элементов и восстановлению порядка в городе.

Одновременно власти издали предостережение о том, что они будут со всей решительностью реагировать на все нарушения общественного порядка, на каждое антигосударственное действие».

В то время, когда передавалось это «сообщение», рабочие всего Тройного города забастовали. В Гданьске бастовали: Гданьская верфь имени Ленина, Гданьская ремонтная верфь «Висла», Гданьский рыбный комбинат, Гданьский порт, Северная верфь, Гданьский электрокомбинат и ряд электрических, химических и машиностроительных предприятий. В Гдыне бастовали: верфь имени Парижской Коммуны, гдыньский порт, рыболовное предприятие «Дальмор» и другие предприятия.

В «сообщении» не говорилось ни слова о демонстрациях в Гдыне и Сопоте.

В ЧЕТВЕРГ, 17 ДЕКАБРЯ, утром, рабочие верфей Гданьска и Гдыни отправились на свои предприятия. Верфи, однако, были заняты милицией и армией. Рабочие узнали, что в этот день работы не будет, и получили распоряжение разойтись по домам.

Когда, несмотря на предостережение, собравшиеся перед Гданьской верфью рабочие приблизились к воротам, милиция и сотрудники госбезопасности открыли огонь. Рабочие были остановлены и отброшены к центру города. Были убитые и раненые.

В Гдыне стрельба по рабочим вызвала волну массовых уличных демонстраций, которые милиция и органы безопасности пытались разгонять всеми имевшимися в их распоряжении средствами. Весь четверг в Гдыне продолжалась перестрелка.

На одной из улиц милиционеры застрелили маленького мальчика, возвращавшегося из школы домой. Рабочие накрыли польским национальным бело-красным флагом тело ребенка, положили его на снятую с петель дверь и понесли по улицам, крича милиционерам: «Смотрите, что вы сделали!». В ответ на это группа милиционеров открыла огонь по рабочим, убив всех несших тело ребенка. Их было шестеро.

Вблизи Гданьской верфи пятеро рабочих приблизились к занимающим предприятие солдатам. «Ребята, в кого стреляете? В своих отцов?» — спрашивали рабочие. Командующий отрядом капитан приказал открыть огонь, пригрозив расстрелом тем, кто не исполнит приказ. Рабочих убили.

В те же дни имели место демонстрации в Эльблонге, в котором забастовал Механический завод им. К. Сверчевского («Замех»). И здесь милиция и сотрудники безопасности пытались кроваво расправиться с демонстрирующими рабочими.

Все это время не прекращались лихорадочные попытки отрезать Побережье от остальных районов страны. Была прервана телетайпная связь между Гданьском и Данией. Со среды были приостановлены пассажирские полеты в Гданьск под предлогом «плохой погоды». На территорию Труймьяста не впускали иностранных корреспондентов и туристов.

Несмотря на все эти усилия, общественность Польши знала о всеобщей забастовке рабочих Труймьяста, хотя варшавская печать и радио не обмолвились об этом ни словом. По всей стране начала назревать атмосфера солидарности с Побережьем. В четверг в ЦК ПОПР стали нарастающей лавиной приходить известия о забастовках в разных частях страны. В этой ситуации гомулковское руководство предприняло отчаянную попытку терроризировать общественность.

В ЧЕТВЕРГ, 17 ДЕКАБРЯ, в 20.00 часов премьер-министр ПНР Юзеф Циранкевич выступил с речью, ко-

Панорама Щецина

торая передавалась по телевидению и по обеим программам Польского радио.

Он говорил об «анархистских, хулиганских и уголовных элементах» и о «врагах социализма и Польши». Говорил также о «12—15-ти» убитых и «нескольких сотнях» раненых.

«Таковы болезненные последствия отсутствия здравого смысла и чувства ответственности у тех, кто бросил работу и вышел на улицу, позволил подонкам, авантюристам и врагам заняться вандализмом, грабежами и убийствами», — говорил премьер Циранкевич.

В этой речи проскальзывали угрозы, прикрытые словами о «проблемах первостепенного значения для государства и жизни народа», о «подрыве авторитета Польши на международной арене и вообще в глазах всего мира».

Сразу же после речи Циранкевича был передан текст принятого в тот же день «постановления Совета Министров».

«В связи с серьезными нарушениями общественного порядка, имевшими место в последние дни на территории Гданьска и Побережья, — говорилось в постановлении — и в особенности с разграблением государственного, общественного и частного имущества, поджогами и разрушением зданий и общественного оборудования, а также в связи со случаями убийства и тяжелых телесных повреждений Совет Министров на основании статьи 32, параграф 7 Конституции ПНР постановляет:

Параграф 1. Обязать органы уголовного преследования и охраны общественного порядка, а также другие сотрудничающие с ними органы — во имя охраны порядка и общественной безопасности — немедленно принять соответствующие меры к восстановлению общественного порядка и спокойствия и к воспрепятствованию попыткам его нарушения.

Параграф 2. Обязать органы гражданской милиции, государственной безопасности и другие сотрудничающие с ними органы принять все юридически доступные меры принуждения, с употреблением

оружия включительно, по отношению к лицам, покушающимся на жизнь и здоровье граждан, занимающимся грабежом и разрушением общественного имущества и оборудования (. . .).

Председатель Совета Министров».

За три часа до речи Циранкевича, в 17.00 часов, жители Щецина слышали в местной программе городского радио:

«Передаем чрезвычайное сообщение.

Постановление Президиума Воеводского народного совета Щецина от 17 декабря 1970 года по охране общественного спокойствия и порядка.

Параграф 1. Впредь до отмены настоящего постановления на территории города Щецина вводится комендантский час с 18.00 часов вечера до 6.00 часов утра. В это время запрещается пребывание на улицах и общественных площадях . . . »

Это сообщение было троекратно повторено с интервалами в 15 минут.

ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИЛО ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В ЩЕЦИНЕ?

Об этом говорит очевидец, корреспондент Шведского радио Андерс Тунберг (Шведское радио передало его рассказ 18 декабря в 7.30 и 10.00 утра).

«Я находился посредине улицы напротив горящего здания партийных властей. Танки все время возобновляли атаку на толпу демонстрантов. Люди разбегались, боясь попасть под гусеницы. Женщина с девочкой не успели убежать и были раздавлены шедшим на большой скорости танком. Стоявший поблизости молодой солдат заплакал, увидев эту сцену.

Это репортаж из Щецина 1970 года — города, из которого я выехал вчера вечером.

Много зданий в центре города были охвачены пламенем. Горят административные здания — полиции и госбезопасности; пятиэтажный дом комитета партии уже полностью уничтожен огнем. Горит и соседнее здание партийной газеты.

Развитие событий в течение нескольких часов превратило совершенно спокойной Щецин в город, осажденный танками, сотрясаемый взрывами бензиновых бомб.

Это началось утром. Из 22 тысяч работников порта и верфи едва лишь треть вышла в четверг на свои предприятия, не начиная, однако, работать. Рабочие уже знали, что происходит в Гданьске.

В обеденное время около тысячи рабочих собралось на берегу Одры. Затем они прошли к центру города, к зданиям партийного комитета и горсовета, протестуя против экономической политики Гомулки. Много тысяч рабочих в доках и в порту пытались оставить рабочие места и выйти на ули-

цы. Некоторое время милиции удавалось их сдерживать.

Под аккомпанемент воя милицейских сирен завязывались столкновения. В милиционеров полетели кирпичи. Толпы людей двинулись в центр города.

Центральная часть города была окружена кордоном машин и милиционеров. Я видел, как на автобусах и вездеходах прибывало подкрепление. Вскоре перед центральными зданиями показались бронированные транспортеры, заполненные молодыми солдатами действительной службы. В городе воцарилась атмосфера напряженного ожидания. Растущие толпы народа текли в центр, останавливаясь группами и разговаривая.

На стенах домов и на танках виднелись надписи: «Мы рабочие, а не хулиганы», «Требуем повышения зарплаты». Группы молодых людей останавливались у танков, пели песни. Многие влезали на танки и начинали дискутировать с солдатами.

Именно тогда разлетелись первые стекла в окнах здания комитета партии. Группы демонстрантов взобрались по стенам здания и ворвались внутрь. Вскоре через окна полетела мебель и тучи бумаг. Толпа, собравшаяся внизу, встретила это аплодисментами. Особенно горячей овацией был встречен выкинутый из окна большой дорогой стол из розового дерева.

Загорелись грузовики и милицейские автомашины. Сразу после этого начался пожар в здании комитета партии. Солдаты у здания выглядели удивленно и испуганно.

Едва закатилось, центр города заполнился новыми толпами рабочих верфи и порта. Ни милиция, ни армия не справлялись с положением.

Очереди трассирующих пуль разрезают темнеющее небо. С улиц поднимаются столбом тяжелые клубы черного дыма».

*

Некоторые дополнительные детали событий этого четверга в Щецине можно найти в официальном отчете,

опубликованном в «Голосе щецинском» (19—20 декабря 1970 г.) — органе воеводского комитета ПОПР. Этот отчет является классическим образцом тона и языка официальной пропаганды тех дней. Вот отрывки из донесения местного корреспондента:

«Все началось во второй половине дня с недуманного выступления, надо подчеркнуть, лишь части работников щецинских верфей. Причины, по которым они вышли на улицы города в четверг, приобрели сегодня, под влиянием последствий этого выступления, иной характер.

События развивались в быстром темпе. Часом спустя на улицах Щецина растут толпы разнужданных подростков, хулиганов и попросту уголовников (...).

Одним из первых разрушенных объектов был книжный магазин на площади Жолнева (Солдата). Толпы зевак бездейательно глядели на происшествие. Присутствие этих толп серьезно мешало действию органов охраны общественного порядка, и это, равно как и пассивность толпы, еще более способствовало обнаглевшим подонкам.

События принимали трагический оборот. Озверевшие вандалы успели в это время запастись зажигательными материалами и подожгли здание комитета ПОПР. Отряды милиции и солдат тогда еще не прибегали к оружию, пытаясь избежать кровопролития (...).

Пьяная шпана всякого рода, ведомая жаждой разрушения, напала на другие общественные здания, между прочим, на здание гражданской милиции. Намерения этих подонков ярче всего доказали две попытки штурма тюрьмы на Кашубской улице, предпринятые с целью освободить дружков — обыкновенных уголовников. И здесь, увы, должны были прозвучать первые выстрелы (...).

*

В ЩЕЦИНЕ БАСТОВАЛИ: Судоверфь им. Адольфа Варского (забастовка с занятием помещений), щецинское предприятие индустриального строительства, завод кабе-

лей в Заломе (окраина Щецина), Управление щецинского порта, завод автомобильных механизмов «Польмо», предприятие рыболовства в открытом море «Гриф», городской транспорт, щецинский комбинат лесного машиностроения в Плоне, сталелитейный завод «Щецин», портовое паровозное депо, щецинский комбинат искусственных волокон «Вискорд», судовой верфь «Гриф», щецинская ремонтная верфь «Грифия», СПДМ № 1, мебельная фабрика, щецинское предприятие по очистке города, щецинский завод санитарного и электрического оборудования, «Болгарская» набережная порта «Гриф», набережная «Ева» (центр перегрузки малых грузов), порт Щецин, набережная «Лашовня», Шахтерский бассейн, щецинская графическая фабрика, швейная фабрика, электростанция, комплекс порта Щецин-Свиноустье.

В ПЯТНИЦУ, в 8.05 утра радио Щецин передавало:

«Слушайте наши сообщения. Сегодня рано утром город начал нормальный рабочий день».

12.27 часов: «Сообщаем, что в связи с комендантским часом во второй половине дня отменяются занятия во всех школах. В связи с комендантским часом отменяются также вторые смены на всех предприятиях, кроме предприятий с постоянным циклом работы. (. . .). Работникам предприятий с постоянным циклом обеспечиваются средства сообщения . . .

Пребывание в это время (во время комендантского часа — *прим. перев.*) на улицах строжайше воспрещено. Повторяю: пребывание на улицах Щецина с 18.00 часов вечера до 6.00 часов утра строжайше воспрещено».

16.15 часов: (репортаж) «Сегодня мы много раз побывали на улицах Щецина, обошли весь город . . . На одной стороне улицы движение обычное, повседневное . . . Так выглядит большинство улиц. Но на некоторых преобладает — в сущности, не преобладает, а просто заметна — иная атмосфера. Небольшие группы разнуздавшихся мальчишек ведут себя вызывающе, кидаются камнями, свистят . . . Эти группы подростков бросают петарды, дым которых застилает улицы . . .»

*

Мальмо, Швеция, 18 декабря (сообщения западных агентств печати): Вчера вечером пятеро скандинавских журналистов было задержано в Слупске, где имели место волнения. Затем журналистов перевезли в Кошалин, где они будут подвергнуты дальнейшему допросу.

Якоб Андерсен, спецкорреспондент копенгагенского «Экстрабладет» — перед тем, как его задержали — успел передать по телефону в свою редакцию в Копенгагене детальное описание событий в Слупске. Во время разговора Андерсена с Копенгагеном телефонная связь была прервана.

«СЛУПСК, 17 ДЕКАБРЯ. В то время, когда я пишу эти слова, вокруг гостиницы, в которой мы нашли убежище, идут уличные бои. Слупск — 35-тысячный город с прекрасным собором 1300 года — в течение нескольких часов превратился из спокойного города в котел, кипящий ненавистью и террором.

Взрывы гранат со слезоточивым газом и грохот выстрелов заглушают треск моей пишущей машинки, а в вестибюле потрясенный администратор дрожащим голосом пытается отвечать на вопросы гостей.

Волнения начались в 18.30, когда большие толпы жителей города собрались в центре, чтобы продемонстрировать свою поддержку рабочим Гданьска. Ответ властей последовал почти мгновенно в виде нескончаемых колонн милицейских автомашин с воющими сиренами. Милиционеры в стальных касках выскочили из машин и бросились на толпу. В течение двух минут мы оказались в гуще схватки.

Со звоном лопались стекла витрин, на мостовой появились баррикады из скамеек и ящиков. Посреди бегущих во все стороны толп непрерывно разрывались слезоточивые гранаты. Вскоре почти все было затянуто едким дымом.

Милиция, разделенная на отряды по 13—15 человек, безостановочно атаковала, отесняя толпу за пределы центра. Милиционеры нападали на всех, кто оказывался на их пути. Возможно, что среди спокойных демонстрантов были и хулиганы, но

огромное большинство составляли невинные прохожие. Милиционеры, не разбираясь, с неслыханной жестокостью бросались на всех, кто им «не нравился».

В клубах дыма, застилающих улицу, я увидел милиционера с поднятой дубинкой, преследующего пожилую женщину в длинном пальто и платке на голове. Женщина с криком спряталась за какой-то дверью. Милиционер ринулся вслед за ней. Мгновенье спустя из дверей вышел только милиционер. Казалось, что он доволен собой.

За несколько минут до этого я видел эту женщину. Она спокойно шла по улице.

Мы очутились в центре жестокого боя так внезапно, что первой реакцией была мысль: нет, это происходит не наяву. Ведь к такому свирепому, отвратительному насилию не прибегают никогда, разве только во время войны при захвате города. Ежеминутно мы должны были — вместе с испуганными жителями — спастись бегством от милицеских патрулей, прятаться во дворах и подворотнях. Патрули вырастали, как из-под земли.

В какой-то миг наше внимание привлекли отчаянные крики. Это был маленький мальчик, парализованный страхом, который стоял, прижавшись к стене. Как и всех, его ужаснуло внезапное нападение милиции. Он дрожал, охваченный паникой. Спустя некоторое время он пришел в себя и побежал в одну из боковых улиц, а мы за ним. За нами мчался патруль. Я быстро втокнул в подворотню какую-то пожилую женщину и обернулся. Милицеская дубинка поднялась над головой нашего фоторепортера Оле Геннинга Гансена. Вдруг Гансен поднял руку и ткнул что-то в нос милиционеру. Удара не последовало. Мы узнали, что Оле использовал в качестве защиты свой датский паспорт. С этого момента мы держали наши паспорта в готовности.

Террор — а это именно террор, ничто другое, как отвратительный террор, — продолжался уже полчаса, но все еще нельзя было понять, что происходит. Слезоточивый газ жег глаза, тысячи людей

бежали во все стороны. Милиция атаковала непрерывно.

В одном месте четверо или пятеро мужчин было избито дубинками у входа в кафе на углу улицы. В другом я видел, как град ударов обрушился на двух кричавших от боли девочек, чуть постарше 10-ти лет.

На углу одной из улиц трое милиционеров грубо схватили женщину лет сорока. Они протащили ее несколько шагов по тротуару, а потом стали избивать в каком-то диком иступлении. Двое волочили ее по тротуару, а третий бил дубинкой. Голова женщины безжизненно упала на грудь. Ее бросили в машину, продолжая бить дубинками.

Почти все на улицах думали лишь об одном: где спрятаться. Разбегались во всех направлениях, скрываясь в кафе и магазинах, толпясь в дверях, бросаясь за столы и секретеры. Все лица были в слезах.

В одном месте мы видели вырванные из тротуара плиты, но не заметили, чтобы демонстранты кидали камни.

Насилие и террор пришли сюда только с одной стороны — со стороны людей в мундирах.

Сейчас в мою комнату входит один из шведских товарищей. Он говорит, что демонстрация началась походом группы рабочих и молодежи, кричавших: «Мы хотим есть! Мы хотим есть!». Демонстрация проходила спокойно, и к ней присоединялись сотни людей».

(На этом месте польский телефонист отключил нашего корреспондента в Польше Якоба Андерсена, и линия замерла. — Редакция «Экстрабладет»).

*

В конце недели польская пресса и радио пытаются представить положение «нормальным». Не передаются никакие известия о забастовках, не было сказано ни слова о событиях в Слупске. Тем временем положение в стране меняется с часу на час.

В ЦК ПОПР и Министерство внутренних дел приходят все новые сообщения — уже не только с Побережья, но и из других районов страны. Волна бунта, начатого рабочими Побережья, прорвалась сквозь милицкий кордон и разлилась на всю страну.

*

КРАКОВ. В четверг, 17 декабря на главной площади собралась многотысячная толпа рабочих и молодежи.

Несмотря на то, что все студенческие общежития и вузы были закрыты и окружены милицией, многие студенты сумели присоединиться к демонстрации. Собравшиеся демонстрировали свою поддержку рабочим Побережья.

Милиция атаковала демонстрантов, избивая дубинками, забрасывая гранатами со слезоточивым газом и петардами. Было много избитых и обожженных.

Рабочие крупнейшего в стране металлургического комбината «Новая Гута» объявили о своей солидарности с Побережьем. В некоторых цехах проводились забастовки с занятием помещений. Рабочие угрожали погасить мартеновские печи. Напряжение возрастало со дня на день.

ЖИРАРДУВ. В пятницу, 18 декабря прервалась телефонная связь со столицей польской текстильной промышленности. Прекратилось железнодорожное и шоссейное сообщение с этим городом.

КАТОВИЦЕ. В городе происходят спорадические демонстрации рабочих. Угрожает всеобщая забастовка. Власти прерывают телефонную связь со столицей Верхней Силезии.

ХОЖУВ. Бастует азотный комбинат.

ВРОЦЛАВ. На вагоностроительном заводе Па-Фа-Ваг рабочие замедляют темп работы. Такую же форму забастовки применяют рабочие ремонтного предприятия железнодорожного парка. Бастует металлургический завод.

ГЛИВИЦЕ. На улицах города танки. Автомобиль «За-става» сталкивается с танком, двое человек убиты.

ПОЗНАНЬ. Бастует металлургический завод ПОМЕТ, крупнейший в стране машиностроительный завод «Цегельский» и Познаньский шарикоподшипниковый завод.

ЗАБЖЕ. В шахте «Макошовы» первая смена шахтеров осталась внизу, вторая отказалась спуститься на работу.

ЯСТШЕМБЕ. В шахте «Зофьувка» столкновения шахтеров с властями.

ЖИВЕЦ. Массовые рабочие забастовки.

ВАДОВИЦЕ. Попытки организации забастовки. Напряженная атмосфера.

ВАРШАВА. В второй половине недели волна забастовок охватывает ряд важнейших промышленных предприятий столицы. Бастуют механический завод им. Марцелия Новотко, фабрика электрических ламп им. Розы Люксембург, завод легковых автомобилей на Жерани, завод полупроводников «Тэва» на Служевце (пригород Варшавы), фабрика телекоммуникационного оборудования на Окенче, выпускающая, в частности, военное оборудование, сталелитейный завод «Варшава», завод точных приборов им. Кароля Сверчевского, комбинат имени Каспшака, цементный завод «Варшава» и другие предприятия. Бастуют печатники Дома польского слова, где печатается, между прочим, и «Трибуна люду».

Эти забастовки приняли характер забастовок с занятением помещений или замедления темпа работы. Они не видны извне, но их сила в массовости. Столица находится накануне всеобщей забастовки.

*

Власти, опасаясь молодежи, распоряжаются начать до срока зимние каникулы. Ученики начальных и средних школ и студенты узнают, что уже 17 декабря они прекращают занятия. В этот день Политехнический институт был закрыт и студентов не пускали в здание.

Стачечный комитет механического завода им. М. Новотко выслал резолюцию членам правительства. Одним из главных требований рабочих было снятие Циранкевича с поста премьер-министра. Циранкевич формально числился членом партийной организации этого завода.

Особенное возмущение рабочих вызвала полная угрозы речь Циранкевича и подписанное им постановление, обязующее работников милиции и госбезопасности пускать в ход оружие.

Рабочие стачечные комитеты объявляют о готовящихся в понедельник 21 декабря массовых митингах во многих пунктах столицы. Паника среди руководства ПОПР растет. В правящей группе все более многочисленными деятелями приходят к выводу, что единственным спасением от всеобщей забастовки по всей стране, единственной возможностью удержать власть партии без интервенции извне осталась немедленная смена руководства ПОПР и лиц, занимающих ключевые посты в правительстве.

В субботу и воскресенье Объединенная Рабочая Партия производит своего рода дворцовый переворот, защищая свою власть.

На седьмой день недели, которая потрясла Польшу, Владислав Гомулка был всего лишь старым, больным человеком в одной из столичных больниц. Пост Первого секретаря занял Эдвард Герек.

*

Новые руководители партии и правительства отменили подписанное Циранкевичем постановление о применении оружия милицией и госбезопасностью. В городах Побережья отменили комендантский час.

В снегу, идущем на страну с Татр, началось польское Рождество 1970 года.

ЧТО ПРОИЗОШЛО В ГДАНЬСКЕ

Официальная версия

Официальная версия событий, происшедших в Тройном городе (Труймясте — Гданьске, Гдыне и Сопоте), опубликованная на страницах «Голоса Побережья» («Глос Wybжежа»), органа Польской Объединенной Рабочей Партии, от 28 декабря 1970 года.

Подробная хроника событий снабжена вступлением, разъясняющим цель, с какой этот отчет доводится до сведения читателей Гданьска, Гдыни и Эльблонга: «Мы хотим показать, как на втором плане рабочих манифестаций, в условиях уличных демонстраций, все сильнее давали о себе знать действия антиобщественных, разрушительных элементов, как под влиянием нарастающих событий и случайных «вожачков» росло возбуждение толпы, которое привело к трагедии».

Описание событий, напечатанное «Голосом Побережья», не было повторено никакими средствами массовой информации в Польше.

*

ПОНЕДЕЛЬНИК, 14 ДЕКАБРЯ

Гданьск, 7 часов 30 минут. На Гданьской верфи работники цехов С-4 и С-3 собираются на своих рабочих местах. Коллектив цеха В-3 направляется к зданию управления верфи. По проходам верфи в том же направлении идут и рабочие других цехов. У здания собирается толпа, насчитывающая более 3-х тысяч человек. Атмосфера митинга, слышны отдельные возгласы. Стихийно избираются руководители движения.

11 час. 05 мин. Из ворот № 2 верфи выходит в город колонна рабочих, числом около тысячи человек. Они собираются у здания воеводского комитета партии. На

близлежащие скверы стекаются толпы зевак. Организованное ядро демонстрации — люди в спецовках, в касках рабочих верфи. На касках знаки: В-3, К-2. Видна сила этой колонны, тогда еще, в понедельник, — дисциплина. Слова «Интернационала» переплетаются с гимном Народной Гвардии и различными возгласами. Большинство манифестирующих, однако, сохраняет молчание.

В связи с отсутствием 1-го секретаря ВК ПОРП, находящегося в то время в Варшаве на VI-м пленарном заседании ЦК, у входа в здание комитета появляется секретарь ВК Зенон Юндзилл. Его голос слышен лишь в первых рядах волнующейся толпы. Вскоре подъезжает машина с громкоговорителем. Однако первые же слова секретаря вызывают ураган свистов. Растет напряжение. Идут слухи об аресте делегации рабочих верфи, вошедшей в здание. Начинается драка. Демонстранты захватывают автомобиль с радиоустановкой. Его начинают подталкивать десятки рук. За катящейся машиной формируется колонна, которая направляется к Гданьской судоверфи, а потом дальше, по улице Яна из Кольна, к Северной судоверфи.

Из мегафона несутся призывы прекратить работу, назначается новый митинг у здания ВК в 16 часов. Рабочие призываются к забастовке и манифестации во вторник, в 7 часов утра.

13 час. 15 мин. Многочисленная группа выламывает ворота и входит на территорию Северной судоверфи. Громкоговоритель непрерывно передает воззвания к рабочим. Коллектив Северной верфи демонстрантов не пропускает. Лишь немногие работники этого предприятия присоединяются к шествию.

13 час. 45 мин. Меняется содержание призывов из радиоустановки. Появляются политические лозунги. Шествие направляется улицами Польского Флота и Кличной к зданию Гданьского политического института.

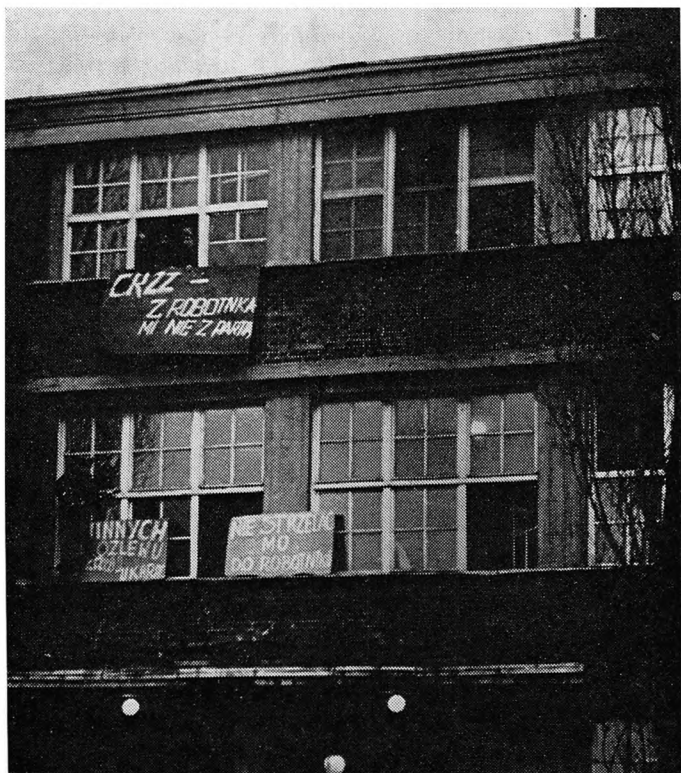
14 час. 10 мин. Толпа высаживает ворота Политехнического института. Около 300 человек проходит через двор к зданию института, призывая студентов присоединиться к демонстрации. Их встречают ректор Сталинский и 1-ый секретарь партийного комитета Политехнического института Пшевлуцкий. При виде ректора из

толпы раздаются крики: «Дайте ему микрофон, пусть говорит». Сидящие у радиоустановки «вожаки» не могут решить, передать ли микрофон ректору. Один из них ударяет профессора Сталинского по лицу. Стоящего рядом декана, доцента Велницкого ударили по голове защитной каской.

Несколько сот человек входит в здание Политехнического института, призывая студентов присоединиться к демонстрации. Манифестанты входят в залы, где идут занятия; шесть человек вошло в зал № 264. Призывы, однако, не приносят никаких результатов. Студенты отказываются принять участие в манифестации. Сорок минут спустя демонстранты покидают территорию Политехнического института. Часть из них направляется в пригород Гданьска Вжец, к зданию Польского радио. Остальные идут к студенческим общежитиям на улице Высплянского.

15 час. 05 мин. Дежурному технику радиостанции предъявляется категорическое требование включить радиопередатчики и дать возможность демонстрантам обратиться с воззванием ко всем трудящимся страны. Работникам радио угрожают «проломить головы». Им дается 15-минутный срок на размышление, после которого, в случае отказа, радиооборудование будет разрушено. Предводители демонстрантов отсчитывают уходящие минуты: еще 10, еще 5, еще 3. Техник связывается с заместителем главного редактора, находящимся в соседнем здании. К заместителю отправляются делегации от манифестирующих. Двое входят к нему, остальные, больше 20-ти человек, остаются в вестибюле, в качестве «охраны». Редактор Вежбановский отказывается включить передатчики. Благоразумные слова еще действуют. Демонстрация движется по направлению к центру города.

15 час. 55 мин. В районе моста Бледник происходит первое столкновение демонстрантов с представителями органов охраны общественного порядка. Призывы разойтись остаются без ответа. Моторизованный отряд милиции слишком малочислен, чтобы сдерживать напор 3-тысячной толпы. Голова колонны пробивает себе дорогу мимо Главного вокзала к зданию воеводского комитета. Все чаще идут в ход камни.

Здание судоверфи им. Варского (Щецин), где Герек встретился с бастующими рабочими. Лозунки гласят: «Профсоюзы — с рабочими, а не с партией!», «Не стреляйте в рабочих!»

16 час. 20 мин. Более двухсот рабочих 1-го сектора Гданьского порта покидают работу и идут к городу, собираясь присоединиться к шествию.

17 час. 15 мин. Манифестанты проходят к площади Тарг Джевны; слышны крики: «Хлеба!» и «Печать лжет!». Разбушевавшиеся молодчики бьют стекла в окнах Дома печати, театра, Инвестиционного банка. Однако со стороны улицы Подвале Старомейске милицейский кордон удерживает толпу и не дает перейти к более агрессивным действиям. Толпа возвращается к зданию воеводского комитета.

18 час. 15 мин. Очередная атака на здание воеводского комитета. Град камней летит в окна. Группа молодых людей делает две попытки поджечь здание. Наконец им удается сжечь оборудование типографии, находившееся в подвале. В действие вступают отряды гражданской милиции и армии. Толпа перекачивается на сквер у вокзала и Вензел Пястовски. Бьют стекла в окнах кафе «Монополь».

Призывы разойтись не дают никаких результатов, даже слезоточивые газы и дымные шашки не могут остановить наступающих. В 22 часа все еще продолжаются уличные беспорядки в этом районе города.

Пользуясь тем, что силы милиции сосредоточены у вокзала, хулиганы и «вандалы» все более нагло действуют в районе улиц Райской и Гевелиуса, за гостиницей «Монополь». На перекрестке Гевелиуса и Райской горит большой костер. Огонь поддерживается досками из забора, окружающего строительную площадку, и елками открытого вблизи по случаю Рождества магазина. Со стороны верфи приезжает пожарная машина. Хулиганы останавливают машину и выводят из нее сопротивляющихся пожарников. Группа подростков катит машину в костер. Машина начинает гореть, взрыв с бензином усиливает огонь. В тот же вечер сгорели еще два автобуса на стоянке автомашин у гостиницы «Монополь».

Во время беспорядков у Гдавного вокзала группа подростков ломает, а затем поджигает киоск с газетами возле железнодорожной поликлиники. Несколько минут спустя на противоположной стороне улицы в горящий факел превращается киоск «Передовика». Затем воры

и грабители громят магазин «Кобра», магазин готового платья на улице Гевелиуса, магазин «Деликатесы».

Вечером в программе местной телевизионной станции выступил председатель Президиума Воеводского народного совета Тадеуш Бейм. Он призывает к спокойствию, благоразумию, обращается к рабочим Гданьска, отстроившим родной город после войны, призывая их защищать то, что они с таким трудом создали. Он просит общественность оказать помощь, изолируя группы разрушителей.

ВТОРНИК, 15 ДЕКАБРЯ

ГДАНЬСК, 0 час. 40 мин. Директор хирургического института Гданьской медицинской академии сообщает, что его клиника оказала помощь 19-ти лицам. 16 пострадавших находятся в больнице. Тяжелых случаев не отмечено.

Комендатура милиции сообщает, что 14-го декабря в Гданьске было задержано 16 человек по обвинениям в разгроме магазинов или в краже. У задержанных были обнаружены награбленные вещи.

0 час. 45 мин. Забастовка в Гданьском порту. Секторы 1 и 2 не работают, на работу не вышла также часть рабочих 3-го сектора. Нормально работает набережная перегрузки угля и руды.

1 час. 10 мин. Приходят сообщения из очередных секторов Гданьского порта — рабочие, собравшиеся в клубах, отказываются выйти на работу и назначают всеобщую забастовку на 7 часов.

4 часа 20 мин. Порт бастует. Дирекция Управления Гданьского порта принимает участие в переговорах с рабочими. Однако докеры отказываются приступить к работе, в большинстве случаев из солидарности с бастующими. Все чаще, однако, случается, что колеблющихся заставляют бросать работу. Особенно растет нажим на крановщиков и бригадиров.

6 час. 00 мин. Сообщения из различных предприятий. «Гидростер» — к работе приступил весь коллектив. В Гданьской судоверфи, Северной судоверфи, Гданьской ре-

монтажной верфи рабочие явились на предприятия, но еще не приступали к работе. Работают: завод точной механики, «Бимет», фабрика судовой мебели, гданьский железнодорожный узел, «Эльмор».

6 час. 40 мин. 600 работников цеха К-3 гданьской судовой верфи покидают территорию цеха и направляются к зданию Управления верфи. На площадь перед Управлением выходит персонал предприятия «Ц» и цеха К-2. В предприятии «Бляшанка» 200 человек не приступило к работе. В предприятии «Гидростер» растет напряжение. В одном из залов собирается приблизительно 100 человек. Они хранят молчание. В отделе № 1 гданьской мебельной фабрики 600 человек не приступают к работе.

6 час. 45 мин. Группа числом около тысячи человек выходит из ворот ремонтных мастерских железнодорожного парка. Организаторы этой демонстрации составляют голову колонны из ребят — учащихся ремесленного училища, используя их в качестве прикрытия... У здания дирекции Управления гданьской верфи толпится более 1500 человек. К толпе присоединяется коллектив цеха К-2. Первый секретарь парткома верфи Ежи Пеньковский пытается произнести речь. Его встречают криками: «Долой!», «Викинуть его вон!». Для деловых выступлений нет условий. Никто не нуждается в дискуссии. Свисты, агрессивные выкрики кладут конец митингу.

В Гданьской ремонтной верфи весь персонал собирается у помещения дирекции, рабочие хотят присоединиться к бастующей Гданьской верфи. Директор предприятия Грыглевский пытается успокоить толпу. Его никто не слушает.

6 час. 50 мин. Группа рабочих появляется у ворот Северной судовой верфи. Они призывают к всеобщей забастовке. Делегацию не пускают на предприятие. Часть поллектива Ремонтных мастерских ж.-д. парка митингует. Митинги устраиваются в отделе № 1 «Гидростера». Управление Гданьского порта не работает, там царит напряженная, но в общем спокойная атмосфера. Работа ведется нормально на газовом заводе, энергетическом заводе, в предприятиях ВПКГГ, ПКС (автобусный транспорт).

7 час. 00 мин. В Гданьской верфи толпа насчитывает уже 3000 человек. Они выходят в город. К ним присоединяются манифестирующие рабочие Ремонтной верфи. У Главного вокзала к толпе присоединяются прохожие, много молодежи, даже дети.

Двор мебельной фабрики во Вжеще заполнен рабочими. Около 500 человек хотят выйти на улицу и идти к зданию воеводского комитета. Из пушной фабрики на улице Лонковой выходят около ста человек, направляющихся к зданию ВК.

ГДЫНЯ, 7 час. 00 мин. Около 100 рабочих судоверфи имени Парижской Коммуны покидают рабочие места. Большинство из них — рабочие цехов К-3 и станочного. Они идут к слесарному цеху.

ГДАНЬСК, 7 час. 15 мин. Головная часть демонстрации из Гданьской верфи подходит к зданию ВК, однако ограничивается несколькими выкриками и направляется к зданию городской комендатуры милиции и Президиума городского народного совета на улице Сверчевского. Колонна быстро пополняется группами смутьянов.

7 час. 30 мин. Толпа оттесняет редкую цепь милиции вглубь улицы Сверчевского. Миниционеры скрываются в здании комендантуры, здании Горсовета, часть отходит улицей Сверчевского. Всю ширину улицы Картуской, за зданием суда, занимает плотная толпа, преграждая доступ в этот район. Отряд милиционеров отступает в переулок, выходящий на улицу Стшелецкую.

Начинается нападение на здание комендатуры. Толпа штурмует вход и окна первого этажа, где находится Управление службы дорожного движения. Другая группа пытается взломать ломami обитые жестью ворота во двор. На стоянке перед зданием стоит 6 милицейских автомобилей с радиоустановками и 3 частных легковых машины. Здесь «работает» группа трех поджигателей. Они действуют систематически. Один стальным угольником разбивает резервуары с бензином, другой держит в руках горящий факел, третий размахивает пистолетом, «охраняя» товарищей. Слышны крики: «Выпустить арестованных!» Толпа атакует тюрьму.

Место схватки заволакивает облако слезоточивого газа. Милиция пускает в ход дубинки и петарды. Это,

однако, не удерживает наступающих. Наиболее агрессивная группа, вооруженная стальными прутьями, врывается в здание, захватывает ряд помещений на первом этаже, где находится, между прочим, склад оружия. Работники Управления движения в последнюю минуту выносят из попавшего под угрозу склада несколько десятков автоматов с полными магазинными коробками, которые, попав в посторонние руки, могли бы привести к катастрофе.

Часть демонстрантов врывается во двор через окна первого этажа. Они открывают железные ворота. Приходит подкрепление. Отсюда до стен, окружающих тюрьму, не более 50-ти метров. «Дорожники» занимают оборонные позиции на крыше стоящей во дворе двухэтажной постройки. В них летят тряпки, пропитанные бензином. Работники милиции под градом камней ликвидируют очаги пожара.

Милиционеры сдерживают наседающую толпу во дворе. Петарды, камни, стулья идут в ход. Атмосфера достигает наивысшего напряжения. Если атакующие доберутся до стен тюрьмы, придется применить оружие. Командующий обороной здания должен принять еще одно нелегкое решение. Прижатые к стене здания со стороны улицы Сверчевского милиционеры оказываются под дождем камней, кирпичей, гаек, латунных колен для соединения труб и тому подобных предметов. Из окон комендатуры видно, как толпа избивает досками окруженного милиционера. Достаточно одного залпа, чтобы разогнать толпу и спасти милиционера. Однако команда открыть огонь не отдается.

8 час. 45 мин. Служба охраны общественного порядка овладевает очень опасным положением в районе комендатуры и Президиума народного совета. Приходят подкрепления. Первый отряд прорвался сквозь толпу на улице Картуской, второй прибыл с улицы 3-го мая. Демонстрантов оттесняют за мост на ул. Сверчевского. В здании комендатуры милиционеры тушат пожар на первом этаже и тлеющую мебель в трех помещениях второго этажа. Производится осмотр здания. На втором и четвертом этаже в стенах и потолке обнаружены следы 6 pistolетных пуль. Выстрелы были произведены с улицы.

Действие развивается теперь на улицах Гучиско и Калиновского). Молодые люди применяют особый и, как вскоре выясняется, опасный для обеих сторон способ нападения. Они задерживают грузовики, приказывают водителям выйти из машины. Затем один из молодых людей берется за руль, разгоняет машину и направляет ее на цепь милиционеров, выскакивая в последнюю минуту из кабинки... Грузовик марки «Стар» меняет направление на небольшом спуске, неожиданно сворачивает вправо, к выезду из вокзала. Толпа разбегается. К счастью, машина въезжает на тротуар и останавливается, натолкнувшись на уличный фонарь. В другом месте в разогнавшийся автобус вскакивает милиционер и выводит его в безопасное место. Еще одна попытка кончается трагически. Выскакивающий из машины молодой человек ударился головой о кузов другого грузовика и погиб на месте.

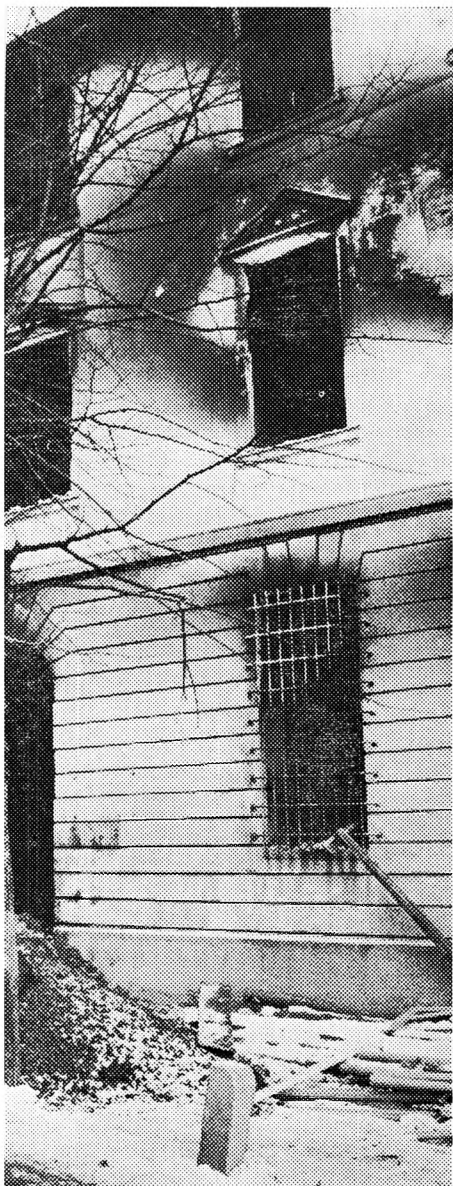
Тот же способ нападения применяется позже у здания воеводского комитета, где, между прочим, была похищена машина, загруженная тяжелым строительным материалом.

Толпа, теперь насчитывающая уже свыше 10 000 человек, разгоряченная схваткой, возбужденная первыми жертвами, еще более ожесточенно атакует здание воеводского комитета.

В районе Главного вокзала — столб черного дыма. На площади перед товарной экспедицией пылают 5 милицейских и армейских автомашин, а также почтовые тележки с батарейным приводом. С моста Блендник из электрички валят зеваки.

9 час. 20 мин. Осаждающие пытаются разжечь пожар в здании воеводского комитета. К окнам первого этажа подбегают со стороны стоянки автомашин четыре подростка. С ними девушка в черном пальто и белых чулках. В руках у нее банка с бензином. Ребята молниеносно поднимают ее, она льет бензин на подоконник. Струя воды из насоса, направленная в них из окна, останавливает опасное предприятие. Бензин льется на стены, на мостовую. От брошенной спички вспыхивает пламя. Огонь, однако, не распространяется и вскоре гаснет. Другая группа поджигателей направляется к окнам под-

улицы после декабрьских событий

вала. Струя бензина, столб пламени. Поджигатели меняют тактику — они кидают в окна пропитанные бензином тряпки.

Гораздо легче поджечь соседнее здание Главной технической организации. Первая же попытка кончается успехом. Оборудование здания объято пламенем. Горят деревянные панели и портьеры ресторана, расположенного на первом этаже.

Поведение безмолвной, пассивной толпы взрослых людей, их равнодушие или злоба, не позволяющие прийти на помощь осажденным в здании комитета, приводят в ужас.

В семь часов пятнадцать минут, когда толпа штурмовала комендатуру милиции и здание Президиума горсовета, было дано распоряжение эвакуировать здание воеводского комитета. В нем остались семеро политработников, двое рабочих мастерских парткома и группа солдат. Около восьми часов прибыл небольшой отряд милиции, вооруженный дубинками и петардами.

9 час. 50 мин. Демонстрантам, наконец, удается поджечь здание ВК. Дом забросали легко воспламеняющимися материалами: бутылками с денатуратом, мастикой для полов и бензином из разгромленного магазина на улице Эльжбетаньской.

Внутри здания работники комитета, солдаты и милиционеры стараются убрать из находящихся под угрозой помещений ковры, занавески и мебель. Весь дом наполнен газом и дымом. Противогазы есть только у военных. Горит главный вход. Два солдата пытаются потушить огонь водой из брандспойта.

10 час. 15 мин. Солдаты получают приказ дать предупредительный залп. Раздается залп в воздух из окон 5-го этажа. Толпа отвечает на залп взрывом хохота.

11 час. 00 мин. Дано распоряжение эвакуировать здание ВК. Рекомендуются выходить через окна. Солдаты получают разрешение пользоваться оружием. Приходится сформировать ударный отряд, в центре которого помещают политработников; солдаты выполняют роль прикрытия. На втором этаже собираются солдаты и работники комитета. Они бросают во двор дорожки и ков-

ры, чтобы смягчить падение. Затем эвакуирующиеся спускаются через окна на половиках.

11 час. 35 мин. Большинство солдат уже во дворе, но провести эвакуацию, как предполагалось, не удастся, так как солдаты окружены толпой, состоящей в большинстве из молодежи. Политработников воеводского комитета и милиционеров окружает агрессивная толпа. Ожесточенные лица, много пьяных. На работников ВК, выбирающихся из горящего здания, набрасываются и избивают, но есть в толпе и рабочие постарше, которые вырывают их из рук разнузданных «молодчиков». Группы поджигателей рыщут по эвакуированному зданию, разжигают огонь в помещениях пятого этажа.

13 час. 00 мин. В здании комитета остались еще двое милиционеров, которые не успели вовремя выбраться. Часть толпы выносит им смертный приговор. Шедшую на помощь пожарную машину останавливают, а затем сжигают. Не выходят попытки спасти милиционеров с помощью вертолета. Ветер сносит в сторону эвакуационный трос.

Милиция и армия собирают все свои силы у здания ВК, чтобы спасти оставшихся. Не хватает сил разогнать грабителей, громящих магазины на улицах Гарницарской, Райской, Подвале Старомейске и вокруг торговых рядов.

14 час. 45 мин. Служба охраны порядка с трудом освобождает площадь перед зданием комитета. Последние два милиционера покидают горящее здание. Они пробиваются по горящим коридорам, закутавшись мокрыми тряпками. Они спасены.

15 час. 00 мин. Большие группы работников Гданьской верфи, Северной верфи и Гданьской ремонтной верфи возвращаются на территорию предприятий и объявляют забастовку с занятием помещений.

В центре города по-прежнему атмосфера боя, слышны взрывы петард, газ ест глаза. Со стороны Вжеща продвигается колонна транспортеров с отрядами охраны побережья, вызванными для обеспечения безопасности общественных объектов. Перед Главным вокзалом толпа останавливает транспортеры. Группы парней вскакивают на бронированные крылья машин, заставляют

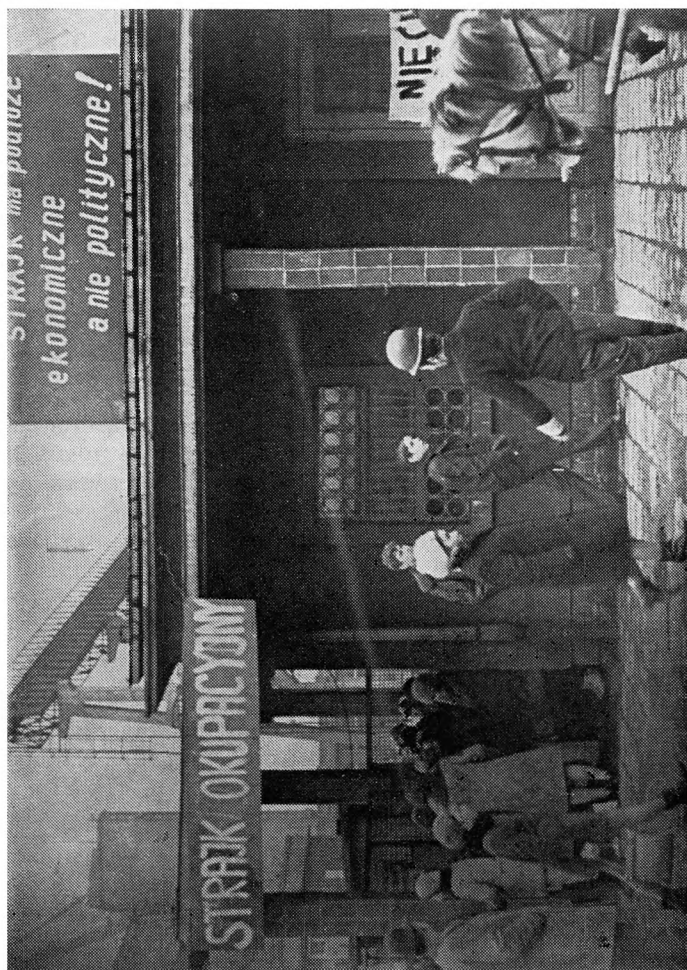
солдат, еще не решающихся применить силу, оставить три транспортера. Кто-то из группы молодых людей пытается завести транспортер. Один из них срывается под гусеницы. Люди переносят тело в вестибюль Главного вокзала. Из вокзального цветочного магазина приносят букеты цветов. Возбужденная толпа поджигает разгромленный киоск, огонь молниеносно распространяется на камеру хранения и помещение почты.

Едкий дым врывается в помещение милицейского поста и смежную квартиру железнодорожного служащего. Железнодорожники и милиционеры включают брандспойты. Работники милицейского поста, однако, отрезаны от выхода. У дверей — враждебная толпа; коридор, по которому можно выбраться на крышу, полон дыма, угара, огня. Милиционеры и семья железнодорожника видят, как толпа задерживает у товарной экспедиции роту милиции, спешившую к ним на подмогу. Можно пробиться с оружием в руках, но это означает новые жертвы. К тому же нет приказа применять оружие. Когда милиционеры вокзального поста начинают терять надежду, со стороны Блендника приходит помощь. Несколько человек спасено от смерти или тяжелых увечий.

18 час. 00 мин. На территории Труймьяста (Гданьск, Гдыня, Сопот) вводится комендантский час. На Главном вокзале действует пожарная команда. Несколько подразделений пожарников находятся у здания воеводского комитета. Толпа демонстрантов возвращается к верфи.

Перед лицом поджогов и грабежей, угроз саботажа на предприятиях, известий о намечающихся взрывах газового завода и водопроводной сети, спуске судов со стапелей и поджоге судов у набережных было решено ввести в город армию, а управления верфей получили распоряжения вывести на рейд суда, находящиеся в последней стадии оснащения, а также обеспечить безопасность технической документации.

На улицах Гданьска пожарные команды и милицеские патрули. Группы самоотверженных торговых работников обеспечивают безопасность разгромленных магазинов. Работники коммунального обслуживания быстро ликвидируют следы повреждений. Они будут работать

У входа в судовой м. Варского. Жены пришли навесить бастующих рабочих

всю ночь для того, чтобы город мог жить нормальной жизнью.

Власти сообщают, что в результате беспорядков 15-го декабря на территории Гданьска погибло 6 человек. Около 300 было ранено.

Милиция задержала, между прочим, 19-летнего Бронислава Ж., слесаря Гданьской ремонтной верфи, у которого были обнаружены пистолет и патроны, и его ровесника, Казимежа С., у которого нашли милицейскую дубинку и офицерский ремень с фамилией его владельца — тяжело избитого работника милиции, находящегося в больнице. У еще одного из задержанных оказался ручной метатель гранат со слезоточивым газом.

Кроме того, были задержаны 128 человек по обвинению в ограблении магазинов. 30 задержанных, в основном женщины и подростки, были освобождены после конфискации украденных вещей.

В специальной программе гданьского телевидения выступил член Политбюро ЦК ПОРП, заместитель премьер-министра Станислав Коцёлэк. Говоря о действиях отрядов охраны общественного порядка, заместитель премьер-министра заявил, что они стояли на страже нормальной жизни, работы и всеобщего благополучия.

СРЕДА, 16 ДЕКАБРЯ

ГДАНЬСК, 4 час. 00 мин. В город вошли воинские подразделения. Танки и транспортеры охраняют общественные объекты, приближаются к верфи, готовые к вмешательству в случае попыток саботажа в ней.

6 час. 40 мин. В Гданьской судоверфи перед зданием дирекции собирается почти пятитысячная толпа, требуя ответа на резолюции, вынесенные накануне. На территории предприятия находится 75% его коллектива. Власти, деятельно поддерживаемые партийным активом верфи, призывают рабочих оставаться в пределах расположения предприятия. Они указывают на опыт предыдущего дня, когда рабочие манифестации переросли в беспорядки и хулиганские выходы в городе. Власти напоминают об опасности, возникающей в условиях улич-

ных демонстраций, несколько раз предупреждают, что армия применит силу для предотвращения беспорядков на улицах Гданьска и во избежание растущей угрозы уличного террора.

8 час. 00 мин. На Гданьской верфи собирается группа молодых людей, не обращающих внимание на предостережения. Они решают двинуться прямо на танки и таким образом проверить, как солдаты будут реагировать на попытку выйти за ворота верфи. Предприятие кончается трагически. Раздаются выстрелы. Два человека убиты, 11 рабочих верфи ранено. Демонстранты отступают на территорию верфи. Большинство рабочих находится в цехах. Назначаются дежурные тройки, задача которых — охранять общественное имущество и порядок на предприятии.

8 час. 15 мин. В Ремонтных мастерских железнодорожного парка митинг. Рабочие добиваются переговоров с представителями властей, которым они хотят предъявить свои требования. В случае отказа выполнить эти требования часть рабочих, в большинстве молодежь, угрожает уничтожением оборудования.

8 час. 20 мин. Работники Гданьского порта отказываются приступить к работе. Они требуют повышения зарплаты на 30% и урегулирования жилищного вопроса.

9 час. 00 мин. В Гданьской верфи около 3 тысяч рабочих и служащих собирается вокруг здания дирекции. Верфь объявляет забастовку с занятием помещений.

9 час. 30 мин. Газовый завод, водопроводная сеть, электростанция, городской транспорт работают нормально. На большинстве строек также продолжается нормальная работа. В Оливе (пригород Гданьска) группа работников верфи убеждает рабочих строительных предприятий начать забастовку. Несогласным угрожают избиением. Работники предприятия «Балтык» получают анонимные угрозы по телефону: им говорят, что если предприятие не приступит к забастовке, оно будет взорвано. Угрозы применения террора получают и другие предприятия, не остановившие работу.

10 час. 45 мин. Во 2-м секторе Гданьского порта заканчивается митинг докеров. Принимается резолюция,

требуемая, в частности, повышения заработной платы и снижения налогов.

11 час. 10 мин. Сообщения из повятов. В Квидзыне спокойно, все работают. Из Лемборка в Гдыню отправлен транспорт хлеба — 2 тонны, — который прибывает к месту назначения между 13 и 14 часами. Второй транспорт десяти тонн хлеба прибудет в Гдыню вечером. В повяте все спокойно. В городе два раза молодые люди бьют окна на улицах. Два молодых человека задержаны. Перехвачены написанные от руки листовки. В Картузах спокойно, наблюдаются недостатки в снабжении магазинов. В Тчеве завод газовых счетчиков и предприятие «Польмо» частично приостановили работу. В Вейхерове, Пуцке, Мальборке — спокойно. В Пруще не работает завод оборудования молочной промышленности и предприятие «Техмет». В штумском повяте все спокойно.

12 час. 00 мин. На Гданьской верфи митинг с участием около 5 тысяч человек, собравшихся вокруг здания дирекции. Представители цехов обсуждают возможности выхода из создавшегося положения. Перевешивает мнение, что рабочие должны разойтись по цехам и следить за порядком. Рабочий комитет назначает охрану из рабочих верфи. Руководители цехов поддерживают спокойствие и дисциплину.

14 час. 40 мин. На Гданьской ремонтной верфи выбран рабочий комитет. Объявлена суточная забастовка с занятием помещений. Весь коллектив остается на территории предприятия. Требования: принятие мер к охране предприятия от разрушений и хулиганских элементов, наказание виновных в экономическом состоянии страны, повышение заработной платы, стабилизация цен, немедленный вывод войск из города.

15 час. 15 мин. На Северной верфи встреча с делегатами цехов. Разработано 5 пунктов петиции. Решено не приступать к работе, пока все требования не будут приняты во внимание.

В послеобедные часы секретари воеводского комитета ПОРП Ежи Гайер и Влодзимеж Стажевский приняли делегацию «рабочего комитета» Гданьской ремонт-

Щецин. Здание райкома партии после пожара

ной верфи, которая предъявила требования повысить зарплату и снизить и заморозить цены. В ходе разговора сами делегаты признали, что их требования не вполне реальны. Секретари ВК сообщили прибывшим, что на их требования будет дан ответ, и призывали стоять на страже порядка и спокойствия до получения ответа. Делегаты сообщили, однако, что они не в силах этого сделать, так как комитет уже не владеет положением . . .

ГДЫНЯ, 17 час. 30 мин. Порт окончательно прекращает работу. (До этого в некоторых секторах продолжало работать несколько десятков рабочих). Докеры заявляют, что они будут отстаивать свои права, но не допустить саботажа и разрушения портового оборудования. Около 14.00 милиция задерживает на территории порта двух пьяных рабочих, у которых были бутылки с бензином. Была сделана попытка отключить воду и отопление, однако удалось обеспечить безопасность оборудования.

ЭЛЬБЛОНГ, 19 час. 15 мин. На улицах города хулиганские группы по 5—10 человек направляются к зданию городского и повятового комитета ПОРП. Перед зданием находится около 400 человек. Толпа атакует здание камнями, пытается разложить огонь. Немногочисленный отряд милиции рассеивает толпу. Отступая, толпа бьет стекла витрин. Пять раз в действие вступает пожарная команда: подожжены два магазина, два киоска и телефонная будка. Огонь потушен немедленно. Группа рабочих предприятия «Замех», составив отряд по охране имущества, помогает разгонять подростков.

ГДАНЬСК, 20 час. 00 мин. Комендатура милиции сообщает, что днем был задержан, в частности, человек, вооруженный ручной гранатой типа РГ-42. В Новом Порту были арестованы Пшемислав Ц. и Эдвард Г., которые, угрожая побоями, заставили заведующего бензоколонки выдать им несколько литров бензина. Вооруженные таким образом, они выжидали случая, чтобы принять участие в беспорядках на улицах Гданьска.

ГДЫНЯ, 20 час. 00 мин. Управление объединенных предприятий судостроительной промышленности передало в судоверфь имени Парижской Коммуны и в осталь-

ные верфи Гдыни телефонограмму о прекращении работы 17-го декабря. Ни одна верфь и так не работала. Содержание телефонограммы передается также железнодорожным властям, для сообщения идущим на работу на всех станциях. Члены партийного актива отправились в общежитие на улице Сленской и в рабочие поселки, где проживает большинство персонала верфи имени Парижской Коммуны и соседних предприятий, чтобы всем дать знать о прекращении работы.

Для объяснения мотивов этого решения следует описать происшедшее в этот день в Гдыньской верфи. На митинге, проведенном рабочими, взяли верх агрессивные элементы. Несколько членов руководства было избито. Велся нажим на коллективы других предприятий, чтобы заставить их остановить работу. Проводилась агитация за демонстрацию и занятие территории верфи имени Парижской Коммуны. «Поставим впереди начальство и женщин, а сами пойдем за ними». На крышах построек ВПК (верфи им. Парижской Коммуны) появились люди с горящими факелами. Примерно в 12.00 члены дирекции верфи были схвачены в качестве заложников. Делегация бастующих со схваченным силой секретарем парткома верфи Пожицким требует переговоров с секретарем городского комитета партии. Если в течение часа переговоры не начнутся, здание дирекции ВПК будет сожжено. Среди членов делегации четыре человека моложе 25-ти, лишь один старше 30-ти лет. Делегация принята. Она предъявляет ультиматум с требованием признать ее единственной властью верфи; делегаты требуют, кроме того, освобождения арестованных членов группы самозванного «межзаводского» стачечного комитета Гдыни и принятия списка экономических требований рабочих.

Делегации было сказано, что принятие ее условий невозможно. Делегаты признали, что они уже не властны над положением. По возвращении на предприятие делегацию встретил ураган свиста.

Дальнейшие события в Гдыне развивались под влиянием печального опыта пожаров и грабежей предыдущего дня в Гданьске. И в Гдыне повторяются угрозы сжечь и разрушить оборудование верфей, порта и коммунальных объектов.

Такое положение вещей привело к решению властей принять меры к охране верфи. Вечером воинские подразделения вошли в расположение ВПК. Находящиеся в последней стадии оснащения суда были выведены на рейд.

Вечером перед телевизионными камерами вторично выступил член Политбюро ЦК ПОРП Сталинслав Коцёлэк. Он сообщил об убытках, причиненных разрушениями предыдущего дня в Гданьске. Он говорил о решении руководства судостроительной промышленности о приостановлении работы вторых смен Гданьской верфи и Гдыньской ВПК. «Это руководство, — добавил он, — решает вопрос о принятии других необходимых мер». В заключение тов. Коцёлэк заявил, что только возобновление работы рабочими и служащими верфей, а не предъявление нереальных требований, может стать основным условием для нормализации жизни в Труймясте.

ЧЕТВЕРГ, 17 ДЕКАБРЯ

ГДАНЬСК, 2 часа 00 мин. Часть коллектива Гданьской верфи, около 3 тысяч человек, решает разойтись по домам. Несмотря на комендантский час, им обеспечивают безопасный проезд. Оставшиеся оставляют верфь до 6-ти часов утра. Прервали забастовку, возвратившись домой, и работники Северной верфи. В Гданьске царит спокойствие.

ГДЫНЯ, 5 час. 50 мин. Со стороны рабочего общежития на улице Сленской, жители которого были предупреждены о приостановлении работы, группа рабочих направляется к верфи.

На железнодорожную станцию Гдыня-Верфь приходят поезда с двух сторон — из Гданьска и из Вейхерова. Гудят громкоговорители. Передается призыв возвращаться по домам. Большинство приезжающих, однако, не реагирует на воззвания. В толпе начинают действовать хулиганы.

В Труймясте уже вошли в силу чрезвычайные постановления, разрешающие прибегать к любым средствам

для охраны общественного порядка и безопасности и общественного имущества. Воинские и милицмейские громкоговорители предупреждают, что не надо приближаться к танкам и вооруженным солдатам. Двое бригадиров выводят своих людей со станции Гдыня-Верфь. То же самое могли сделать все. Большинство, однако, дает себя увлечь разыгравшимся чувствам.

6 час. 10 мин. Толпа наступает. «Главари» призывают ворваться на территорию верфи. Состоит ли толпа только из рабочих верфи? Никто не может этого установить со всей точностью. До сих пор ничего еще не произошло, но благоразумия, хладнокровия и спокойствия уже нет. С криком «ура» толпа насадет на танки. Раздается оглушительный взрыв. Танкисты выстрелили холостым снарядом. Выстрел, взрывная волна которого сбивает с ног, должен был пробудить в толпе инстинкт самосохранения. Большая группа людей, не обращая внимания на предостережение, быстро приближается к танкам. Открывается огонь. Сначала — в мостовую. Толпа игнорирует все предостережения. Краткий рапорт сообщает: «Четверо убитых и несколько раненых».

6 час. 20 мин. С площади у Гдыньского вокзала толпа наступает на здание прокуратуры. Люди окружают танки, стоящие вокруг вокзала, пытаются их захватить. Опять не помогают предостережения — солдаты вынуждены применить оружие.

С площади Конституции перед вокзалом часть толпы движется в сторону здания городской комендатуры милиции, другая колонна, числом около тысячи человек, направляется к зданию Президиума городского совета на улице Свентоянской.

7 час. 30 мин. На платформе станции Гдыня-Верфь волнение достигает апогея. На улице Червоных Косынеров около 5 тысяч демонстрантов сталкиваются с милицией и солдатами. Солдаты с трудом сдерживают натиск. Слышны крики: «Брать бензин!».

Остановлен поезд из Пуцка. Демонстранты берут горючее из дизельного локомотива и поджигают мостик над станцией Гдыня-Верфь. Раздается призыв идти к зданию Президиума горсовета. С 8.00 до 12.00 четыре колонны проходят улицами Червоных Косынеров, 10-го

февраля, Свентоянской и Владислава IV в сторону Президиума. В последней колонне на дверных панелях несут тела убитых.

В районе станции Гдыня-Верфь непрерывно слышны выстрелы, горит мостик над железнодорожным полотном. Из вертолетов и милицейских автомашин в толпы, собравшиеся около станции и у здания Президиума, бросают петарды. Под напором толпы у здания Президиума отряды милиционеров отходят за боевой кордон войск. Командующие отрядами Польской Армии призывают толпу остановиться и предупреждают, что будут вынуждены употребить оружие. Их не слушают.

9 час. 00 мин. Кареты скорой помощи увозят в больницы раненых. Много тяжелых ранений. Солдаты и милиция стреляют под ноги, в твердую поверхность мостовой. Пули рикошетом попадают в людей, стремящихся любой ценой поджечь здание Президиума горсовета. Еще четыре человека убито. Положение становится все более угрожающим. Наступающие пытаются отеснить воинские отряды и милицию на улицу Бема. Толпа хочет захватить бензозаправочную колонку на противоположной стороне улицы Свентоянской. Раздаются крики: «Взорвать колонку!».

Необходимо предотвратить опасность. Вокруг бензоколонки стоят воинские бронемшины. Вблизи жилые кварталы. Не может быть никаких переговоров и дискуссий. Они не помогут. Армия просто должна заградить дорогу к бензоколонке.

Толпа предпринимает семь раз подряд попытки захвата здания горсовета. Армия и милиция с трудом отбивает атаки. Бой продолжается до 12.00. Не видя возможности захватить бензоколонку, атакующие берут горючее из баков случайных автомобилей.

В это время в районе Холма Новотки (один из кварталов города), вблизи виадука на улице Чолгистов, остановлены три поезда: дальнего следования из Гданьска, товарный из Косцежины и пассажирский Гдыня-Косцежина. Раздающиеся из громкоговорителей призывы разойтись заглушаются гудками захваченных паровозов. Недалеко от задержанных поездов распоясавшиеся личности разводят костер на железнодорожном полотне.

Толпа пыталась взять штурмом стоящий на ветке возле станции Гдыня-Верфь поезд, в составе которого находились три бензоцистерны. Это могло повлечь за собой трагические последствия, и власти вынуждены были предотвратить захват поезда.

Силы охраны порядка овладели положением у здания горсовета до конца первой половины дня.

ЭЛЬБЛОНГ, 14 час. 45 мин. Группа работников предприятия древесной промышленности покинула место работы. Шествие направилось в сторону городского и повятовского комитета партии. К рабочим по пути присоединились случайные прохожие. Часть из них быстро запаслась камнями и бутылками с бензином. После того, как толпа была отброшена от комитета, все двинулись в центр города. По дороге разбивали магазины и пункты коммунального обслуживания. Были причинены миллионные убытки. Хулиганы вызвали пожары в 11-ти местах. С помощью группы сорока рабочих с предприятия «Замех» удалось разогнать громил.

Рабочие некоторых цехов «Замеха» прервали работу, но не покинули предприятия. Когда стали громить магазины, в частности, универмаг «Феникс», рабочие организовали отряд самозащиты. Сто человек стерегли территорию фабрики от непрошенных гостей.

Итоги происшествий этого дня в Эльблонге были печальны. Милиция восстановила порядок с помощью рабочих, но среди милиционеров были потери — шестеро раненых. По обвинениям в грабежах и нарушениях порядка были арестованы 65 человек. В этой группе оказались прежде всего обыкновенные воры и грабители.

ГДАНЬСК, утром. В Гданьске прекратить работу пушная фабрика и 200 человек на предприятии «Унимор». Не работали некоторые цехи ремонтных мастерских ж.-д. парка, несколько десятков рабочих «Гидростера» и гданьского предприятия промышленного строительства. В том же положении оказались предприятия «Бляшанка» и ремонтных сельскохозяйственных мастерских. Коллектив фабрики фосфатных удобрений решительно осудил хулиганские выходки разрушителей, но стал на сторону рабочих Гданьской верфи. В Гданьском порту забастовал 1-ый сектор. Там была организована рабочая милиция

и создан соответственный комитет. То же положение наблюдалось во 2-ом секторе. Работа продолжалась лишь при разгрузке фосфатов, угля и руды в 3-м секторе.

Гданьская ремонтная верфь прервала забастовку. Гданьское предприятие «Фосфоры» после короткого митинга приступило к работе. Работа не прекращалась на рыбном заводе.

ВАРШАВА, 19 час. 30 мин. Объявляется постановление Совета Министров об охране общественной безопасности и порядка. В связи с серьезными нарушениями общественного порядка в Гданьске и на территории Побережья, а особенно в связи с поджогами зданий и общественных сооружений и со случаями убийств, постановление обязывает «органы расследования и охраны общественного порядка (...) немедленно принять соответствующие меры для восстановления порядка и мира и для предотвращения попыток его нарушения».

20 час. 00 мин. Речь председателя Совета Министров Юзефа Циранкевича.

ПЯТНИЦА, 18 ДЕКАБРЯ

ГДЫНЯ, 7 час. 00 мин. Из 900 человек коллектива Управления Гданьского порта только 138 приступило к работе. Работают мастерские и 4 подъемных крана при погрузке угля. Разгружаются два судна.

ГДАНЬСК, 7 час. 00 мин. Весь коллектив ремонтных мастерских ж.-д. парка возобновляет работу. На территорию Гданьского порта пришло 17 451 человек, из которых 230 приступило к работе.

12 час. 00 мин. Управление Гданьского порта: в 1-ом секторе 450 рабочих приступают к работе. Работает 3-й сектор и остальные отделы. Продолжают бастовать рабочие 2-го сектора. Министр судоходства отдает чрезвычайное распоряжение о мобилизации работников порта. В результате 2-й сектор также приступает к работе. Благодаря усилиям партактива прекращаются митинги. В этот день было разгружено 16 300 тонн товара. Тем не менее оставалось наверстать много потерянного времени.

STOCZNIA

WZYWA ROBOTNIKOW

DO STRAJKU

Zadamy PODWYZKI

PLAC O 35 PROC

wypr. pr. siene

Sc. w. C. L. tnikiwicda

Листовка стачечного комитета с требованием повышения зарплаты на 35 процентов

В порту стояли 24 судна, на рейде ждало еще десять. Ждали разгрузки и железнодорожные составы.

ГДЫНЯ, 12 час. 00 мин. В Гдыньском порту приступила к работе тысяча человек. Здесь отставание от графика еще больше, чем в Гданьске. В порту стояло 20 судов, на рейде 22. Однако порт начал нормально работать. Все больше рабочих является на работу.

ГДАНЬСК, 14 час. 00 мин. В Гданьскую верфь возвращается с рейда судно номер Б-418/1. В 18 часов передается арматору заказанное Советским Союзом судно Б-26/44. Нормально работает верфь «Висла».

ЭЛЬБЛОНГ, 7 час. 00 мин. Комбинат древесной промышленности не работает. Неизвестные авантюристы угрожают взорвать предприятие. В предприятии «Замех» прерывает работу цех № 1. Рабочие этого цеха агитируют рабочих всего предприятия. Вопреки своим же заявлениям, коллектив комбината на улицу не выходит.

В городе молодые люди раскупают бензин и денатурат. Раздаются угрозы поджечь повятовую комендатуру милиции. В связи с напряженным положением в 15 часов в город вступают воинские части. Рабочие «Замеха» заявляют: «Не будем работать, но не выйдем на улицу». Организовывается отряд самозащиты. Часть коллектива, однако, продолжает работать. Вторая смена ЗВП все еще не приступает к работе.

В центре города собираются группы молодых людей. Производятся попытки поджечь здание повятового и городского комитета партии. Толпа демонстрантов разбивает и грабит магазин. Их разгоняют милиция и солдаты. Идут в ход слезоточивые газы и петарды. Заправила нападают на танк, пытаются его поджечь. Холостой пушечный выстрел удерживает их на расстоянии. Толпа становится агрессивной. Армия и милиция предупреждают, что будут вынуждены применить оружие. К сожалению, их предупреждения остаются без внимания. Толпа атакует. Раздаются выстрелы. На месте убит один, ранено трое человека. Разрушены 134 магазина и коммунальных предприятия. Материальный ущерб достигает 25 миллионов злотых. Комендантский час перенесен с 18 на 17 часов.

В этот день жизнь на территории всего воеводства начинает нормализоваться. Работают промышленные предприятия Старогарда. Только фабрика судовой мебели прервала на короткое время работу. По требованию коллектива там произошла встреча рабочих с первым секретарем повятового комитета партии. После встречи работа возобновилась. В Лемборке и Косцежине работа шла нормальным ритмом. Только в Малыборке, на заводе вентиляторов 60 рабочих монтажного цеха прекратили работу. Была проведена встреча 1-ой смены с секретарем повятового парткома. И здесь, после разговора и объяснений, рабочие вернулись на свои места.

СУББОТА, 19 ДЕКАБРЯ

Порты Гданьска и Гдыни работают нормально. В Гданьском порту стоит 28 судов, на рейде ждет 10. В Гдыне работа ведется в три смены. На вторую смену добровольно явилось 560 рабочих, на третью — 300.

Перегружено 16 872 тонны товаров.

В предприятиях «Эльмор» и «Гидростер» в связи с возобновлением работы на верфях вводится вторая смена. Из Гданьской верфи выходят два судна, предназначенные для советских арматоров. Верфь «Висла» завершает выполнение годового плана продукции. Последнее судно выходит в испытательный рейс.

Работают без перебоев все промышленные предприятия Труймьяста, а также Тчева, Старогарда, Лемборка и ряда других, менее крупных промышленных центров воеводства. В Эльблонге приступило к работе предприятие ЗВП. Только в некоторых цехах предприятия «Замех» с утра проводились митинги. Остановил работу новый литейный цех. На улицах города в первой половине дня собирались небольшие группы демонстрантов. Во второй половине дня в городе царил покойствие.

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ

По-видимому, уже в ноябре 1970 года был заключен тайный союз между Эдвардом Гереком и Мечиславом Мочаром. Целью этого союза было отстранение от власти при ближайшем удобном случае Гомулки и его группы и принятие в свои руки руководства Центральным комитетом партии. Сближение между двумя соперниками состоялось, вероятно, уже ранней осенью.

Каждый из них действовал, преследуя собственные цели. В вопросе о проектируемой экономической реформе и предполагавшемся введении новой системы экономических стимулов Герек оказался в решительной оппозиции по отношению к Болеславу Ящуку, автору этих проектов, и Гомулке, который их поддерживал. Первый секретарь воеводского комитета Силезии считал, что экономические планы Ящука направлены против интересов его силезской вотчины.

У Мочара были свои причины к беспокойству. Гомулка осторожно, но систематически стремился подорвать влияние Мочара, постепенно вводя своих людей в МВД, и, одновременно, ограничивал власть Мочара в секретариате ЦК и в Политбюро. Ввиду резко отрицательного отношения Кремля к Мочару, честолюбивый полицейский признавал, что занять высший пост в партии ему не удастся. Он решил до поры до времени удовлетвориться вторым местом в партии. Так объясняется успех попытки Мочара сговориться с Гереком.

Оба союзника внимательно наблюдали за все ухудшавшимся экономическим положением страны и все более многочисленными признаками роста недовольства рабочих масс.

В этой ситуации положение Гомулки становилось уязвимым. Делу помогал сам Гомулка, непрерывно доказывая своим поведением среди ближайших сотрудников полное отсутствие здравого рассудка и понимания обстановки при наличии слепого упрямства. Знакомые всем вспышки бешенства учащались, превращаясь в симптомы нервного заболевания.

Все это должно было пробуждать у членов Политбюро, Секретариата и аппарата ЦК нарастающее беспокойство и уверенность в приближавшемся кризисе. Под влиянием этих настроений все больше работников из непосредственного окружения Гомулки брало курс на тайное соглашение Герек-Мочар.

Контрнаступление Гомулки: повышение цен

Союзники выжидали удобного случая. Они надеялись, — как впоследствии оказалось, совершенно правильно, — что такой случай может им предоставить реакция общественности, в особенности рабочих, на задуманное властями повышение цен. Введение повышения цен вначале предусматривалось к 24 января 1971 года.

Гомулка решил действовать внезапно и объявить повышение цен раньше срока. Он надеялся, по-видимому, спутать карты неподготовленного противника. Похоже, что для Гомулки тактические преимущества внезапного нападения перевесили опасность озлобления масс, вызванного повышением цен на товары широкого потребления и продукты питания за десять дней до праздников.

Окончательно решение в вопросе о повышении цен было принято, по-видимому, 9 декабря, на заседании Политбюро. Этому решению предшествовали лихорадочные совещания в Политбюро и Секретариате, длившиеся с первых чисел декабря. Ближайшие друзья Гомулки как будто уговаривали его отказаться от повышения цен. Однако, когда 9 декабря дело дошло до голосования, победила привычка рабски подчиняться деспотическому вождю, и все они голосовали за Гомулку.

Однако на заседании Политбюро, вынесшем решение о повышении цен, не было полного состава. Отсутствовал, в частности, Герек, а среди заместителей — Мочар. В течение предыдущих дней они бойкотировали совещания Политбюро и Секретариата ЦК, которые велись почти без перерыва с 1 декабря. Когда Гомулка вызывал Герека в Варшаву, тот отвечал, что занят разными важными собраниями в Силезии. В принципе бойкот совещаний Политбюро на такие важные темы обозначал открытый отказ в повиновении. Тот факт, что Го-

мулка не принял соответствующих мер по этому поводу, убедительно свидетельствовал о его слабости.

Итак, окончательное постановление о повышении цен было принято на заседании Политбюро, как кажется, состоявшемся 9 декабря. Постановление прошло большинством голосов при отсутствии нескольких членов Политбюро. Однако, письмо Политбюро, разъясняющее это постановление партийным организациям, помечено тем же числом, что и постановление Совета Министров, т. е. 12 декабря.

В тот же день, субботу 12 декабря, в 10.00 часов во всей стране были одновременно проведены инструкционные совещания для руководителей администрации на уровне министерств, президиумов Народных советов, центральных объединений и т. д. Руководители были ознакомлены с постановлением Совета Министров.

Три часа спустя аналогичные совещания имели место на всех предприятиях страны. Были даны инструкции, как объяснять и обосновывать постановление правительства. В 14.00 часов были созваны такие же совещания для первых и вторых секретарей районных и повятowych комитетов партии. Еще до этого первые секретари воеводских комитетов получили распоряжение созвать во второй половине дня собрания агитаторов и партийных лекторов. В зависимости от местных условий, эти собрания проводились с 3-х до 6-ти часов вечера. Агитаторы и лекторы подготавливались к пропагандной кампании на открытых собраниях и встречах с рабочими коллективами. Они получили инструкции, какими аргументами следовало пользоваться и как реагировать на вопросы.

Открытые собрания должны были созываться с понедельника 14 декабря. От этого намерения, однако, быстро отказались ввиду тревожных донесений о волнениях на Побережье. Власти опасались, что каждое большое собрание может легко перейти в манифестацию и привести к беспорядкам.

В Варшаве на собраниях служащих и активистов уже замечалась сильно напряженная атмосфера. Сообщение о дальнейшем ухудшении условий жизни принималось, как правило, глухим молчанием. На повестке дня, вопреки обыкновению, не было дискуссии, а лишь вопросы и разъяснения. Кое-где раздавались голоса сомнения и

даже критики. Это случалось чаще всего на тех партийных собраниях, где некоторые активисты начинали предчувствовать перетасовку в верхах.

Были случаи, когда партийные агитаторы и лекторы просто отказывались принимать участие в открытых партийных собраниях на рабочих предприятиях. Они не находили в себе достаточно силы, чтобы объяснять рабочим, что и без того скверные жизненные условия еще более ухудшаются. В варшавском районе Прага—Север около 15-ти агитаторов открыто объявили, что не выйдут на встречи с рабочими коллективами. Большинство из них было представителями завода легковых автомобилей в Жеране.

В воскресенье 13 декабря Политбюро снова заседало. Герек и Мочар по-прежнему отсутствовали.

На следующий день, в понедельник 14 декабря начало работу VI пленарное заседание ЦК. Оно также проходило в неполном составе. В нем не приняли участия Герек, Мочар, Ярошевич и ряд других партийных руководителей. Заседание проходило и на этот раз в атмосфере покорности перед властью и авторитетом Гомулки.

Бунт в Тройном городе

Пленарное заседание было прервано на три часа раньше срока под влиянием донесений с Побережья. Вначале предполагалось, что речь идет о местном взрыве недовольства, который можно будет легко изолировать и потушить.

В понедельник 14 декабря, вечером, новые сообщения из Тройного города вызвали ужас в обеих фракциях — и у приверженцев Гомулки и у сторонников Герека. В течение последующих дней Гомулка, потрясенный событиями, полностью потерял умственное и нервное равновесие. Можно полагать, что опубликованное позднее медицинское сообщение о состоянии его здоровья не было преувеличено, разве лишь с той оговоркой, что дело было не в расстройстве системы кровообращения, а в сильном нервном расстройстве.

Уже в понедельник 14 декабря, вечером, Гомулка, по видимому, отдал приказ усмирить полнениа всеми до-

ступными методами. В этой формулировке еще не говорилось о применении оружия, но смысл распоряжения и без того был ясен. Можно думать, что Гомулка отдал этот приказ во время очередного приступа бешенства.

В дальнейшем Гомулка совсем теряет способность справляться со своими обязанностями. Начиная с 15 декабря власть переходит в руки Зенона Клишко, который, однако, поддерживал контакт с Гомулкой. Приказ стрелять в демонстрантов, формально подписанный 15 декабря Клишко, исходил, по-видимому, еще от Гомулки.

Как только известия о событиях на Побережье достигли Силезии, Герек решает перенести свою ставку из Хожува поближе к Варшаве. Это произошло, как можно полагать, в понедельник 14 декабря. С этого момента существуют два параллельных центра власти: один в здании ЦК на улице Новый Свят в Варшаве, а второй — вблизи Легионова, пригорода Варшавы. И тут и там настроение паническое.

Сообщения не только из Гданьска, Гдыни, Эльблонга, Слупска и Щецина, но и со всех концов страны говорят о поднимающейся волне революционного гнева. 17 декабря, под влиянием речи Циранкевича и постановления Совета Министров о применении оружия против демонстрантов, положение резко ухудшается. Революционное волнение нарастает в таком темпе, что не только Гомулка и его сторонники, но и все руководство оказывается перед лицом смертельной опасности. Варшавские рабочие назначают всеобщую забастовку на понедельник 21 декабря. В столице ожидают митингов и уличных демонстраций, которые могут окончиться печально для партии. Штаб Герека под Легионово охраняется сильными и отлично организованными отрядами внутренних войск.

На следующий день после речи Циранкевича секретарь варшавского комитета партии Ю. Кемпа заявляет, что не может принять на себя ответственность за удержание порядка в столице.

VII пленарное заседание в Натолине

В тот же день, пятницу 18 декабря, партийные власти начинают решительные действия. По распоряжению Герека на два часа прерывается телефонная и телетайпная

связь с Центральным комитетом. Гомулку изолируют на его даче под надзором врачей и других лиц. Одновременно принимаются меры к ограничению свободы передвижений Клишко, Спыхальского, Стшелецкого, Ящука, а также — по причине семейных связей — Коцёлэка.

В то же время Герек распоряжается о созыве VII пленарного заседания. О страхе, объявшем партийную верхушку, ясно свидетельствует факт созыва пленума не в Варшаве, а в дачном пригороде столицы Натолине. В том же Натолине в субботу 19 декабря состоялось первое заседание старого Политбюро под председательством Герека. На этом заседании уже не было Гомулки, который, как было сказано позднее в официальном сообщении, утром того же дня «подчинился» решению врачей. Отсутствовали также Клишко и Спыхальский.

На этом собрании, в атмосфере нависшей надо всеми опасности, соперники приходят к соглашению. Назначается новый состав руководства партии, производятся изменения на постах председателя Совета Министров и председателя Государственного Совета, обсуждаются методы усмирения демонстрантов и принимаются первые решения, которые Герек сообщил в своей первой речи к народу после прихода к власти.

Мочар получает предписание подавить волнения и наказывать организаторов забастовок и рабочих руководителей. За исполнение этих задач Мочар несет личную ответственность. VII пленарное заседание было назначено на воскресенье 20 декабря, в 9.30 часов, в Натолине. Заседание было заранее тщательно подготовлено и запланировано.

В связи с положением в стране и необходимостью обеспечить безопасность членов ЦК, пленарное заседание проводилось в полной тайне. Были вызваны сильные отряды службы безопасности.

Герек был избран Первым секретарем партии почти единогласно. В зале, однако, раздавались голоса, требовавшие избрания нового секретаря только на трехмесячный срок. Мочар был избран всего лишь большинством голосов.

ПИШУТ В ГАЗЕТАХ

Ниже мы приводим отрывки из статей, печатавшихся в польской прессе в январе и первой половине февраля 1971 года.

Общий тон сообщений не выходит из строго определенных рамок. Несмотря на это, в воеводских газетах, в особенности выходящих на Побережье, а также в некоторых варшавских еженедельниках сквозь барьеры цензуры прорвались смелые голоса, которые частично отражают настроения польской общественности.

«Не может быть единой оценки, единой версии декабрьских событий. Каждый по-своему интерпретирует, по-своему проливает свет на каждое происшествие последних дней. Каковы причины того, что в четверг 17 декабря остановилась работа на щецинской судовой верфи им. А. Варского?

Нарыв должен был когда-нибудь прорваться. Атмосфера была критической. В течение нескольких лет в людях накапливалось недовольство, раздражение, сознание того, что никто не считается с их голосом. На верфи люди работают тяжело, по двенадцать-тринадцать часов в день; сверхурочные часы стали почти законом. Конец года всегда наиболее труден: множество работы, штурмовщина при выполнении плана. И это не в первый раз, вот уже много лет каждый год происходит то же самое... Так объяснял нам причины нарастания кризиса один из партийных активистов, которого в декабрьские дни волна событий поставила во главе стачечного комитета.

Чего хотят рабочие?

...Они хотят, чтобы исчезло отчуждение, герметическая замкнутость властей с их делами. Они хотят введения гласности, информации. Хотят, чтобы в учрежде-

Один из лозунгов на судоверфи и.м. Варского с требованием уравнения зарплаты членов ЦК и рабочих

ниях царила атмосфера внимания и участия по отношению к людям, не принадлежащим к аппарату власти. Чтобы не только Магомет ходил к горе, но и гора к Магомету. Чтобы общественная жизнь велась под общим контролем. Чтобы учреждения и организации делали то, что обязаны делать согласно их положению. Чтобы была справедливость в отношении к людям, в оценке рабочих, в продвижениях по работе. И чтобы нравы стоящих у власти людей были скромнее.

Это все, или почти все, что можно услышать без особых усилий в Щецине, и что там медленно, не без конфликтов и труда, зарождается».

(Из статьи о встрече Герека с рабочими Щецинской судоверфи, «Политика», 6. 2. 1971).

*

«... — Вы не информируете людей; одно пишут в газетах, совсем другое происходит вокруг нас. У нас ведь есть глаза. Мы хотим правды. Пусть то, о чем вы пишете, будет неприятно, печально, скверно, но пусть это будет правдой...

— Я буду работать за тарелку супа, но хочу знать правду!

— А что наш коллектив мог сказать? Нас слушали только тогда, когда мы принимали обязательства.

— Или советовали, как повысить производительность труда. Мы повышали производительность, а нормы росли.

— Нам закручивали гайки в обе стороны. Нормы росли, и цены росли. Нитка и лопнула.

— На каждом шагу нарушались правила о зарплате. Активисты в цехах оплачивались из наших заработков. Как-то я работал при обшивке, смотрю, за это мне не платят. Кто взял деньги? Активист из моего цеха.

— Теперь наши требования дошли, наконец, куда надо.

— Надо будет подождать — подождем. Мы только не хотим, чтобы опять нас кто-нибудь обманывал».

(Высказывания рабочих, записанные репортером Гданьской судоверфи, «Политика» 6. 2. 1971).

*

«Одним из условий быстрого улучшения политических, общественных и экономических отношений является быстрая и полная информация как о событиях, так и о действиях и планах руководства. В связи с декабрьскими событиями участники дискуссии требовали полного отчета об их ходе. При этом требовали опубликовать списки погибших».

(Отрывок из отчета с рабочих собраний, «Глос щецинский» 11. 1. 1971).

*

«Для нас важно, чтобы было лучше. И не только через десять лет или в конце века, а по возможности, уже сейчас. «Чтобы было лучше» в сознании гражданина этой страны вовсе не значит, что мы хотим просто больше потреблять. Проблема сытости не занимает наши умы без остатка. Известно — не хлебом единым... Говоря прямо, для того, чтобы уже сегодня могло быть лучше, нам нужно не только больше материальных благ для непосредственного потребления. Нам нужно больше демократии».

(«Вядомости», Вроцлав, 24. 1. 1971).

*

«Гражданин Польши сегодня хочет главным образом, чтобы ему поверили, что он уже не ребенок, которого нужно водить за ручку, не юная инженю из театра, которая принимает за чистую монету все, что ей ни скажут. Он хочет не только верить, но и активно содействовать достижению реальных целей — общих, а значит и собственных, — а также знать, что его голос будет приниматься во внимание. Он хочет, чтобы его убедили, но убедили не с пьедестала посвященных в тайны, не с помощью беспочвенных разглагольствований.

Гражданин Польши заслужил того, чтобы его принимали во внимание при всех расчетах, заслужил хотя бы тем, что верил в лучшую жизнь, отстраивал страну после военных разрушений.

... Для того, чтобы наши усилия не растрчивались напрасно, чтобы они были более результативными, нужно выполнить простое, рациональное и необходимое условие: эти усилия должны опираться на убеждение в правоте своего действия и на полное использование индивидуальных возможностей. А между тем, наши усилия все чаще сопровождаются тратой слов и обещаний, а также тратами организационными, экономическими и техническими. Как много настоящего энтузиазма и самопожертвования, как много доброй воли рассеялось по ветру!»

(«Дзенник польский», Краков, 4. 2. 1971).

*

«Диалог — это разговор. Для того, чтобы разговор дал результаты, обе стороны должны быть в полной мере проинформированы. На что похож был бы разговор, в котором одна сторона знает все, а вторая немного или почти ничего? Если общность действий опирается на взаимопонимании, то взаимопонимание опирается на правильную информацию. Общественность, верящая в себя, должна быть общественностью, проинформированной лучше, чем до сих пор.

... Речь идет о праве гражданина иметь и выражать собственное мнение, а также подвергать сомнению мнение официальное.

...Итак, если мы хотим идти вперед, мы должны признать принцип борьбы взглядов признаком нормальной общественной жизни. Надо ввести правило ненаказуемости идей.

... Диалог, который ведет к результатам, не может опираться на нравоучения, менторский тон и поучения «сверху». Людям следует говорить правду в глаза и не льстить при этом. Но они не могут постоянно слышать, что они слишком ленивы, слишком много едят, а государство (которое становится таким образом каким-то абстрактным понятием) непрерывно терпит от них убыток. Одной из причин протеста судостроителей было и то, что они вечно слышали от властей о чрезмерной стоимости их продукции. А всем известно, что влияние судо-

строителей на ход производственных процессов весьма ограничено.

Это значит, что мы должны найти такие формы, которые обеспечат более свободное, чем до сих пор, движение мыслей, столкновение взглядов. Это не роскошь, а государственная необходимость».

(«Жиче Варшавы», 5. 2. 1971).

*

«Критика является элементарным условием движения информации, каждый недостаток информации прерывает цепь на всех уровнях общественной жизни, выводя из строя сигнальную систему, необходимую для правильного функционирования.

Дело упирается в то, что иногда определяется выражением «благоприятная для критики атмосфера». Но тут недостаточны слова, заявления или поощрения. Если эта атмосфера должна существовать в действительности, она не может не опираться на признанное и гарантированное право граждан на собственное мнение, а также — не надо этого бояться — на признание права граждан на ошибки. Никакие самые горячие призывы и уговоры не пробудят в гражданине сознательности и критического подхода к общественным явлениям, не приведут его к конструктивной критике замеченных недостатков, если в каждодневной жизни поощряются конформизм и отсутствие собственных взглядов».

(«Вспулчесность», 7. 2. 1971).

*

«В нашей экономике было и есть много причин, вызывающих неудовлетворительную экономическую эффективность и, в свою очередь, малую способность повышения реальной стоимости заработной платы. Эти причины разные и сложные, внешние и внутренние, временные и продолжительного характера. ... Я лично, однако, считаю, что среди многих переплетающихся причин можно и нужно выделить сегодня одну, явно преобладающую. Это, по-моему, устаревшая, нуждающаяся в глубоких реформах система функционирования экономики.

Эта система продолжает характеризоваться чрезмерной централизацией и бюрократизацией экономической инициативы и решений. Права и ответственность экономических организаций низшего уровня, предприятий, комбинатов и объединений, их коллективов и руководящих составов все еще слишком узки и к тому же слишком неопределенны.

Элементарным условием прогрессивной и свободной эволюции системы функционирования народного хозяйства остается последовательная прогрессивность политической надстройки, ее способность последовательно и четко действовать во имя реальных интересов социалистического общества.

Эти основные марксистские истины приводят нас к выводу, что запаздывание, непоследовательность и даже деформации, которые проявились в плановой системе функционирования народного хозяйства, произошли не столько из-за недостатка концепций, пробела в теории или так называемых внешних условий, сколько из-за слабости внутренней политической системы».

(«Жиче господарче», 14. 2. 1971).

«Тадеуш Боровский когда-то, уже давно, писал, что намеревается «смотреть на пальцы народной власти». За это ему изрядно достатоль. Кто же дал писателю право судить и осуждать, кроме того, что мы называем его совестью.

Писатели не являются политической силой. Они могут существовать в политике как люди, примкнувшие к массам, представляющим действительную силу, как выразители этой силы — по той причине, что они умеют или должны уметь выразить слова и мысли общественной силы класса, который они представляют.

Но кто же, однако, имеет право «смотреть власти на пальцы?»

(«Культура», 7. 2. 1971).

ЗАРПЛАТА И ЦЕНЫ

Деятель французского социалистического профсоюза «Форс увриер» Поль Бартон в книге «Нищета и бунт польского рабочего», изданной вскоре после декабрьских событий 1970 г. в Польше, анализирует на основе польских и иностранных статистических материалов экономическое положение польских трудящихся.

Он констатирует, что только в 1967 г. зарплата польского рабочего достигла уровня 1939 г.

Для того, чтобы представить уровень заработной платы польского рабочего, Бартон прибегает к сравнению с заработками в других странах. В качестве единицы измерения он берет число часов, которые должен проработать рабочий для приобретения определенных продуктов или видов услуг.

На основе этого в 1967 г. было подсчитано, что для приобретения «корзинки продуктов» — международной единицы подсчета, складывающейся из продуктов, необходимых для пропитания в течение недели семьи, состоящей из двух взрослых и двоих детей — рабочий должен работать в:

Нью-Йорке	—	7,3 часа
Лондоне	—	13,9 „
Мюнхене	—	21,0 „
Париже	—	32,1 „
Варшаве	—	56,8 „
Москве	—	59,2 „

Подсчет, основанный на заработной плате и ценах 1968—1969 гг., дал следующую таблицу количества рабочего времени, необходимого для приобретения продуктов, товаров широкого потребления и услуг.

Продовольственные товары

	Польша	Франция
1 кг. белого хлеба	0 ч. 22 мин.	0 ч. 12 мин.
1 литр молока	0 ч. 19 мин.	0 ч. 10 мин.
1 кг. масла	5 ч. 50 мин.	1 ч. 49 мин.
1 кг. маргарина	2 ч. 09 мин.	0 ч. 38 мин.
1 кг. бифштекса	3 ч. 44 мин.	2 ч. 30 мин.
1 кг. ветчины	10 ч. 00 мин.	2 ч. 25 мин.
1 яйцо (летом)	0 ч. 09 мин.	0 ч. 03 мин.
1 кг. помидоров (летом)	0 ч. 32 мин.	0 ч. 15 мин.
1 кг. сахара	0 ч. 53 мин.	0 ч. 16 мин.
1 кг. кофе в зернах	20 ч. 45 мин.	1 ч. 40 мин.
1 кг. какао-порошка	13 ч. 10 мин.	0 ч. 50 мин.
1 литр пива	0 ч. 44 мин.	0 ч. 12 мин.
1 кг. апельсин	3 ч. 45 мин.	0 ч. 20 мин.

Товары широкого потребления

	Польша	Франция
Рубашка нейлоновая	33 ч. 20 мин.	6 ч. 00 мин.
Костюм полушерстяной	125 ч. 00 мин.	30 ч. 00 мин.
Плащ нейлоновый	59 ч. 20 мин.	6 ч. 40 мин.
Обувь кожаная	16 ч. 26 мин.	5 ч. 00 мин.
Чулки нейлоновые (пара)	4 ч. 09 мин.	0 ч. 17 мин.
10 лезвий для безопасной бритвы	0 ч. 48 мин.	0 ч. 17 мин.
Портативн. радиоприем- ник на 7 транзисторах	103 ч. 00 мин.	20 ч. 00 мин.
Телевизор со средним экраном	416 ч. 00 мин.	165 ч. 00 мин.
Автомобиль (4—5-местн.)	192 недели	33 недели

Досуг, услуги, культурные развлечения

	Польша	Франция
Билет в кино	0 ч. 49 мин.	1 ч. 00 мин.
Пластинка (классическая музыка) 33 об.	4 ч. 20 мин.	2 ч. 45 мин.
Книга (массовое издание)	1 ч. 45 мин.	0 ч. 30 мин.
Вход в городской бассейн	0 ч. 25 мин.	0 ч. 20 мин.
Билет трамвайный или автобусный	0 ч. 02 мин.	0 ч. 08 мин.
Билет железнодорожный (100 км.)	2 ч. 05 мин.	1 ч. 45 мин.
Квартирная плата за 2 комнаты	41 ч. 30 мин.	41 ч. 36 мин.

ВСТРЕЧА С БАСТУЮЩИМИ РАБОЧИМИ

Через 32 дня после кровавых декабрьских событий, через 32 дня после свержения Гомулки и прихода на его место Герека щецинские судостроители снова бастуют. Повышение цен, против которого выступили рабочие Побережья в декабре 1970 г., сохраняется в силе, а желание рабочих усиленным трудом повысить свой заработок изображается пропагандой как «производственный почин» в честь нового партийного руководства.

Возмущенные ложью щецинские судостроители 22 января 1971 г. бросают работу. К ним присоединяются рабочие других предприятий города и воеводства. Впервые в забастовку включаются железнодорожники щецинского узла. 23 января всеобщая забастовка парализует Щецин.

24 января на судовой верфь имени Варского, оккупированную бастующими судостроителями и окруженную вооруженной до зубов шеститысячной армией милиционеров, прибыли Первый секретарь ЦК Герек, премьер-министр Ярошевич, министр обороны Ярузельский и исполняющий обязанности министра внутренних дел Шляхциц.

После продолжительных переговоров со Стачным комитетом гости добились согласия на созыв не общего собрания всех рабочих верфи, а собрания делегатов от рабочих.

300 представителей всех производственных ячеек верфи собрались в тесном красном уголке для разговора с руководителями партии и правительства. Ход собрания был необычным для социалистической Польши. Первым выступил не Первый секретарь ЦК, а председатель Стачного комитета, огласивший требования бастующих в одиннадцати пунктах. Лишь затем стал говорить Герек. Потом выступали делегаты от рабочих, аргументируя свои требования.

Польская печать ограничилась лаконичным коммюнике, гласившим: «24 января Эдвард Герек, Петр Яро-

шевич и другие представители партийного руководства встретились с рабочими судоверфи им. Варского, приняли участие в заседании воеводского комитета партии и работе совещания партийного актива . . .»

Ход встречи рабочих с партийным руководством был, однако, записан на магнитофонную ленту и стал распространяться в стране. Выходящий в Париже журнал «Культура» напечатал текст всех выступлений на той встрече.

Ниже мы приводим выдержки из речей партийных руководителей и рабочих, позволяющие составить представление об атмосфере, царившей на этом необычном собрании, на котором руководители «государства рабочих и крестьян» встретились лицом к лицу с представителями рабочего класса.

(Выступавшие не читали своих речей, а говорили, поэтому нередко фразы незакончены, имеются повторения, слова-паразиты. Выступления транслировались в цеха судоверфи).

Требования

работников щецинской судоверфи имени А. Варского и щецинской судоремонтной верфи

Работники судоверфей солидаризуются с рабочими Побережья, поддерживают их справедливые требования во время окупационной забастовки и со своей стороны выдвигают следующие требования:

1. Требуем замены нынешнего Центрального совета профсоюзов, который никогда не выступал в защиту трудящихся масс.

Требуем независимых профсоюзов, подчиненных рабочему классу.

2. Требуем снижения цен на продовольственные продукты до уровня, на котором они были 12. XII. 1970 г.

3. Требуем повышения заработной платы на 30%.

4. Требуем нормальной оплаты за дни забастовки.

5. Требуем возмещения потерь, понесенных в связи с забастовкой, и в первую очередь окружения заботой

матерей и детей рабочих, погибших во время событий или ставших инвалидами.

6. Требуем освобождения рабочих, арестованных в связи с событиями, и неприменения к ним никаких юридических и служебных санкций.

7. Требуем неприменения никаких служебных и юридических санкций к членам стачечных комитетов и участникам забастовки. В случае неисполнения этого требования забастовка будет продолжаться.

8. Требуем невмешательства вооруженных сил в производственные дела и недопущения переодевания милиционеров в военную форму, что пачкает воинскую честь.

9. Требуем публичной отмены решения Совета Министров от 17. XII. 1970 г. о применении оружия.

10. Требуем наказания виновных в кровавой расправе с рабочими, выступившими в защиту справедливого рабочего дела, и категорического запрещения стрелять в безоружных трудящихся.

11. Требуем наказания виновных, приведших к нынешнему экономическому кризису в стране, независимо от положения, которое они занимают в партии и в правительстве.

12. Требуем перестать называть рабочих хулиганами и наказывать тех работников печати, радио и телевидения, которые это делали. Трудящиеся были вынуждены выступить в защиту своих прав.

13. Требуем ограничения заработной платы работников партийно-административного аппарата и уравнивания ее со средними заработками в промышленности.

14. Требуем уравнивания цен на продукты в специальных столовых милиции и войск внутренней безопасности с ценами, обязательными для всей страны.

15. Требуем создания соответствующих условий для увеличения жилищного строительства и справедливого распределения жилищ без льгот для привилегированных слоев общества.

16. Требуем сокращения административного аппарата до разумных границ.

17. Требуем отмены радио-телевизионной блокады города Щецина.

18. Требуем постоянной и добросовестной информации об экономическом и политическом положении в стране средствами массовой информации в программах для всей страны.

19. Мы не присутим к работе до тех пор, пока наши требования не будут удовлетворены правительством и мы не будем извещены об этом в общепольской программе средствами массовой информации.

20. Мы требуем приезда к нам депутатов Сейма, избранных Щецинским воеводством, во главе с генералом Ярузельским, для удовлетворения наших справедливых требований.

21. Мы, судостроители, не принимаем участия ни в каких политических и антигосударственных выступлениях. Наше выступление носит чисто экономический характер.

После удовлетворения наших требований мы приступим к добросовестному и честному труду.

Стачечный комитет
судоверфи им. А. Варского

Стачечный комитет
судоремонтной верфи

*Из выступления Первого секретаря ЦК ПОРП
Эдварда Герека*

Товарищи! Вчера, когда мне сказали, что верфь забастовала, меня и товарища Ярошевича факт этот очень огорчил. Огорчился я потому, что в момент, когда на нас возложили такую тяжелую обязанность, обязанность вытащить страну из огромной отсталости, из кризисного положения, эта приостановка работа была и остается для нас делом исключительно трудным. Делом, которое нам не помогает, которое, как говорится, вместо того, чтобы мобилизовать нас на принятие быстрых решений, направленных на улучшение экономического положения в стране, эта приостановка работы, повторяю, нам все это очень затруднила...

Положение, сложившееся и здесь на верфи, и в Щецине, и во многих других городах нашей страны, это положение нарастало на протяжении долгого времени. Нарастало, в частности, потому, что — как я говорил по телевидению после VII пленума, — имелись причины

и субъективные, зависевшие от людей, и объективные. Объективные причины — это неудачи на протяжении двух лет подряд в сельском хозяйстве... Это необходимость покупать в капиталистических странах и машины, и оборудование и платить за них долларами. И дискриминация нас на некоторых капиталистических рынках. Но были, как я говорил, и субъективные причины. Причины, зависевшие от людей.

Какие это причины?

Ну, прежде всего то, что в нашей партии, в результате огромного личного авторитета, который имел Первый секретарь ЦК товарищ Гомулка и которому безгранично верили, создалось положение, по нашему мнению, нехорошее. А именно такое, что все, что предлагал товарищ Гомулка, долгое время считалось — скажем — мудрым решением, которое необходимо принять. Принималось попросту некритично много вещей, причем долгое время.

Сложилось, особенно за последние несколько лет, уже совершенно нездоровое положение, когда с товарищем Гомулкой уже вообще нельзя было дискутировать, когда каждое критическое замечание, направленное в его адрес, вызывало с его стороны уже не просто возражение, а просто скажем, подавление критики: «Вы в этом ничего не понимаете!.. Я лучше знаю!» И так далее, и тому подобное. Это были уже личные недостатки товарища Гомулки, человека, который в свое время сделал для страны очень много, но в последнее время, в последние годы, в результате своего самомнения, принимал решения не всегда правильные. Решения, которые иногда не учитывали неотложнейших нужд развития нашего государства, неотложнейших нужд нашего народа, нашего общества...

Наиболее трагичным периодом в жизни нашей партии были последние три года. Скажем, шестьдесят седьмой, шестьдесят восьмой, шестьдесят девятый, то есть немногим даже более трех лет. В этот период уже нельзя было объяснить, что так нельзя. Что нужно, скажем, по-другому...

Товарищи могут спросить: ну хорошо, а как же было с этими ценами, как было с принятием всех этих решений?

Слушайте! Были дискуссии на эту тему, были возражения, но ответ был всегда тот же самый . . .

Я должен сказать об экономическом положении нашей страны. Так вот, хотите верьте, хотите нет, это дело ваше, но я просил бы вас поверить — у нас нет никаких резервов, которые позволили бы нам провести какой-нибудь маневр, позволили бы обеспечить более быстрый рост жизненного уровня по сравнению с нынешним. Мы действительно не можем! Мы заехали в улочку, в которой не развернешь машины так быстро, как нам бы этого хотелось . . .

Товарищи! Меня вы не можете обвинять в злой воле. Я такой же рабочий, как и вы. Я восемнадцать лет работал в шахте, под землей. И — знаете ли — меня не надо учить пониманию проблем рабочего класса. Все мои родственники работают в Сленске, на шахтах! Все! У меня, знаете ли, нет родственников министров или вроде того. Все работают на шахтах . . .

Я хочу вам сказать, а вы можете, товарищи, принять это как хотите, но когда мне — мне и товарищу Ярошевичу — предложили посты, которые мы сейчас занимаем, то, верите ли, мы сопротивлялись . . .

Но представьте себе, что в тот трудный для нашей страны момент, мы бы отказались . . . Произошла бы страшная вещь. Кровь полилась бы, товарищи, потоками. Страна захлебнулась бы в крови. И так потекла кровь, и мы, товарищи, склоняем головы перед погибшими. Но, одновременно, мы отдаем себе отчет в том, что произошло бы, если бы мы не приняли тех постов, принять которые нас, честно говоря, в определенном смысле, вынудили . . .

Я хочу вам сказать, что то, что мы сделали до сих пор в руководстве, еще ведь не закончено . . . Несомненно, нужно будет поправлять, несомненно, нужно будет шлифовать. Несомненно, нужно будет устранять из нашей партийной и государственной жизни — разумно, спокойно, в обстановке соблюдения законов — устранять всех тех, кто, товарищи, научился только исполнять поступающие сверху директивы, тех, кто доволен, что не должен думать, кто рад, что не должен нести ответственности, ибо только выполнял приказы . . .

Я обещаю вам, что мы пойдем значительно дальше, обещаю вам, что мы пойдем дальше, если речь идет о включении рабочего класса в управление государством. В этом отношении вы можете быть спокойны. Ибо плохо, когда случаются вещи, свидетельствующие, что мы не в ладах с тем, что называется народной властью . . .

Вы требуете снижения цен на продовольственные товары до уровня 12 декабря 1970 г. . . . Нет возможности возвращения к ценам на продовольственные товары от 12 декабря 1970 г. Это мой ответ на первый вопрос . . . Товарищи, отступления быть не может. Вы можете со мной не соглашаться, а я вам выкладываю сердце на тарелке и говорю вам, что отступления быть не может, быть не может . . . *

Из выступлений представителей рабочих

Делегат цеха К-1

Нам всегда говорили неправду. Такая организация на всех линиях, до самого воеводства, не говоря уже о Варшаве. Только трепались, обманывали без всякого стыда и совести, считая нас детьми, грудными младенцами . . . Почему так? Товарищ Герек сказал, что надо кончать стачку. Я согласен с ним, но будем говорить прямо, как есть на самом деле . . . Не будем уж считать трупов, потому что трудно их сосчитать, неизвестно, сколько вывезли с улиц, а нам сообщили, что в Щецине семнадцать . . . Ладно, не буду здесь спорить, хотя наверняка было больше! Там, где пули летают, там люди падают. Обидно только: эти пули на тяжело заработанные деньги мы сами купили против себя . . .

И еще одно. Было сказано, что людям заплатят возмещение за убитых в декабре. Мой один знакомый получил такое возмещение . . . Брата у него убили и дали

* 15 февраля 1971 г., через 21 день после этого категоричного заявления Герека, Политбюро и Президиум правительства приняли решение о возвращении к ценам 12 декабря 1970 г. Причиной этого решения была забастовка лодзинских текстильщиков, отказавшихся приступить к работе, если цены не будут снижены.

ему такое возмещение, но под одним условием, что подпишет обязательство, что брат умер от разрыва сердца, а не был убит...

И второе дело: покойников хоронили ночью... И только четыре человека из семьи на похоронах. Так делали...

Говорили, что стреляли в тех, кто попал на тюрьму и воеводское отделение милиции. Неправда! Стреляли у нашего блока на территории верфи... Хотели нас запугать.

Здесь сидит министр внутренних дел, и я хотел бы теперь от него услышать: какая гарантия, что когда я выйду с верфи или буду вечером возвращаться домой, милиция на меня не нападет и не изобьет? Ведь если человека изобьют, то правда всегда будет на стороне милиции. Прав всегда будет милиционер. Он возьмет мою анкету и сфабрикует не меня все, что ему будет выгодно, и — порядок! И никогда я не вылезу, ибо заперт в нашей картотеке. Так расправляются с людьми. Мы не поддерживаем тех, кто жег, и тех, кто крал, не поддерживаем. Нам пользы от этого нет. Мы все должны будем восстанавливать, за наши денежки. Секретарь воеводского комитета этого не сделает. Он учреждение бюджетное, и сам вытягивает от нас средства, которые мы зарабатываем...

Против нас распространяли ложные листовки. Ведь если мы честно бастуем, то ведь это не преступление. У нас еще нет такого закона, что можно бастовать. Нет! А почему нет? Во всем мире есть, а у нас нет...

Теперь насчет этих требований. Не знаю, как и сказать? Только из всех пунктов фактически ничего не получилось, и снова мы там, где были. Мы ведь не воевали за смену власти, мы воевали за колбасу. А колбасы мы не получили, потому что товарищ Герек ничего такого нам не обещал.

Делегат цеха К-3

Товарищ Герек ничего нам тут не обещал. Говорит, что такое тяжелое экономическое положение... Если мы получили гарантию, что в течение какого-то времени..., то мы должны дать товарищу Гереку шанс. Надо ему оказать доверие, как мы когда-то оказали доверие

Гомулке. Только то доверие не оправдалось. А надо оказать доверие, потому что мне думается, что он порядочный человек, и надо дать ему шанс...

Надо дать этому человеку шанс, на год или на два, и посмотрим, какие будут результаты.

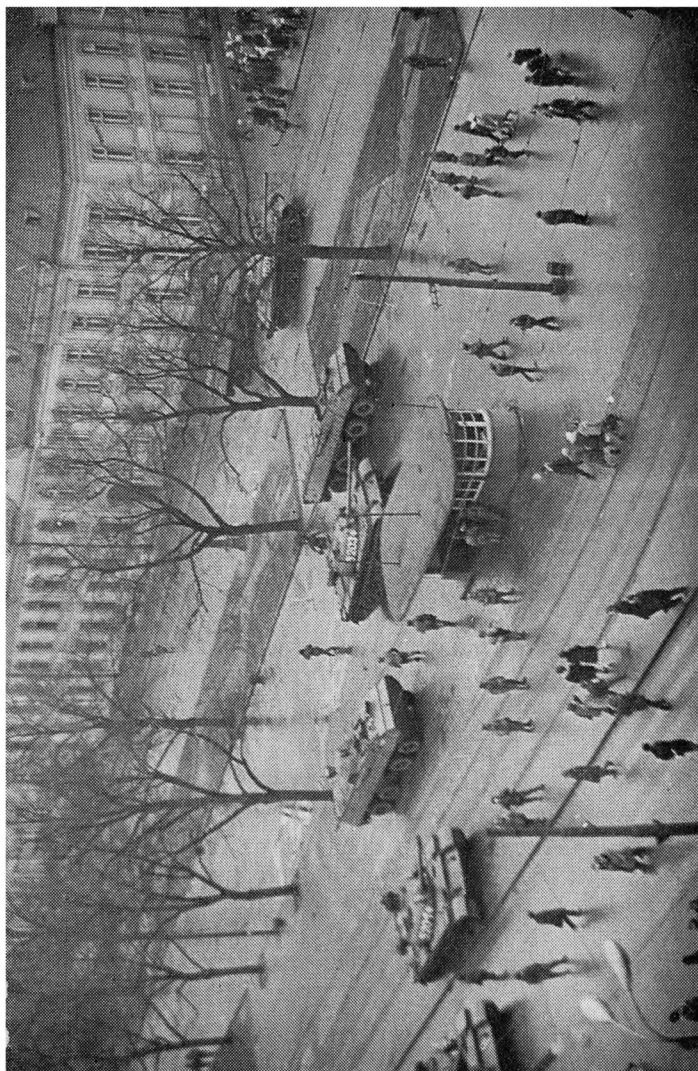
Делегат цеха К-4

Я, когда был помощником монтажника, зарабатывал 10 лет назад те же деньги, что и сегодня. А теперь вдобавок все стальные листы крашенные, и работа вредная для здоровья. Сегодня каждый второй сборщик корпусов слепой, глухой, болен эмфиземой или ревматизмом за эту нищенскую зарплату. Сегодня помощник монтажника зарабатывает 1 800—2 000 злотых. Посчитаем расходы. В семье из пяти человек: на завтрак каждому по булке с водой — по 2 злотых, на ужин — то же самое — выходит — по 4 злотых. Самый дешевый обед 12 злотых на человека — 60 злотых. Автоматически — 64 злотых в день. В месяц выходит приблизительно 1 800—1 900 злотых на такую жизнь. А на верфи работа тяжелая, каждый корпусник должен питаться, потому что, говоря правду, 15 лет работы, и крышка.

Делегат цеха СОВИ

Я хотел бы коротко сказать о некоторых вещах, потому что в Щецине живу с 1946 года, а в партии 26 лет. Поэтому я хотел бы подсказать товарищу Гереку, откуда взять деньги. Он говорил нам, что прежде всего мы не можем прекратить начатые стройки. Мы понимаем, что этого нельзя сделать, потому что вложены и деньги, и работа, это наши деньги, наша кровь. Но мы можем вытянуть у некоторых деньги, у тех, кто в нашей стране живет фактически слишком хорошо. Идут такие, к примеру, разговоры среди рабочих, что у нас общество делится на определенные классы. У некоторых уже такой социализм, что они уж не знают, что с ним делать, уж начинают искать другие, лучшие...

Мы хорошо знаем, какой социализм у нас на верфи. Когда рассчитывают главного директора, который уходит со своего поста, то видно тогда, сколько он за год заработал.

Танки на улицах Щецина 18 декабря 1970 года

Был у нас товарищ Сквишловский. За одиннадцать месяцев, пожалуйста, получил сто семьдесят тысяч с небольшим. Не зарплатой, законной, государственной, а вместе со всякими добавочными премиями, премийками...

И еще одна претензия. Мы с 45 года боролись, чтобы не было у нас классового деления, а теперь сверху делят на классы. Почему? Если что-нибудь распределяют, то сразу делят: «для служащих столько, для рабочих столько.» Вот и получается деление на классы. Разве служащий не такой человек, как я? Такой же...

Товарищ Герек! У нас к вам полное доверие и полное понимание. Но, товарищи, нам слишком много ввали, хотя бы, возьмем, средства массовой коммуникации. Не говорил с нами искренно, открыто. Слишком много чванства было у тех товарищей — членов партии или беспартийных, — которые благодаря нашему поту, когда мы здесь работали, здесь трудились — они кончили школы. Я, конечно, товарищ Герек, этих людей точно не знаю, но знаю, сколько стоит обучение одного инженера или одного магистра, или там другого. Кто дает эти деньги? Мы даем! Почему эти люди зазнались, не хотят с нами разговаривать?!

И еще одно хотел я спросить: почему милиция переодевалась в военные формы? Я тоже был 6 лет в армии, я офицер запаса. Почему позволили, почему так делали? Я считаю, что надо покончить с этим и всех виновных строго наказать.

Делегат цеха В-4

Коллеги! Я должен вам сообщить окончательное решение рабочих цеха относительно окончания забастовки. Товарищ Герек! Я много лет в партии, хочу говорить только правду, не хочу замазывать вопрос. Не хочу здесь чернить свой цех, не хочу, чтобы меня плохо поняли.

Наш цех, все рабочие к моменту начала этого совещания были за продолжение забастовки. Такое было решение. После долгой, бурной дискуссии мы пришли к выводу, что сами — один наш цех — забастовки продолжать не может. Я не хочу уговаривать всех здесь

присутствующих бастовать дальше, не в этом моя цель, но я хотел бы обратить внимание, что рабочие нашего цеха имеют претензию к тем, кто выступал до меня, которых они слышали, что они так быстро отказались от требования о снижении цен на продовольственные продукты или повышении зарплаты. За все время забастовки не было такого человека, который мог бы выступить и убедить свой цех в том, что нужно отказаться от этого требования.

Сегодня коллектив нашего цеха считает, что мы, судостроители, начав забастовку, потянули за собой и другие предприятия.

Теперь, отказываясь от первого пункта наших требований, мы теряем их доверие.

Товарищ Герек, товарищ Ярошевич! Ваши выступления не убедили коллектив нашего цеха. Мы прерываем забастовку не по убеждению, а потому, что это делают все!

*Из выступления и. о. министра внутренних дел
Шляхцица*

Стрельба, о которой с такой болью говорили товарищи и коллеги, была трагедией. Трагедией страшной, которую все пережили... Мне во время этой трагедии докладывали — тогда я работал в министерстве внутренних дел, был заместителем министра, был мне известен ход событий на Побережье, — мне докладывали, что больше всего погибло при штурме тюрьмы...

Сегодня я узнал, что погибли и перед верфью. Это действительно трагедия...

Тогдашнее партийное руководство приняло решение похоронить погибших, но в присутствии семей, конечно, потихоньку, потому что тогда боялись демонстраций... Если случилось иначе, и были случаи профанации, то надо сделать выводы, с этим согласиться нельзя. Я считаю, что те вопросы, о которых говорили здесь, нуждаются в выяснении.

Я постараюсь их выяснить...

Я хотел бы, однако, чтобы вы меня поняли: ни один милиционер за выполнение приказа наказан быть не

может. В случае чего должны быть наказаны его командиры, те, кто издал приказ . . .

Я хотел бы также разъяснить, почему вокруг верфи была сосредоточена милиция. Мы сосредоточили милицию, ибо мы боялись, что вы можете — все или группа — выйти в город, а к вам присоединятся безответственные элементы и будет катастрофа . . . Этого боялись.

Голос из зала: Зачем верфь с вертолета фотографировали?

Шляхци: Товарищи, все эти пленки мы можем уничтожить под вашим контролем . . . Все эти пленки, все списки, связанные с ними, я прикажу уничтожить, и никто в них заглядывать не будет.

Из заключительного слова Эдварда Герека

В декабрьские дни решения принимал лично товарищ Гомулка. Непосредственно в Гданьске и в Гдыне также и товарищ Клишко. На этот период из ведения товарища Ярузельского были изъяты войска, направленные на Побережье. Изъяты из его ведения! Войска находились под непосредственным командованием товарища Гомулки . . .

Для точности я хотел бы выяснить положение товарища Циранкевича. Это неправда, товарищи, что товарищ Циранкевич отдавал приказы стрелять в народ, хочу сказать больше, многие приказы и в тот период, и в более ранний, отдавались за спиной премьер-министра.

Вообще, что касается того периода, то было так, что собирався штаб, составленный из двух-трех человек, и этот штаб под руководством товарища Гомулки принимал решения. Например, о таких документах, как решение объявить осадное положение и т. п., члены правительства узнавали из печати. Из печати узнавали! Это не для публикации, но так было.

Впрочем, для уточнения, скажу вам, что многие правительственные решения в условиях того авторитарного отношения товарища Гомулки, этого его исключительного авторитаризма, многие правительственные решения принимались, понимаете, в кабинете товарища Го-

мулки. И он, понимаете, решал эти вопросы, а правительство узнавало об этом из печати. Знаете, это вещи, о которых стыдно говорить, стыдно говорить, товарищи! Но, увы, так было.

Вы можете спросить: хорошо — а Политбюро? Товарищи, Политбюро, по крайней мере, некоторые его члены, не имели голоса. Если и говорили о чем-нибудь, то, понимаете, либо были изолированы, либо были дискриминированы. Я не хочу говорить о себе, о себе неудобно говорить, но если уж приходится сказать, у меня было определенное мнение по ряду вопросов. Более того, о некоторых проблемах я говорил и громко говорил... Только результаты, сами знаете, никаких результатов...

Например, повышение цен. Товарищи, я был против, был против, я был против! (*Голоса в зале*). Что? Я был против!!! Я говорил об этом вслух! Всем говорил. Теперь вы спросите меня, что мне нужно было сделать? Что я должен был сделать?

Я говорил Гомулке, что это опасно, что будут забастовки, что будут неприятности и т. д. Я говорил ему. А он отвечал одним: «Хорошо, а какой Вы видите выход?»

В этом положении, товарищи, у меня была еще одна альтернатива: просто на Политбюро или на пленуме ЦК публично выступить, то есть выйти из Политбюро. Сказать: «Товарищи, в такой ситуации я не могу быть членом Политбюро». Я мог это сделать, я даже думал об этом, не следует ли так поступить. Но товарищи, мои друзья, мне объяснили: «Не делай этого. Случится какая-нибудь заваруха, скажут, что это ты ее спровоцировал. Скажут, что ты был ее двигателем...».

Я, знаете, трудно мне говорить, трудно мне говорить, потому что не хотел бы, чтобы вышло, будто я хочу свалить все на других и оправдать себя. Я тоже не ангел...

Стыдно говорить о некоторых вещах... Только я говорил вам в начале, что некоторые поклонялись огромному авторитету. Авторитету, о котором говорилось, что такие люди, как Гомулка, правда, рождаются раз в сто лет. Говорилось, что он перерос свою эпоху, что люди

его не понимают, но его концепции верны и т. д. Знаете, такие истории, такого рода чепуха на некоторых людей действует, некоторые находились под сильным влиянием всего этого . . .

Словом, я думаю, товарищи, что сейчас не время об этом говорить, заниматься подробностями. Я думаю, что на VIII пленуме ЦК будет, так сказать, основательная стирка. Посмотрим, что из этого всего получится.

VIII ПЛЕНУМ ЦК. КТО ВИНОВАТ?

На VIII пленуме ЦК, который собрался в начале февраля 1971 г., должна была произойти, как обещал Герек щецинским судостроителям, «основательная стирка». Было обещано также, что все материалы пленума будут опубликованы в органе ЦК «Нове дроги», как это было уже сделано однажды с материалами — тоже VIII — пленума, который собрался в октябре 1956 г. и избрал Первым секретарем Владислава Гомулку, осудив сталинские методы руководства партией и страной.

Обещание опубликовать материалы VIII пленума 1971 года было выполнено лишь частично. Во-первых, стенограммы выступлений долго подчищались, правились, корректировались. Во-вторых, когда вышел, после долгого ожидания, номер журнала «Нове дроге» с материалами пленума, то оказалось, что были опубликованы не все материалы, а тираж журнала, вопреки обещаниям, не был увеличен.

Документы пленума стали сразу же библиографической редкостью.

I. ТЕЗИСЫ

1. Ход и оценка декабрьских событий

В декабре прошлого года наша страна пережила тяжелый, драматический момент. 14—22 декабря в городах польского Побережья — в Гданьске, Гдыне, Щецине и Эльблонге — произошли общественные волнения. Накопившееся в обществе напряжение угрожало распространением волнений по всей стране, что могло повлечь тяжчайшие последствия для общественной и политической жизни нашей Родины. (...) В основе этих событий лежал протест рабочего класса, класса передового в нашей социалистической системе, против важных решений партии и правительства. Следует ответить на вопрос: что привело к этому политическому кризису?

Анализ хода декабрьских событий свидетельствует, что их важной причиной было недовольство, непосредственно возбужденное повышением 13 декабря 1970 года цен на продукты питания. Однако этот протест вылился в такую обостренную форму вследствие общественного недовольства, нараставшего в течение долгого времени и вызванного многими факторами, в особенности ухудшавшимся экономическим положением страны, серьезными упущениями в вопросах общественной политики, застоем реальной стоимости заработков, трудностями в области снабжения и ростом расходов на существование. В результате событий на Побережье погибло в общей сложности 45 человек. Было 1 165 раненых.

Серьезными оказались и материальные потери. В общей сложности было подожжено и полностью или частично разрушено 19 объектов общественного пользования, в частности, здания воеводских комитетов партии в Гданьске и Щецине. Убытки, причиненные разрушениями на Гданьском побережье оцениваются в 105 миллионов злотых, а в Щецине — примерно в 300 миллионов злотых. 47 частных автомобилей и более двадцати военных и милицейских автомашин были уничтожены или повреждены. Поджогам и разрушению подверглись 220 магазинов.

В связи с событиями на Побережье органы охраны общественного порядка задержали в период с 14 по 20 декабря на территории Побережья в общей сложности 2 989 человек (...).

Анализ декабрьских событий приводит к некоторым основным выводам. Выступления в городах Побережья в своей социальной основе носили характер выступлений рабочих. Большинство их участников были рабочие. Основой выступлений было недовольство материальным положением и плохими социальными условиями. Следовательно, эти выступления были направлены против определенных моментов экономической политики партии и правительства. Преобладающее большинство лозунгов и листовок составляли требования экономическо-социального и лично-политического характера. Эти требования сопровождались резкой критикой работы администрации, и в особенности профсоюзов.

Рабочие выступления на Побережье имели стихийный характер. В начале все попытки партийных организаций и руководителей предприятий, а также создавшихся среди бастующих стачечных комитетов удержать взволнованные коллективы в пределах заводских объектов не дали результатов. Однако, не были использованы во всей полноте возможности завязать непосредственный контакт и влиять на рабочие коллективы со стороны местных властей и командированных на Побережье лиц из партийного руководства. (...).

Антиобщественные и анархистские элементы, игравшие значительную роль в критические события на Побережье, нападавшие на здания парткомов и другие общественные объекты, на милицию, были вторичным и второстепенным явлением по отношению к протесту рабочих. Однако это явление, в условиях сильного напряжения влиявшее на часть рабочей молодежи, серьезно угрожало общественному порядку не только на Побережье. Существовала опасность, что уличные беспорядки, в случае дальнейшего распространения, могли создать условия для широкой активизации антисоциалистических и реакционных сил. Трагизм положения заключался в том, что антиобщественные и опасные для страны уличные беспорядки проходили на фоне массового недовольства рабочих.

С самого начала Первый секретарь ЦК, принимая единоличные решения, занял ошибочную позицию по отношению к событиям на Побережье. Для оценки этих событий не было создано Политбюро. Линию действий пропаганды до 19 декабря определяли Первый секретарь ЦК и товарищи Ящук и Клишко. Эта линия игнорировала действительность и решительно отбрасывала всякую мысль о том, что основной причиной событий на Побережье было противоречие между экономическими решениями партийного руководства и позицией рабочего класса. Руководство недооценило серьезное предостережение о возможности острого политического и общественного конфликта, каким были многочисленные сигналы об отрицательной реакции политических организаций на письмо Политбюро от 12 декабря 1970 года. Руководство пренебрегло сведениями о ходе партийных собраний, оставило без внимания тревогу членов партий-

ного актива и местных партийных инстанций. Даже тогда, когда коллектив Гданьской судовой верфи вышел на улицу, когда ход событий свидетельствовал о возможном конфликте в его самой острой и опасной для страны форме, Первый секретарь ЦК не считал нужным сообщить о создавшейся обстановке заседавшему в тот день Центральному Комитету.

Все оценки положения, сформулированные в критические дни тов. Владиславом Гомулкой вне коллегиального контроля и анализа, преобразовались с течением времени, проходили эволюцию от рассматривания в качестве движущей силы рабочих выступлений действий антиобщественных и враждебных элементов и вплоть до придания этим выступлениям — по мере нарастания забастовок и волнений — контрреволюционного характера. Выражением этой позиции была пессимистическая историософская интерпретация судеб Польши, согласно которой каждый очередной правящий класс в нашей стране приводил свое государство к гибели: анархия шляхты повела за собой падение 1-ой Речи Посполитой, эгоизм и антисоветское ослепление буржуазии привели к поражению 2-ую Речь Посполитую, а политическая незрелость рабочего класса теперь должна погубить Народную Польшу. Эти тезисы, по сути дела, должны были обосновывать репрессии и насилие как единственный метод овладеть положением и помочь проводить линию пропаганды, пытавшуюся, вопреки общественному настроению и правде, доказать, что у трудящихся нет оснований к недовольству своим материальным положением. Главным и непосредственным проявлением этой позиции было настаивание на применение силы, вплоть до применения оружия.

С первого же дня событий гражданской милиции оказывали помощь воинские части. Торопливое введение в действие армии и отдача приказа о применении оружия были результатом этой оценки положения.

Положение усложнилось вследствие существования на Побережье нескольких директивных центров, а также навязывания товарищем Клишко мнения о контрреволюционности рабочих выступлений и настаивания на применении самых острых репрессивных мер (. . .).

Можно было избежать некоторых случаев применения оружия, если бы не противоречивые действия отдельных директивных центров на Побережье.

Несмотря на то, что наиболее сильные волнения происходили в городах Побережья, политический кризис имел место во всей стране.

В разных районах страны со дня на день росло число забастовок и остановок в производстве, в основе которых лежали те же причины и требования, что и на Побережье. Забастовочное движение рабочих хотя и не приняло такой драматической формы и такого накала, как на Побережье, распространилось, однако, и на другие промышленные центры.

На многочисленных производственных предприятиях страны проводились дискуссии, в возбужденной и взволнованной атмосфере формулировались требования, в основном экономического характера. Все это повышало напряжение и создавало положение, в каждый момент угрожавшее распространением волны забастовок на главные города страны и возможностью массовых уличных демонстраций.

Решение политического руководства применять насилие в качестве единственного ответа на выступления рабочего класса создало в конце критической недели угрозу массовых уличных столкновений. Руководство намеревалось с помощью силы усмирить не только вандалов и громил, но и рабочие протесты и забастовки.

Совершенно ясно, что народная власть не может отказаться от принятия всех необходимых мер в защиту общественного спокойствия и порядка, в защиту жизни и имущества граждан, в борьбе с преступными силами и контрреволюционными элементами. Однако в создавшейся в декабре обстановке попытки разрешения конфликта с помощью силы могли повлечь за собой только массовое кровопролитие, возникновение пропасти между партией и народом и условия для беспрепятственных действий реакционных и контрреволюционных сил.

Могли это предотвратить лишь политические меры, и прежде всего, смена политического руководства страны, потерявшего доверие партии и общественности. Абсо-

лютно необходимым стал уход с постов людей, ответственных за ошибки в политике, которые вызвали зарождение конфликта, и за ошибочные и авантюристские действия в период самого кризиса. (...).

Тов. Владислав Гомулка заболел 19 декабря. Но не эта болезнь, а серьезнейшая политическая необходимость повлекла за собой решения VII пленарного заседания ЦК. Эти решения следует оценивать в общей перспективе. В результате их руководящие партийные власти были обновлены достаточно глубоко, что сделало возможным выход из политического кризиса, исправление ошибок в политике и изменение стиля и метода руководства партией. В то же время решения VII пленума ЦК обеспечили необходимую непрерывность и продолжение правильного направления политики партии.

Выступления рабочих Побережья и сопровождавшее их общественное волнение в стране были лишь апогеем нараставшего в течение долгого времени процесса ослабления связи между партией, и в особенности ее центральными инстанциями, и рабочим классом. Тот факт, что эффективные меры для приостановки этого процесса могли быть приняты лишь в трагических условиях политического кризиса и уличных беспорядков, свидетельствует о серьезных ошибках в практике руководства партией и социалистическим обществом (...).

2. Общественный и политический фон кризиса

Декабрьские события доказали, что ослабление связи между партией и трудящимися массами, и в особенности рабочим классом, может привести страну к серьезным политическим потрясениям. Основные меры, которые будут приниматься партией на основе опыта декабрьских событий 1970 года, должны быть направлены на предотвращение в будущем конфликтов с общественностью, на введение в жизнь безотказных систем, сигнализирующих конфликтные ситуации, и на создание условий для решения этих конфликтов в рамках общественных организаций и учреждений нашей страны (...).

С одной стороны, генеральная линия политики партии была правильной (...).

В то же время, однако, появлялось и увеличивалось из года в год расхождение между усилиями народа, направленными на развитие народного хозяйства, и чувством недостаточного участия в плодах этих усилий всей трудящейся массы. В важных областях политики партии, особенно в экономической и общественной политике, постепенно умножались ошибки.

Рабочий класс и некоторые группы интеллигенции болезненно ощущали материальные последствия мадленного прироста, а в некоторых группах и замораживания уровня реальных заработков и постепенного ограничения государственных социальных услуг.

В не меньшей степени чем материальные трудности, отрицательное влияние на общественное сознание всего народа оказывало отсутствие ясной перспективы и продуманной, логичной, мобилизующей и обещающей конкретные результаты концепции развития страны. Наоборот, все более распространялось убеждение, что наша страна развивается медленнее, чем может и должна развиваться, что в руководящих партийных инстанциях не знают нужд и законов современного прогресса и развития.

Настроения беспокойства и недовольства выражались в систематическом нарастании напряжения, прежде всего среди рабочего класса (...).

Первый секретарь ЦК и руководство партии не только не осознавали сущности и источников этих неблагоприятных процессов, но хуже того, прямо отрицали их существование, и каждый сигнал об ухудшавшемся настроении масс воспринимали как проявление недовольства, постепенно закрывая все каналы поступления критической и соответствующей действительности информации (...).

Методы управления и руководства в наше время все больше влияют на производственные процессы, на общенародную организацию производства. Противоречие между уровнем производственных сил, выраженном в материальном производственном аппарате и в квалификациях рабочих, и устаревшими методами руководства и управления является одним из проявлений противоречия между производительными силами и производ-

ственными отношениями, противоречия, которое, не будучи решенным вовремя, неизбежно приводит к кризисам и общественным напряжениям.

Методы руководства и управления непосредственно влияют на сущность принимаемых решений и политических концепций и могут определять правильность их направления. Неправильные методы руководства и управления неотвратимо порождают серьезные политические ошибки (...).

В последние годы ленинские принципы и принципы современной организации руководства вообще были серьезно деформированы под влиянием стиля, навязанного Первым секретарем ЦК. Создались условия, все меньше благоприятствующие инициативе и активности партийного актива. Перед принятием экономических и политических решений, как правило, не проводились серьезные научные анализы. Редко или поверхностно проводились экспертизы. Не ценились мнения специалистов, не советовались с рабочим классом перед принятием решений.

В результате все большее число политических и экономических решений принималось на основе отрывочных и случайных сведений, интуитивным и волюнтаристским способом, неоднократно единственно на основе личной оценки и опыта, приобретенного много лет тому назад (...).

Характерной чертой этого стиля руководства партией и государством было отсутствие комплексности в оценке действительности, половинчатость решений, фрагментарный подход к каждой проблеме и недопустимая мелочность отдельных решений (...).

Внутри Политбюро выявилась узкая группа, наделенная Первым секретарем привилегиями и составляющая так называемое узкое руководство, фактически сконцентрировавшее власть в своих руках, не терпевшее критики и чужой инициативы.

Политбюро и Центральный Комитет нашей партии как одно целое несут моральную и политическую ответственность — хотя и в различной степени — за то, что не сумели предотвратить постепенный рост авторитаризма и противоречащих ленинским принципам методов руководства со стороны Первого секретаря (...).

II. Выступления участников пленума

*Болеслав Руминский**

События на Побережье со всей отчетливостью раскрыли слабости и ошибки партийного руководства, и прежде всего неумение распознавать действительные политические настроения, отсутствие дальновзоркости, равнодушие к бытовым проблемам — короче, политическую слепоту и отсутствие истинной связи с массами.

События на Побережье особенно ярко выявили слабость всей партийной организации. Подчеркиваю, некоторые организации на предприятиях, партийные инстанции в период, предшествующий событиям, и в ходе происшествий, проявили исключительную слабость, а иногда и просто капитулировали (...).

Отрыв руководства от масс был огромный. Это касается не только руководства партии, профсоюзов, но и других общественных организаций. Меры, обострявшие со дня на день обстановку, аресты стачечных комитетов и уклонение от переговоров — вот проявления нашей политической слабости и беспомощности.

В те напряженные дни рабочие демонстрировали, призывая к порядку прежде всего партийные инстанции и ясно говоря: плохо управляете. Если не перемените старой системы управления, мы сменим вас. Рабочий класс почувствовал и напомнил всему народу, что он представляет собой мощную политическую силу, которая может повернуть руководство партии с ошибочного пути и выправить ее генеральную линию.

Так, а не иначе следует рассматривать трагические и печальные события на Побережье, и в таком свете надо ставить вопрос о них на этом пленуме.

* Болеслав Руминский был заместителем министра промышленности и торговли, министром сельскохозяйственной и пищевой промышленности, министром химической промышленности, а затем опять заместителем министра пищевой промышленности. Потом он стал председателем главного управления Верховной Технической Организации. В 1969 г. сейм избрал его членом Государственного Совета, а в феврале 1971 г. он был назначен заместителем председателя Государственного Совета.

Так ли освещают события представленные материалы? Немного так, и немного не так. Оценка, заключенная в материалах, не ясна, и поэтому мы не можем извлечь из них вполне ясных политических выводов (...).

У меня есть возражения по поводу слишком неясной и туманной позиции в вопросе о генеральной линии партии. Правильная она или неправильная? То говорят, что была правильная, то — что неправильная. Пишут, что причины кризиса лежали не в линии партии, а в отклонении от нее, в методах руководства партией и государством. Это уже высшая философия, которую нелегко понять рядовому члену партии (...).

Я не согласен также с постановкой вопроса об ответственности. Мы говорим, что во всем виноват тов. Гомулка и несколько его людей, а мы, остальные члены Центрального Комитета и Политбюро, прежнего и нынешнего, вины не несем (...).

Я с этим не согласен (...). Было бы абсурдом утверждать, что за происшедшее отвечает лишь тов. Гомулка или же несколько его ближайших коллег. Верно, что его вина, его общая ответственность была наибольшей. Но верно и то, что от этой ответственности нельзя освобождать тех, кто в определенной ситуации и при определенных обстоятельствах проложили ему в 1956 г. дорогу к вторичному занятию поста Первого секретаря, а потом в течение многих лет и до последних минут курили ему фимиам, как верховному жрецу и избавителю (...).

*Рышард Стшелецкий**

(...) В качестве члена старого руководства на VII пленарном заседании я был отстранен в срочном порядке от партийного руководства. Согласно партийному уставу, снятие в срочном порядке с занимаемой выборной партийной должности является суровым партийным наказанием (...). Опираясь на гарантированные партийным уставом правила внутрипартийной демократии, я надеюсь, что имею право требовать, чтобы пленум проинформировал и меня, каковы конкретные обвинения, в результате которых я был наказан (...).

* Секретарь ЦК, ответственный за кадры. Один из сподвижников Гомулки.

Я принадлежу, товарищи, к тем людям, кто в жесточайший период нашей истории не сидел со сложенными руками, не отсиживался за границей, а в течение всей гитлеровской оккупации боролся здесь, на этой земле, за национальное и социальное освобождение (...).

Если сегодня говорят, пишут и объявляют народу, что новое руководство меняет стиль и методы работы, что исправляет все извращения старого руководства, ссылаясь при этом на необходимость восстановления ленинских норм и внутрипартийной демократии — что, в сущности, правильно, — то следует ответить на два возникающие у всех вопроса.

Во-первых, почему, на каком основании и кто решил, что только пятеро членов руководства отвечают за все зло? Во-вторых, почему до сих пор никто не пробовал разобраться в заслугах старого руководства — ведь и они были — и в его ошибках, почему не пробовали разобраться в участии и степени ответственности каждого из членов этого руководства в отдельности, подсчитать как ошибки, так и заслуги (...).

Во всех высказываниях и материалах на совещаниях актива, в пропаганде, а также, к сожалению, и в материалах к сегодняшнему пленуму ответственность за все, что было плохого, сваливается на «старое руководство», а значит — хотим мы этого или нет — на партию. Но ничего или почти ничего не слышно об ответственности правительства, и прежде всего — руководящего ядра правительства (...).

... Я думаю, что перекладывание всей ответственности исключительно на партию не помогает, а наоборот, осложняет решение трудных и многочисленных общественно-хозяйственных проблем и, не отражая сущности вопроса, искажает правду.

А каковы факты? В руководстве партии оказалось 5 товарищей, ответственных за все зло. Как я сказал, я не защищаю их и не намереваюсь защищать, пусть сами защищаются, если считают это нужным. Но среди этих пяти не было ни одного товарища, которому партия доверила самые ответственные посты в правительстве (...).

Я хочу заявить, товарищи, что на VII пленуме в 1956 году я выступал за то, чтобы Гомулке и другим товари-

щам вернуть полные права членов партии и исправить причиненное им зло, но я считал нужным высказать на VII пленуме 1956 года следующее: «Я считаю, что следует остерегаться тенденций, принимающих тов. Гомулку за избавителя ото всех трудностей, которые мы переживаем в настоящий момент. Нам не нужны ни избавители, ни вожди. Вопросы о единстве партии нельзя ставить, опираясь лишь на Гомулку, его надо ставить, опираясь на мобилизацию всех политических и материальных сил для решения срочных экономических и политических задач, для исполнения постановлений VII пленума ЦК». Цитированный отрывок был произнесен в атмосфере эмоционального напряжения тех трудных дней. Однако, я думаю, товарищи, что слова и мысли, в нем заключающиеся, стоят внимания и могут быть полезны и актуальны и в нашей сегодняшней ситуации, и в будущем (...).

Экономическую политику характеризовало противоречие между правильным генеральным курсом партии на укрепление сотрудничества с социалистическими странами и развитие международного разделения труда и проведением этого курса в жизнь. Речь идет, прежде всего, о наших отношениях с Советским Союзом. Была недооценена польза, вытекающая из специализации и кооперации производства, из продолжительного польского экспорта в Советский Союз ряда важных предметов оборудования и машин; мы не воспользовались также помощью в реализации инвестиционных задач, хотя такие возможности были, хотя мы пользовались этими возможностями в пятидесятые годы (...).

... Исходя из ошибочных предпосылок о необходимости уменьшить задолженность нашей страны по отношению к зарубежным странам и под нажимом бывшего Первого секретаря, было решено отказаться от возможности получения от социалистических стран кредитов на развитие сырьевой базы и покупку законченных объектов, кредитов, которыми мы пользовались в предыдущие периоды. Точно так же не были достаточно использованы возможности получения кредитов от капиталистических стран (...).

Среди ряда существенных отклонений, о которых мы должны говорить с полной откровенностью, самые суще-

ственные, быть может, касаются методов и стиля работы центрального руководства (...).

Замещение государственных органов, дирижирование и постоянное вмешательство сверху приняли в последние годы карикатурные и угрожающие размеры (...).

*Зенон Клишко**

(...) Начну с декабрьских событий на Побережье, а точнее говоря, с событий в Гданьске. Это, может быть, тем более необходимо, что в материалах к сегодняшнему пленуму события на Побережье были представлены в общем свете, вкратце, и, по-моему, не совсем в соответствии с действительностью. О забастовке двух цехов Гданьской судовой верфи и выходе их рабочих на улицы я узнал, так же как и весь Президиум и Политбюро, около 13-ти часов, когда тов. Коцёлэк оставил зал заседаний, чтобы поехать в Гданьск. После заседания VI пленума я выходил вместе с тов. Лога-Совинским и Мочаром. Мы беспокоились о положении на Побережье. Тогда я предложил тов. Мочару поехать вдвоем в Гданьск и своими глазами увидеть, какова обстановка. Товарищи, т. е. Лога-Совинский и тов. Мочар, считали, что не следует спешить и можно подождать до очередных сообщений.

Вечером, между 8 и 9 часами, тов. Лога и я полетели в Гданьск, тов. Мочар остался в Варшаве в связи с характером его партийной деятельности (...).

Мы приехали около девяти или в половине десятого вечера в понедельник 14 декабря. Уже тогда были видны повреждения в здании воеводского комитета партии и уже тогда делались попытки поджечь это здание. Тогда были отданы распоряжения о мероприятиях. Прежде всего, вставить стекла и привести в порядок здание, так как предполагалось, что во вторник никаких происшествий уже не будет. Во вторник утром, т. е. 15 декабря, здание воеводского комитета было почти готово к нормальной работе. Что же оказалось? Оказалось, что некоторые постановления, принятые, как я говорил, вечером, не были исполнены, или же были исполнены лишь

* Секретарь ЦК, ближайший соратник Гомулки.

частично. Речь шла, в частности, о том, чтобы по возможности отрезать Гданьскую судоверфь от воеводского комитета, от выхода людей на улицу. Хотя этого мы особенно не принимали во внимание. По крайней мере, такова была оценка положения.

В материалах не говорится, но возможно, что новое руководство располагает материалом, на основании которого можно было бы ответить на вопрос, почему часть рабочих двух цехов верфи организовала выход на улицу уже 14 декабря 1970 года и уже тогда начала штурмовать здание воеводского комитета и пыталась его поджечь. Почему здание было подожжено во вторник утром, когда милиция, насколько я знаю, еще не применяла оружия? Почему на Побережье труднее всего было на гданьской и щецинской верфях уже после VII пленума Центрального Комитета, т. е. уже после того, как были проведены меры против тех товарищей, которых считали ответственными за политический кризис? (...).

Хочу сказать, что и здесь проявилась какая-то наша огромная слабость, которой никто, наверное, из нас не предвидел, а именно, что уже в первый день, т. е. 14 декабря, большая парторганизация Гданьской судоверфи, насчитывавшая более 3 тысячи членов и кандидатов, перестала существовать. Она растворилась в массе.

Во вторник утром, т. е. 15 декабря до 6 часов утра, в здании был я с тов. Лога-Совинским и другими товарищами. Кажется, в половине седьмого — тревога: рабочие собираются у здания администрации и решают выйти в город.

Хочу сказать, что вечером того же дня на собрании расширенного исполнительного комитета, созванного по моей инициативе, я очень остро выступил, выступил особенно остро против товарищей из Гданьской судоверфи. Я выступал даже грубо, потому что видел днем с вертолета горящее здание воеводского комитета. Мы все были под впечатлением того, что, как казалось, в здании все еще оставались люди, в горящем здании; что толпа не пропускает пожарников и что этих людей невозможно эвакуировать (...).

Здесь предлагали членам бывшего руководства заниматься самокритикой. Я не готов к такой самокритике. Не готов, пожалуй, потому, что многих вещей я еще не

продумал до конца, а важнее всего то, что я, пожалуй, не совсем согласен с некоторыми моментами оценки, заключенной в материалах (тов. Герек: «Может, сразу же — какими?»).

Тов. Клишко: Подчеркиваю, я не хочу начинать полемику.

Генрих Шафранский

Оценка событий и выводы, углубленные дискуссией, служат основной цели выяснения вопросов, волнующих всю страну. Декабрьские дни показали нам глубокую трещину, образовавшуюся между рабочим классом и партией. Уже давно чувствовалось, что в партии не все обстоит хорошо, что все труднее разговаривать с рабочим классом. Беспокойство и сомнения заглушались авторитетом членов Политбюро, особенно тов. Гомулки. Это было вредно для партии. Такое явление не должно повториться в нашей партии после столь горького урока. Это вне сомнений. Мы как партия запутались в механизме власти, нами же созданном. Авторитет переродился в автократизм. Мы не сумели уберечь себя от извращений и уклонений.

Я помню, как мы, на местах, создавали нездоровый для партии обычай организации торжественных собраний. Это болезнь, которую мы должны лечить. Декабрьские события раскрыли ряд проблем в нашей работе, которые мы должны проанализировать, чтобы избавиться ото всех вредных для партии привычек.

То, что случилось, было следствием извращения основных принципов социализма и внутривластной жизни. Когда тов. Гомулка в 1956 г. пришел к власти, все — партия и народ — связывали большие надежды с этим приходом. Мы помогали тов. Гомулке в его деятельности, в борьбе с ревизионизмом. Это быва трудная борьба, ибо в ней не было последовательности. На этой почве произрастал авторитет руководителей, одновременно росла личная, не контролируемая партией власть Первого секретаря, которая в сочетании с чертами характера привела к таким печальным последствиям — к потере связи руководства с рабочим классом (...).

Декабрьские события 1970 г. потрясли весь народ. Их последствия печальны и трагичны.

Взрыв произошел вследствие ошибочного решения о повышении цен. Конфликтная обстановка, создававшаяся в городах Побережья и проявившаяся и в других районах страны — хотя не в такой трагической форме, как на Побережье, — нарастала постепенно со все большей напряженностью.

Ошибочные экономическое и политические решения тогдашнего руководства привели страну к кризисному положению. Накопившееся напряжение в стране угрожало самыми серьезными последствиями.

В 1969—70 гг. мы получали много заявлений и требований рабочих, критиковавших различные стороны политики партии и правительства. Во многих из них были сформулированы упрёки по поводу постоянного понижения уровня жизни населения, роста бюрократии, заглушения критики и т. д. (...).

Министерство внутренних дел систематически сигнализировало руководству Центрального Комитета об отрицательных явлениях в различных слоях населения. Однако наша информация не получала должного внимания. Это имело место в результате заносчивости, всезнания и самонадеянности некоторых лиц из тогдашнего руководства партии. Я хочу заявить с этой трибуны, что всякого рода информация, отражавшая объективное положение вещей, принималась многими членами руководства неприязненно и даже с претензиями.

Когда волна рабочих демонстраций вылилась на улицы города, этим в какой-то степени воспользовались и подонки общества — обыкновенные хулиганы, воры и бандиты. Это они за спиной рабочих, часто на соседних улицах, разбивали витрины магазинов, грабили общественное имущество и жгли. Рабочий класс и те, кто вышел на демонстрации, требуя экономических перемен и персональных изменений в руководстве, не хотели иметь с этим ничего общего.

В первый день событий в Гданьске, когда органы милиции всеми силами воздерживались от применения оружия, было ранено около 200 работников милиции. Всем

известно — таковы законы, — что милиция имеет право применять оружие против всякого рода бандитов, грабителей, убийц и поджигателей. Однако руководство ведомства и товарищи из Гданьска не хотели допустить такого исхода. Предельно долго ожидали политической оценки событий, политических решений, стараясь избежать выступления милиции против рабочих. Как известно, таких решений не было. Зато был приказ, адресованный к армии и милиции, восстановить порядок с помощью всех доступных средств.

Я должен сказать, товарищи, что несмотря на нажим тогдашнего руководства партии, работники милиции и солдаты применяли оружие только тогда, когда оказывались безрезультатными все другие средства, применяли оружие только в ситуациях критических и решающих.

Драма событий на Побережье широко отозвалась в стране и за рубежом. Я должен со всей решительностью заявить, что это было драмой и для всех работников милиции и органов безопасности, для солдат Польской армии. Это было личной драмой для всех тех, кто начал службу, и для старших по стажу. Для этих последних, может быть, это было еще более мучительно, ибо они родились в этом районе, здесь живут и работают, встречаются с жителями своего города. Ведь эти работники так же мало зарабатывают, их средние заработки ниже средних заработков квалифицированных рабочих. У них также есть семьи, они так же ощущали результаты тогдашней экономической политики.

Я хочу со всей решительностью подчеркнуть, что их поведение в те трагические дни было поведением сознательным, спокойным и серьезным. Они исполнили свой патриотический долг по отношению к партии и народу.

Мы отдаем себе отчет в том, что во время событий в результате действий сил охраны порядка некоторые граждане могли пострадать. Я хотел бы со всей решительностью уверить, что мы выясним все дела и всем пострадавшим возместим материальный и моральный ущерб.

Особенное беспокойство вызывает тот факт, что во время демонстраций наиболее иступленно вели себя лю-

ди сравнительно молодые. Из общего числа 2 882 человек, задержанных на Побережье, 1 990 составляла молодежь, а из 120 арестованных в данный момент 85 человек не достигли возраста 25 лет.

Эти цифры весьма показательны. Я думаю, что молодежным организациям необходимо как можно быстрее разработать перспективную программу действия в области идеологического и политического воспитания молодого поколения. Надо пойти навстречу требованиям молодежи, внимательно прислушиваться к волнующим ее проблемам и всем сердцем принимать участие в ее воспитании. В будущем молодое поколение будет трудиться над реализацией программы стройки социализма. Образ Народной Польши, который мы создали в их сердцах и умах, станет будущим нашей страны.

Я лично потрясен выступлениями товарищей Ящука, Стшелецкого и Клишко, которые ни слова не сказали о трагедии. Если бы не состоялся пленум 20 декабря — не нужно быть пророком, чтобы это предвидеть, — нас ожидало бы нечто худшее, и не только на Побережье (...).

Ежи Путрамент

(...) Я помню время — не знаю, что об этом сегодня говорит теория, — когда говорилось, что при социализме не может быть конфликтов. Так вот, декабрьские происшествия — это явление нового типа, свидетельствующее о том, что при социализме могут быть очень серьезные конфликты. Трагические, драматические конфликты уже на социалистической базе, правда, с одной оговоркой — происходящие в эпоху сосуществования. То есть, в эпоху взаимного влияния двух мировых систем (...).

Что мне кажется самым важным в этом случае, в случае конфликта нового типа? Разумеется, это конфликт — с классовой точки зрения — не столь серьезный, как конфликт 1956 года в Польше, но он тем более опасен для нас, ибо касается нашей базы, основы нашего существования — рабочего класса. Что мы без рабочего класса? (...).

... Я хотел бы поделиться с товарищами чувством, которое беспокоит меня и здесь, на этом VIII пленуме.

Беспокоит меня вера в чудеса, которая проявляется в отдельных выступлениях. А именно, вера в чудо такое: достаточно, дескать, еще нескольких персональных перетасовок, главным образом наверху, и выход из кризиса будет найден.

Есть товарищи, которые предлагают всеобщую партийную самокритику, есть такие, кто требует привлечения к естественности всех. Но я должен признаться, что не знаю таких критериев, такого механизма, который мог бы точно определить границы ответственности.

Я не против отвлеченности. Мы все видим роковую роль Первого секретаря ЦК, особенно в последние годы. А что касается товарищей, которые с недостаточной силой противодействовали его ошибочным решениям, прежде всего, что касается товарищей из Политбюро, я хотел бы сказать следующее: некоторые указания вообще не выполнялись; мы слышали о нескольких таких случаях. А во-вторых, те, кто выполнял все, в большинстве своем верили в тов. Гомулку. Неверно, что здесь действовал страх. В таких случаях страх никогда не действует один. Он действует в сочетании с верой.

Правда, что некоторые боялись. Были такие, кто верил тов. Гомулке, были и такие, кто его боялся. Боялись не тем вульгарным страхом карьеристов, хотя и такие тоже были. Боялись, что подведут человека, которого уважали, которому верили.

В какой степени в этом деле виновата вся партия? Что же делать? Проводить всеобщую самокритику, как советовал тов. Руминский? Я не вижу в этом цели для партии.

Все, что я или каждый из вас сделает хорошего, — удар для врагов партии. А для своих массовая самокритика не нужна; она поддерживает напряжение в партии и создает какую-то неправильную веру в то, что с помощью «светлых голов» можно спасти положение в стране (...).

Меня очень беспокоит напряжение, связанное с VIII пленумом. Общественность ждет чудес. Мне кажется, что мы не совсем последовательно противодействовали вере в радикальное, быстро осуществимое улучшение положения после пленума. Но каждый младенец знает, что

если фокусник вынимает кролика из цилиндра, он должен был его раньше туда положить (...).

Верят также и в чудо гарантий, от нас требуют гарантий, что это не повторится. Я должен сказать, что не вижу возможности никакой гарантии правового характера. Может быть, у кого-нибудь есть схема механизма такого рода гарантий.

В сущности, дело сводится к одной, очень серьезной слабости нашей партии, а именно — к огромной роли Первого секретаря партии.

Но как можно в этом деле дать какую-либо правовую гарантию? Я думаю, что существует лишь один путь, на котором мы сможем избежать повторения случившегося в последние годы. Надо учиться на опыте. Человек стал человеком потому, что умел передавать свой личный жизненный опыт другим, себе подобным (...).

Мечислав Мочар

(...) Главный вопрос, который ставится сейчас во всей стране, таков: что́ партия намеревается сделать, чтобы больше не повторились подобные опасные, трудные для всех нас явления? Какой сигнальный механизм, сообщающий об угрожающей опасности, намеревается создать партия? Сможет ли партия создать такой барьер, который предотвратил бы повторение подобных кризисов? Это всеобщее желание, наша дискуссия ведет к тому же.

Мне приходит в голову одна мысль. Речь идет о персональном вопросе. Я, конечно, согласен с тов. Путрамен-том, что механический подход к этим делам неверен. Они очень сложны; надо смотреть на них с разных сторон, изнутри, извне и вообще с жизненной точки зрения. Но я говорю о том, нужно ли обязательно проводить персональные изменения в гневе, скандале и, как часто в нашей стране бывало, во время общественных взрывов? Не правильнее ли, что каждому из нас следовало бы уйти с занимаемой должности тогда, когда это желательно, когда об этом говорят его близкие. Ведь нас должна обязывать некая культура по отношению к самим себе, культура, о которой мы много и по-разному говорим, но согласно с которой сами не всегда поступаем в партийных рядах (...).

... Ужас положения состоял в том, что руководство, а точнее, некоторая часть этого руководства, не отдавала себе отчета в систематическом ослаблении авторитета партии, в потере веры в партию у трудящихся; а невиданной до сих пор степени ослабления партии мы достигли, как некоторые товарищи уже говорили, 12 декабря 1970 года, когда в парторганизациях читали письмо Политбюро. Это письмо было воистину печальным сообщением. Печальным потому, что оно касалось в первую очередь людей, меньше всего зарабатывающих, а во-вторых, и это самое главное, потому, что способ проведения повышения цен был просто нелояльным по отношению к рабочему классу, который, как всем известно, умеет понять трудности страны и не один раз, в трудные и сложные периоды, доказал свою зрелость. Упомянутое письмо Политбюро никак не могло помочь этому пониманию.

С сожалением нужно сказать, что время, которое всегда должно быть союзником коммунистов, — этому мы учились десятками лет — в последние годы работало, увы, против партии. Авторитет партии падал все быстрее, особенно в последнее время.

Я не намереваюсь ни защищать тов. Веслава, ни оскорблять его. Я знаю его больше четверти века. Я начинал свое сотрудничество с ним в очень тяжелое время — во время оккупации. Но надо сказать, что тов. Веслав, будучи как бы патриархом в партии, был, без сомнения, и автократом. Вокруг него не могли быть непослушных людей. Этого Веслав абсолютно не выносил, устранял их, а одновременно не допускал мысли, что так нельзя руководить партией, что надо выслушивать мнения других. Сколько было разговоров на эту тему, при разных обстоятельствах, среди товарищей, которых это шокировало. Я имею в виду, разумеется, личные разговоры.

В такой ситуации, как известно, всегда найдутся люди, которые «помогут». Ну и, конечно, помогали Веславу своей примитивной заносчивостью, поддерживали его убеждение, что он все делает хорошо, гениально, что именно так и надо и т. д., Стоит, кстати, подчеркнуть, что такого рода людей — льстецов, потакателей — надо было остерегаться вчера, надо их остерегаться сегодня и еще долго надо будет остерегаться.

В результате такого поведения упомянутых льстецов Веслав просто запирался в своем кабинете и стал избегать контактов с людьми, которые когда-то были ему в какой-то степени нужны.

Он стал еще менее доступен и, в свою очередь, его начали обходить стороной по причине его резкого поведения. Его ближайшие товарищи вместо того, чтобы предостеречь, убеждали его, что все это лишь происки врагов, и продолжали приносить ему цифры, таблицы, и убеждали, что это показатели правды, на которую только враги клеветают.

А, как известно, цифрам, в особенности средним, при-
суще то, что они вносят сумбур, если не знать сути дела. И такой сумбур водворился в рядах нашей партии, где многие ответственные товарищи из партии и правительства прибегали просто к математическо-экономической эквилибристике для того, чтобы то, что он знал по собственным наблюдениям, соответствовало бы таблицам, которые он получал от тов. Ящука. Такова правда, и хотя тов. Ящук принимает невинный вид, он, увы, производил такие опустошения (...).

VII пленум Центрального Комитета завершил минувший период. Был избран новый состав Политбюро. Мы избрали Первым секретарем тов. Герека. С VII пленума прошло слишком мало времени, чтобы исправить весь вред, нанесенный отношениям с общественностью. Еще много политической работы мы должны сделать для того, чтобы долг каждого гражданина по отношению к нашему народному государству всеми был признан и всеми выполнялся (...).

Тут появляется, пожалуй, необходимость повторения, хотя бы вкратце, известной, но для нас, поляков, всегда живой правды: союз нашей страны, нашего народа с народом Страны Советов является наилучшей, наиболее действенной гарантией того, что ничто не будет угрожать нам, нашему существованию, нашему спокойному завтрашнему дню (...).

Возвращаясь к событиям на Побережье, надо сказать следующее: рабочий класс в остальных районах страны был убежден, что партия найдет в себе силу выйти из политического кризиса путем политических решений.

Благодаря этому, рабочий класс в остальных районах страны сохранил спокойствие, а это позволило избежать большого несчастья (...).

Я хотел бы сказать несколько слов по поводу выступления тов. Рышарда Стшелецкого.

В речи тов. Стшелецкого в одном месте нетрудно было заметить диссонансы, особенно, когда он говорил о тех, кто пришел в страну с Запада. Товарищ Стшелецкий, ты знаешь, что наша история была такой богатой во время минувшей войны, ты знаешь, что рядом с рабочими, чаще всего организаторами сопротивления, встали другие, те, кого исторические судьбы загнали на чужбину (...).

Юзеф Циранкевич

В течение почти 25-ти лет Юзеф Циранкевич занимал разные посты в правительстве Польской Народной Республики. Вначале он был министром без портфеля в правительстве Осубки-Моравского, затем, в феврале 1947 года, стал премьер-министром. Потом, когда премьером был Болеслав Берут, Циранкевич исполнял обязанности его заместителя. И, наконец, он вновь получил пост премьер-министра, который занимал с марта 1954 года вплоть до 23 декабря 1970 года.

Он был премьером в первый период власти Гомулки, остался премьером после падения Гомулки и во время правления Берута. После смерти Берута он продолжал оставаться премьером при Охабе и сохранил свой пост, когда Гомулка снова пришел к руководству партией.

После познаньских событий, в июне 1956 года, в речи к народу премьер-министр Циранкевич заявил: «Пусть каждый провокатор или безумец, который отважится поднять руку против народной власти, будет уверен, что власть отрубит эту руку, действуя в интересах рабочего класса».

В четверг 17 декабря 1970 года, во время событий на Побережье, в тот день, когда Юзер Циранкевич подписывал постановление Совета Министров о применении оружия против демонстрантов, он выступил по радио с речью к польской общественности и сказал: «Нарушен-

ные кое-где общественный порядок и спокойствие вновь восстанавливаются и будут последовательно восстанавливаться до конца».

Через шесть недель после свержения Гомулки, на второй день работы VIII пленарного заседания Центрального Комитета партии, 7 февраля 1971 года, Юзеф Циранкевич, бессменный член Политбюро с декабря 1948 года по сегодняшний день, произносит речь.

Текст речи

Я считаю своим долгом ознакомить вас со всем, что я знаю, сказать все, что я должен сказать, разъяснить то, что, по-моему, является фоном, объясняет происхождение декабрьских событий. Я должен также со своей точки зрения оценить развитие этих событий, уточнить свою собственную роль как члена Политбюро и председателя Совета Министров. Я хочу уяснить, какова, согласно моему убеждению, степень моей непосредственной ответственности, определить мою долю ответственности.

С декабря до VIII пленума прошло много времени. Но то, что я хочу сказать, не будет написанной, переписанной, продиктованной, отшлифованной речью. Я хочу говорить об этих вещах по горячим следам, без подготовки, и прошу извинить форму моего выступления.

Декабрьские события были неотвратимым следствием создавшейся в партийных верхах обстановки, в результате которой коллегиальность руководства была почти полностью парализована.

Пусть не говорят, что я бью в чужую грудь, ибо за паралич коллегиальности несут вину обе стороны, и те, кто за эту коллегиальность ратует, и те, кому она не нужна.

Руководство страдало параличом коллегиальности, в то же время проталкивая волюнтаристские, вождистские, непогрешимые решения, не опиравшиеся ни на дискуссию, ни на мнения специалистов, решения, формализм которых диктовался коллективам, решения, навязанные в области общественных дел. И именно в этой области созрели плоды этих решений.

Я знаю о сообщениях, касавшихся общественных настроений, о мнениях и оценках положения, приходивших в то время. Мне о них говорили, и я сам непосредственно соприкасался с этими настроениями.

Товарищ Гомулка недавно заявил, что эти сведения от него скрывались, что никто их ему не показывал. Товарищ Гомулка сказал это в разговоре, который я имел с ним несколько дней тому назад по поручению Первого секретаря Герека и на тему о партийных делах товарища Гомулки. Но это уже другое. Информация такая доходила до товарища Гомулки. Например, летом ему было передано сообщение, вызвавшее негодование товарища Гомулки из-за того, что такое сообщение вообще было разослано. Речь идет о сообщении воеводского комитета партии о настроениях в катовицком воеводстве в связи с рядом проблем, начиная со снабжения мясом, более широкого снабжения рынка, нехватки кофе и кончая другими проблемами общественной политики. Актив был осведомлен об этих документах.

Можно ли было изменить характер основных действий, можно ли было воздействовать, убеждать? В широком кругу это было невозможно, ибо это раздражало экзотическую чувствительность товарища Гомулки, действовало на его чувство авторитета, якобы колеблемого выражением иных взглядов. Это приводило лишь к авантюристской борьбе за престиж или, хуже того, к обвинению в поисках популярности.

Выражение иного мнения не вело ни к чему, а только пробуждало — а это имеет значение — личное соперничество, внутреннюю борьбу. Случались и попытки шантажа. Когда на заседании Политбюро товарищ Ендрыховский выступил со своим личным мнением, отдаленно касаясь вопроса о реформе цен, он был встречен замечанием: «Ну, а вот если мы поговорим о Вас как о бывшем председателе Плановой комиссии?» Сразу же появилась готовая жертва, на которую потом можно сбросить ответственность.

Иначе говоря, могли вестись лишь успокоительные, слегка изменяющие постановления разговоры. Они велись по многим вопросам до тех пор, пока это было возможно. Всегда, однако, были пределы таких возможно-

стей. В последние же годы это стало возможным очень редко, а в некоторых вопросах и просто невозможным.

Несколько лет тому назад один из моих собеседников, крупный экономист, разделявший втайне заботы о будущем развитии страны, вручил мне разработанную им обширную докладную записку об экономическом положении в стране. Этот доклад показался мне настолько интересным, настолько побуждающим к размышлениям, что я передал его товарищу Гомулке, заметив при этом, что стоит его прочитать. Спустя несколько дней товарищ Гомулка категорически осудил документ и потребовал увольнения автора с занимаемых постов. С того времени я не передавал товарищу Гомулке никаких дискуссионных материалов, чтобы не подводить их авторов.*

А если ко всему этому прибавить роль, которую сыграл товарищ Ящук,** честолубие которого простиралось не знаю, до каких пределов, — картина трудностей, встававших перед нами, становится более ясной. Дело не в том, что товарищ Ящук был исполнителем распоряжений товарища Гомулки. И я тоже в определенных вопросах был исполнителем, и долгие годы убежденным исполнителем. Мы все были исполнителями решений. Не этим отличался от нас товарищ Ящук.

Дело заключается в том, — мы так понимаем, — что товарищ Ящук ежедневно очень отрывочно информировал товарища Гомулку, главным образом обо всех упущениях, где-либо происходивших, независимо от их масштаба. Множество проблем было представлено товарищем Ящуком товарищу Гомулке лишь ради того, чтобы изобразить себя как единственного пекущегося об об-

* Крупный экономист, о котором идет речь, — умерший в прошлом году профессор Михал Калецкий, состоявший после октябрьских событий 1956 г. членом Экономического совета при Президиуме Совета Министров.

** Болеслав Ящук был в правительстве премьера Циранкевича сначала министром энергетики, потом министром машиностроения, затем заместителем председателя Плановой комиссии при Совете Министров. В 1959 году он был назначен послом ПНР в Москве. В 1963 году он вернулся к партийной деятельности и был секретарем ЦК, заместителем члена Политбюро, а с июля 1968 года — членом Политбюро. В июле 1969 г. он был награжден Орденом строителя Народной Польши.

щественных интересах... Я не говорю о медицинской стороне всего этого, бросавшейся в глаза потом, когда мы видели реакции товарища Гомулки. Без сомнения, этот метод действовал отрицательно на психическое состояние товарища Гомулки, временами он терял равновесие почти ежедневно (...).

Товарищи! Я не могу сказать обо всем. Я не привожу здесь многих примеров и не касаюсь многих важных проблем. Не время для этого. Но я хочу отметить, что в такой атмосфере и такими методами «решались» в течение ряда лет не только отдельные вопросы, но и экономические планы, определяющие направление развития всего народного хозяйства, ведущие к диспропорциям, ставшим причиной кризиса. Более свободно можно было высказываться, хотя это и не вело, к сожалению, к конкретным результатам, на заседаниях Президиума Совета Министров или заседаниях Совета Министров (...).

Можно ли было раньше найти способ что-нибудь изменить?

Товарищ Руминский вчера говорил об угаре от авторитета товарища Гомулки и о том, что препятствием в действиях было существование разных групп в партии. Да. Такой угар, без сомнения, был. У одних он длился до определенного времени, у других дольше. И я тоже, не стыжусь об этом говорить, был отравлен этим угаром много лет после 1956 года, когда я, по мере своих возможностей, пытался содействовать легальному возвращению товарища Гомулки к руководству партией. Во всяком случае, по поручению Первого секретаря товарища Охаба я старался добиться переговоров с товарищем Гомулкой, старался привести к созыву VIII пленума (в 1956 году).

Я вспоминаю об этом, чтобы представить краткую иллюстрацию тогдашней атмосферы. Но угар от авторитета товарища Гомулки был, ибо роль его в преодолении «второго этапа» октября была большой и решающей. Об этом следует сказать.

Товарищи, ведь после трагической декабрьской недели, на заседании Политбюро уже без товарища Гомулки, в субботу перед VII пленумом, тогда, когда никому не запрещалось брать слово и три раза подряд, именно

для того, чтобы выявить все мнения, разногласия, нюансы, ведь тогда прения длились семь часов, пока не были приняты решения. Но это была суббота. В запасе было воскресенье, и все знали, что можно дискутировать о проблемах, стремиться выявить все взгляды, переубедить. Если бы Политбюро заседало в воскресенье, в день созыва пленарного заседания, конечно, невозможно было бы вести такую продолжительную дискуссию. Но даже это заседание Политбюро без товарища Гомулки, проведенное в момент, когда кризис перестал быть туманным предчувствием, а превратился в реальную угрозу катастрофы, которая могла охватить всю страну, а прежде всего Варшаву, столицу, где воеводский комитет партии и партактив делали все, чтобы в течение недели удержать рабочих на их предприятиях и обеспечить политическое разрешение кризиса, даже это заседание и его ход показывают, как трудно было в то время добиться изменений. А как же можно было пытаться это сделать в другой обстановке? Ход заседания Политбюро накануне VII пленума весьма поучителен для тех, кто сегодня спрашивает, можно ли было изменить политику раньше. Было проведено семичасовое заседание, внесено предложение избрать Первым секретарем товарища Герека. Вы догадываетесь, товарищи, что не нужно было бы так долго дискутировать, если бы существовало единогласие по поводу немедленного созыва пленарного заседания. Многие товарищи ставили под сомнение прежде всего необходимость созыва пленума уже в воскресенье. Но сегодня каждый из вас признает, что это воскресенье было последним, решающим моментом. Лишь после долгих убеждений, после продолжительных прений было предложено голосование. Предложение было встречено возражением, что на заседаниях Политбюро не голосуют. Это голосование перевесило, решение в конце концов было принято, кажется, при одном голосе против. Если кто-нибудь еще был против, сегодня он может об этом сказать.

Так прошло заседание Политбюро, собравшееся в драматический, переломный момент и имевшее решающее значение в вопросе, найдет ли руководство или пленум ЦК выход и сумеет ли повлиять на события. А как проходило бы собрание Политбюро под председательством

товарища Гомулки, в обстановке, назовем ее нормальной, то-есть до декабря, если бы кто-нибудь из нас, у кого было определенное мнение о создавшемся положении, поставил вопрос ясно, повел себя, как Рейтан? В этом вся трагедия партии.

Мы с трудом вышли из драматического положения только после декабрьских событий, прежде всего благодаря избранию на пост Первого секретаря товарища Герека (...). Я говорю это с полным убеждением и во имя единства руководства.

Я могу, товарищи, упрекнуть себя во многом. И я хочу высказаться до конца, хотя то, что я говорю, не исчерпывает вопроса. В тот момент, в ту трагическую неделю, начиная со среды, предпринимались меры, чтобы найти политико-экономическое решение нараставшего и угрожавшего охватить всю Польшу кризиса, а точнее, катастрофы. Это было самое важное, ответственность за страну; поверьте мне, товарищи, что в этом я, в качестве члена Политбюро и председателя Совета Министров, старался выполнить свои обязанности и не могу себя ни в чем упрекнуть.

В четверг я получил распоряжение произнести по телевидению речь с определенными тезисами. После двух часов работы, после утверждения текста я произнес эту речь. Не обуду вдаваться в подробности...

Но я могу себя упрекнуть в другом, когда я думаю о своей деятельности в предыдущий период. Независимо от того, что было невозможно изменить что-либо в общественной политике в то время, — что я уже отмечал, — я, несомненно, мог сделать больше в качестве председателя Совета Министров. Я имею в виду работу правительства, администрации. Критику, с которой я встречался и встречаюсь, я считаю правильной, я сам видел недостатки. Это, однако, не значит, что правительство могло сделать больше в сфере общественной политики, которая не правительством определялась и к изменению которой мы приступаем сейчас. Об этом говорил товарищ Ярошевич. Правительство не было правительством — хорошо, что оно может им стать сегодня.

Я не хочу вдаваться в различия между членами ЦК, но с наибольшим интересом я слушал голоса тех товари-

щей, которые прибыли непосредственно с предприятий. Товарищ Лукашевский с завода «Цегельский» говорил о необходимости скромности и предупредительности у людей, занимающих ответственные посты; он призывал не любоваться собой. Прибавлю, что меня охватывает стыд, так как я чувствую мою долю ответственности, связанную с моим постом, стыд за то, что я, правда, видел, куда мы идем, и хотел предотвратить трагические события, но не мог этого сделать. И этот стыд уже навсегда останется со мной. Однако этот стыд, который чувствуют и другие, должен стать стимулом и моральным побудителем сделать сегодня все, что надо сделать. Каждый из нас, там, куда он приходит не сам по себе, а по указанию партии, обязан использовать шанс, который сейчас появился, и построить нерушимый фундамент, опирающийся на рабочее сознание. Это сознание — основа нашей национальной и государственной жизни, перед которой открылись сегодня новые пути развития.

Это все, товарищи, что я могу сказать в данный момент. Прощу извинить, если отнял у вас слишком много времени.

ЭДВАРД ОХАБ.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СТАРОГО КОММУНИСТА

Один из старейших членов ПОРП Эдвард Охав после смерти Берута был избран Первым секретарем ЦК и в октябре 1956 г. передал этот пост Гомулке. Долгие годы он, оставаясь членом Политбюро, занимал пост председателя Государственного Совета. В 1968 г. был уволен на пенсию.

Публикуемый ниже текст — письмо Охаба партийному комитету варшавского предприятия, где старый партийный деятель состоит на учете. Охав критикует тезисы ЦК партии к VI съезду, состоявшемуся в декабре 1971 г.

Как член партии, я считаю своей обязанностью передать предварительные критические замечания по поводу директивных указаний к VI съезду партии.

Директивные указания не принимают во внимание ряд важнейших проблем, которые должны решить партия и рабочий класс, а к некоторым вопросам подходят ошибочно.

1. Декабрьские события с драматической силой доказали, что автократическая система правления Гомулки и его доверенных сотрудников привела к глубочайшему политическому кризису, изолировала и противопоставила партийное руководство рабочему классу и широким массам населения, предоставила отличную пищу проискам врагов коммунизма. Анализ, проведенный VIII пленумом, был, по-моему, однобоким и поверхностным.

Деспотическая система правления Гомулки, сформировавшаяся по крайней мере за несколько лет до декабрьской катастрофы, опиралась, так же как и деспотизм Сталина, на:

а) деформированные органы безопасности, которые фактически оказались вне партии и глубоко деморализовали партийный аппарат;

б) полное поправление принципов внутрипартийной демократии и последовательное устранение самых заслуженных работников, если они «осмеливались» противиться воле вождя;

в) систематическое продвижение на руководящие должности в партии людей беспринципных, карьеристов, циников, слепо подчинявшихся приказам гомулковского «узкого» центрального руководства;

г) подписание всей печати и средств массовой информации указаниям «вождя» и его пособников, при сохранении, разумеется, лозунгов о социалистической демократии, коллегиальности, служении народу и т. д.;

д) распространение легенд и мифов, провокационных сплетен и националистических сказок, не останавливаясь перед использованием отравленного оружия антисемитизма (например, дело о «заговоре» врачей-сионистов, дело сионистского «центра» Сланского или угроза социализму в Польше со стороны «пятой сионистской колонны»);

е) лишение фактической независимости органов сейма, народных советов, рабочих советов, профсоюзов и молодежных и других массовых организаций, что неизбежно повело за собой упадок общественной активности народных масс и ограничение передовой роли рабочего класса в стране.

(...)

2. Горький опыт периода деспотической власти Сталина-Берия, а также наш собственный опыт додекабрьского периода требуют особо подчеркнуть необходимость реального контроля партийных инстанций на всех уровнях, и прежде всего на уровне центральном и воеводском, контроля работы органов безопасности, которые обязаны служить, но никогда больше не должны стать орудием в руках клик самозванных кандидатов в «вожди» народа.

Надо заявить перед лицом всей Польши, что вербовка органами безопасности информаторов и агентов среди членов партии является тяжелым нарушением партийных принципов. В связи с этим следует признать недействительными все «обязательства» сотрудничества с ор-

ганами МВД, полученные этим путем, а работников, которые ведут подобного рода нелегальные действия, следует привлечь к суровой ответственности.

Комиссия ЦК должна изучить возможности играничения задач МВД и пулучения тем самым бюджетных сбережений около 1 миллиарда злотых по сравнению с 1970 годом.

3. Осуждая антипартийную кадровую политику группы, сосредоточившейся вокруг бывшего Первого секретаря ЦК, а в особенности «мартовскую чистку», надо предложить VI съезду проведение в состав центральных партийных инстанций всех коммунистов, незаконно устранившихся из этих инстанций под нажимом существовавшего автократического режима в период V съезда.
(...)

4. Авторитарная кадровая политика в додекабрьский период серьезно нарушила единство кадров государственного, профсоюзного и партийного аппаратов. Изменения, которые проводятся после VII и VIII пленумов ЦК, должны со всей последовательностью направляться на устранение из партийного аппарата и органов власти неисправимых бюрократов, карьеристов, замаскировавшихся ознеровцев*, антисемитов, националистов, людей, лишенных моральных принципов.

Это одно из важнейших условий полного восстановления доверия масс к партии.

5. Особые усилия следует приложить для отстранения от руководящих постов в прессе, издательствах, радио и телевидении тех деморализованных карьеристов, которые в течение многих лет были опорой авторитарного режима, которые отличились воистину ознеровским воодушевлением в борьбе с «жидокоммуной» (разумеется, под покровом борьбы с сионизмом), прославляли авантюристские решения об изменении цен и новых «стимулах» даже в те дни, когда на Побережье кровь лилась уже потоками, и которые сегодня думают, что достаточно всю ответственность за горькое прошлое свалить на

* ОНР — националистическая антисемитская организация, действовавшая в довоенной Польше.

Гомулку, хотя бы выкрутиться фразами о партийной дисциплине и удержать влиятельные должности, с которых они же выживали честных и заслуженных коммунистов.

Общественное, а особенно рабочее мнение глубоко презирает этих продажных карьеристов, у которых «язык лжет голосу, а голос лжет мыслям».

6. Общественное мнение сурово осуждает полное бездействие сейма в период укрепления автократических тенденций, и прежде всего в трагические декабрьские дни. Следует искать глубже причины этого явления. Все кандидаты в депутаты фактически утверждались Гомулкой и Клишко, а опыт деятельности последних созывов сейма подтвердил всеобщее убеждение в том, что утверждение списка кандидатов в сейм решало вопрос об их окончательном избрании. Послы также знали, что автократический режим фактически монополизировал труд, заработки и печать, они извлекали из этого соответствующие выводы и не прекословили.

Я считаю, что положение о выборах в сейм должно быть изменено коренным образом.

В наших сегодняшних условиях, после 27 лет существования Народной Польши, следует допустить к выборам отдельные списки всех партий, входящих в состав Фронта народного единства, и, возможно, четвертый список беспартийных деятелей этого Фронта. Такая система выборов потребует от центральной и воеводских руководящих инстанций коммунистической партии и союзных партий значительно более тщательного подбора кандидатов в депутаты, значительно большей заботы о подлинной популярности и авторитете этих кандидатов, избрание которых отнюдь не будет автоматически обеспечено. Сами кандидаты должны будут гораздо основательней стараться приобрести доверие избирателей и считаться с их мнением.

Голосование по спискам должно повести за собой увеличение роли сейма и, несомненно, укрепит убеждение миллионов избирателей, что они оказывают реальное влияние на избрание депутатов и ход государственных дел.

Такого рода голосование по отдельным спискам кандидатов в сейм, без сомнения, будет хорошо принято на-

шими братьями — западными коммунистами, которые в борьбе за единый рабочий фронт и широкий народный фронт в течение ряда лет публично заявляют, что не стремятся к однопартийным выборам на основе одного списка кандидатов.

7. Декабрьские события показали, насколько отличался официальный оптимизм руководства партии и правительства от действительных настроений рабочего класса, а пожары зданий воеводских комитетов озарили всю глубину политического кризиса в Польше. Последствий этого кризиса в будущем нельзя ликвидировать лишь посредством устранения части наиболее скомпрометированных политических «руководителей», временного изменения методов работы некоторых партийных инстанций и отмены наиболее авантюристских указаний и идей предыдущего руководства.

Партия может действительно руководить борьбой и трудом масс, направленными на строительство бесклассового общества, только при наличии полного доверия и активной поддержки рабочего класса, а особенно рабочих крупных предприятий. В самой партии рабочие составляют лишь 40% ее членов, а в партийных инстанциях этот процент еще меньше, очень часто просто ничтожен. В народных советах обстановка никак не лучше, а наоборот, гораздо хуже.

Во время событий на Побережье местные организации, в особенности партийные, профсоюзные и молодежные инстанции, а также президиумы народных советов не сыграли почти никакой роли, были отодвинуты на задний план.

Следует извлечь все выводы из этих печальных фактов. Следует вспомнить указания и заветы Ленина по поводу роли и значения советов рабочих депутатов, назначаемых непосредственно рабочими массами и составляющими наилучшую опору партии в массах.

Я считаю, что дело партии, дело социалистического строительства может только выиграть, если кроме признания необходимости выборов в новые народные советы и новый сейм (на основе нового выборного положения), мы дадим сигнал к выборам советов рабочих депутатов на всех предприятиях с коллективом более 100 рабочих.

Всепольский съезд рабочих депутатов должен иметь те же права, что и сейм, а значит, составить вторую палату нашей социалистической представительной системы.

Я думаю, что такое структурное изменение встретило бы горячее одобрение всего рабочего класса и всех прогрессивных сил народа, одновременно укрепляя силу и авторитет партии.

МОЖНО ЛИ ВЫЛЕЧИТЬ БОЛЬНОГО?

Из книги Владислава Беньковского «Моторы и тормозы социализма».

Так озаглавил свою книгу один из организаторов Польской рабочей партии в годы войны, затем член ее Центрального Комитета, близкий друг Гомулки, исключенный за критику политики Гомулки из ЦК, снятый со всех постов, исключенный из партии. Книга Владислава Беньковского, распространяемая в Польше самиздатом, опубликованная в Париже журналом «Культура», представляет собой анализ — с марксистской точки зрения — истории строительства социализма в Польше.

Написанная в 1968 г. книга Беньковского раскрывает причины бунта польских рабочих в декабре 1970 года. Она показывает, что бунт рабочих был неизбежностью, прямым результатом всей деятельности польской коммунистической партии. Но интерес книги не только в этом. В ней показано, что во всех социалистических странах идет подобный процесс — усиления эксплуатации, гнета, ограничения и без того ограниченной свободы.

Марксисты, как известно, не любят применять «марксистский метод» для анализа процессов, происходящих в социалистическом обществе. Книга Беньковского свидетельствует, что это не случайно, — такой анализ приводит к печальным выводам.

В книге, названной «Моторы и тормозы социализма», говорится почти исключительно о тормозах; автор, не желающий кривить душой, говорит о «моторах» лишь в форме благих пожеланий.

История социалистических обществ позволяет сегодня констатировать и обильно документировать одно принципиальное явление: переход к строю, который основан на плановом общественном развитии, не устранил коренного противоречия, имеющегося во всех обществен-

ных формациях. Он устранил противоречия, вытекающего из постоянства структурно-организационных и функциональных форм, с одной стороны, и динамики развития производительных сил, с другой. Это противоречие, открытое Марксом, было им признано главным источником общественных столкновений и классовых конфликтов, причиной всех революций, взрывающих общественный порядок. Конфликт этот становится тем более острым, чем быстрее идет развитие материальной производственной базы, чем резче динамика происходящих изменений...

Структурные, организационные формы, в которых происходит общественная жизнь, проявляют естественную тенденцию к закреплению, петрификации, в то время как развитие требует от этих форм эластичности, разламывает их, взрывает.

Структурные формы проявляют еще одну тенденцию, значительно более опасную, чем тенденция к петрификации. Защищая свою нерушимость, они не остаются пассивными, они проявляют неоднократно сильную защитную динамику, ограждаются, совершенствуются, развиваются, проявляя часто в этом направлении значительную агрессивность. Анализируя любой важный государственный или экономический институт, мы легко обнаруживаем главные черты его «защитного развития» — это стремление к расширению сферы его влияния, углубление контроля, рост централизации, то есть монополизация решений на высших уровнях и т. д. Опасность этой петрификационной динамики заключается в том, что она вытекает не из необходимости приспособиться к изменяющимся требованиям технико-экономической базы, а из необходимости укреплять сам институт, его роль и влияние. Это неизбежно должно вести к возникновению и углублению неадекватности, несоответствия между организационными формами и нуждами развития, между формой и содержанием общественной жизни. Достаточно напомнить об упорной тенденции к бюрократизации методов управления хозяйственной жизнью, явления, в немалой степени ограничивающего возможности развития, имеющиеся у социалистического строя... Хорошим примером этого явления может быть и динамика развития органов внутренней безопасности,

эмолюция которых является всегда верным показателем процессов, идущих в обществе . . .

Установление диктатуры пролетариата было для социалистической революции необходимостью, такой же необходимостью, как и для каждой революции, для каждой власти, порожденной общественным переворотом . . .

В самом понятии диктатуры, сформированном историей на протяжении веков, начиная с античности, содержится ее временный и переходный характер: это применение чрезвычайных мер в чрезвычайных условиях. Изменение этих условий, изменение обстоятельств вели за собой изменение средств и методов.

Отсюда следует, что власть, установленная в результате победы социалистической революции в форме диктатуры пролетариата, не может означать укрепившейся и прочной системы средств принуждения. Этим диктатура пролетариата отличается от других деспотических систем, от диктатуры военной хунты, которая, не имея опоры у большинства населения, вынуждена постоянно использовать чрезвычайные средства принуждения . . .

Первым и главным заданием новой социалистической системы по мере ее стабилизации должно быть устранение чрезвычайных методов, методов принуждения . . . История, однако, показала, что самое трудное для диктатуры пролетариата — это именно переход от чрезвычайных средств и методов к нормальным, в условиях, когда исчезли обстоятельства, требовавшие применения этих средств. Суровый закон общественного развития, гласящий, что каждая общественная форма, каждый метод действия проявляет тенденцию к упрочению, даже если условия, вызвавшие необходимость в этих методах, переменились, — этот социологический закон продолжает действовать с неизменной силой и после социалистической революции.

Система чрезвычайных средств упрочилась, приобрела форму института, была освящена и возведена в роль главного критерия социалистического строя. Аппарат власти не верит, что созданная им система государственных и общественных институтов может функционировать, направляемая лишь изнутри, функционировать в рамках имеющихся законов. Диктатура пролета-

риата состоит в установлении чрезвычайного фактора, вмешивающегося «снаружи», на основании особых полномочий во все явления и процессы. Такая структура власти влечет неисчислимые последствия. Прежде всего, аппарат власти занят не тем, чтобы машина самостоятельно действовала желаемым образом, а наоборот — сознательно сохраняет положение, требующее чрезвычайного вмешательства. Как если бы муниципалитет вместо того, чтобы починить городские часы, поставил на башню специального человека с поручением переставлять стрелки...

Механизм диктатуры пролетариата, созданный в период борьбы и установления новой власти, не только не проявляет тенденции к смягчению методов по мере нормализации внутреннего положения, а наоборот проявляет явное стремление к «совершенствованию» этих методов...

Линия развития — это путь от особого полицейского органа, занимающегося определенным участком общественной жизни, до положения, когда (во второй период правления Сталина) органы безопасности становятся главной канвой, на которой разыгрывается вся жизнь страны. Происходит постепенное слияние этого аппарата со всей системой власти. Политический и полицейский аппарат не только быстро упрочили свое положение, они — что неизбежно — приобрели собственную динамику развития, освободились от зависимости от изменений, происходивших в общей ситуации, и от объективных общественных нужд, порождаемых этой ситуацией.

Упрочение этой системы имело одно практическое удобство — упрощало методы управления. Насколько легче, как известно, насколько более простые методы и низшая квалификация нужны для управления воинской частью, чем для руководства любым «демократическим» институтом. Изменения, происходившие вне аппаратов, появление новых, значительно более сложных задач, не оказывали влияния на адаптацию этих аппаратов — обратная связь была прервана...

Аппарат безопасности под действием собственной динамики разрастался, разветвлялась сеть его каналов, постепенно охватывая все области жизни. Под поверх-

ностью политической жизни создавалось мрачное тайное подполье, оказывавшее все более сильное влияние на события, происходящие на поверхности. Методы, с помощью которых аппарат безопасности постепенно захватывает в свои руки влияние, а затем и превосходство над аппаратом политическим, подчиняя себе партию, навязывая ей свои методы мышления и действия, разнообразны. Назовем два главных.

Первый — информирование и критерии оценки явлений. Все власти используют тайную информацию, доставляемую специальными полицейскими органами. Особенность авторитарной, диктаторской власти состоит в том, что этот тип информации постепенно вытесняет все другие гласные ее виды. Разница между этими двумя видами информации заключается в том, что гласная информация может быть проверена, и, следовательно, информированный имеет возможность выбора решения; тайная информация, доносительская, всегда содержит в себе готовые элементы решения. Аппарат безопасности став главным каналом информации, всегда имеет возможность составлять их так, чтобы решения носили определенный, заранее намеченный характер. Кроме того, с информацией связана оценка событий. Известно, что нет никакой связи между политической и полицейской оценкой общественных явлений. Эти оценки исходят из противоположных принципов, подмечают разные факты и разные стороны фактов, в разных местах ищут их причины... Когда постепенно высыхают все иные источники информации, политическая власть становится лишь орудием собственного полицейского аппарата. Исчезают общественные проблемы, остаются проявления враждебности, диверсии, ловко связанные в хитрые нити агентурных, контрреволюционных заговоров. Аппарат безопасности сознательно преувеличивает опасность, грозящую режиму, не пренебрегая фальсификацией доводов...

Не следует думать, что все обязательно является следствием плановой деятельности этого аппарата, следствием «злой воли» его руководителей. Это неизбежный результат самой логики функционирования этого аппарата и роли, на него возложенной... Вспомогательную роль в этом процессе играет аппарат, руководи-

мый партией, но очень легко перенимающий полицейские критерии оценок, — цензура. Именно цензура высушивает источники информации, ликвидирует все важнейшие проблемы, кастрирует общественную мысль, лишая возможности видеть и понимать общественные явления. Прежде всего этой возможности лишается сам руководящий аппарат.

Второй главный метод воздействия полицейского аппарата на политический, навязывания ему своих оценок — кадровая политика. По мере укрепления социалистической власти, а вместе с тем и роста аппарата безопасности, подбор людей на партийные, государственные, общественные посты производится не по политическим критериям, а по полицейским. Главным источником оценки пригодности становимся полицейское «дело». Хорошо известно, однако, что человек, «надежный» в политическом отношении, это совсем не то, что человек, «надежный» в полицейском отношении. «Надежный» в политическом отношении человек должен иметь собственные взгляды и характер, «надежный» в полицейском отношении должен быть их лишен . . .

Диктатура, понимаемая как использование чрезвычайных мер, нуждается в обосновании, чуждается в атмосфере опасности. Для нормального функционирования существующего, разогнавшегося в своей динамике аппарата необходимо такую атмосферу создать и ее поддерживать. Аппарат безопасности справляется с этим легко — ведь это одна из задач, оправдывающих его существование. Чтобы глубже обосновать это направление, включить его в теорию марксизма, была создана теория обострения классовой борьбы. Эта теория, превращенная Сталиным в один из основных тезисов марксизма, решала проблему целиком и полностью. Диктатура пролетариата становилась — в свете этой теории — «самовосстанавливаемой» системой. Чем сильнее власть пролетариата, тем острее классовая борьба, требующая постоянного обострения методов, все более широкого использования чрезвычайных мер.

Теория обостряющейся классовой борьбы точно формулировала, можно сказать, разоблачала основу механизма автоматической динамики системы . . .

Это мистическая теория, ибо она утверждает, что народная власть, становясь сильнее, получая все более широкую поддержку народных масс, укрепляясь, будет подвергаться все более нарастающей опасности. Это самая катастрофическая теория из всех, какие когда-либо были выдвинуты. Из нее следует, что чем ближе мы будем подходить к окончательной цели, тем острее будет борьба и тем жестче необходимо будет принимать меры. Самое важное — борьба эта никогда не прекратится. Прервать ее может лишь чудо.

Может возникнуть вопрос, не замечаем ли мы, изучая историю социалистических государств, каких-либо явлений, которые могли бы свидетельствовать о существовании или обострении классовой борьбы? Пытаясь ответить на этот вопрос, мы приходим к парадоксальному открытию, мы обнаруживаем явление, которое можно назвать «обратной перспективой». Обострение методов, постепенное исчезновение элементов внутренней общественной демократии несомненно вызывает появление в общественной атмосфере разного рода напряжений. То, что было, например, во времена Ленина нормальной партийной дискуссией, столкновением разных взглядов, становится очень скоро проявлением контрреволюционных тенденций. То, что можно было писать, очень скоро становится нецензурными мыслями, за которые грозят суровейшие наказания. Совершенно понятно, что в этих условиях бдительные органы безопасности имеют реальную возможность регистрирования все большего числа явлений запрещенных, опасных, угрожающих строю. Систематическое усиление полицейских методов в общественной жизни, насыщение всех слоев общества все более густой сетью доносителей, усиление давления на умы, цензурные ограничения (касающиеся не только тех, кто пишет, но и тех, кто читает, и тех, кто ведет обыкновенные разговоры или рассказывает анекдоты) создавали широчайшие возможности для получения доказательств «обострения классовой борьбы».

Теория обострения классовой борьбы была ловким маневром, отвлекающим внимание от того, что действительно обострялось.

Если описанные выше общественные напряжения можно назвать «субъективными», имеющими место в

«надстройке», то существовал серьезный источник объективных напряжений. Они были результатом неприспособленности методов управления и руководства к требованиям, выдвигаемым общественным развитием, техническим прогрессом и все более широким участием науки в экономическом развитии страны. Эта ситуация неизбежно создает разного рода тормоза, углубляет разрыв между структурными формами и объективным состоянием производительных сил и возможностями их развития. Именно этот разрыв, приобретающий временами характер острого противоречия, приводит к потрясениям в области политики, к попыткам частичной модернизации методов организации руководства.

Главные, однако, и наиболее живописные доказательства обострения классовой борьбы доставляет аппарат безопасности. Описанные выше явления, пропущенные через полицейскую призму, приобретают характер заговоров, руководимых обычно империалистическими агентами и направленных непосредственно против социалистического строя. Там, где не хватает достаточно убедительных доказательств, они фабрикуются. Сталин, например, чтобы доказать, что борьба действительно обостряется, организовал убийство Кирова, что позволило ему расправиться с «врагами» в партии и в стране. Можно утверждать, что и все раскрытые потом заговоры были так же «изготовлены». «У хорошей полиции, — говорил некий крупный специалист по этому вопросу, — всегда имеется в запасе какой-нибудь заговор...»

Опыт показывает, что превратился в закономерность следующий принцип: как только появляется трудная внутренняя проблема, которая может вызвать споры и в которой наша позиция недостаточно убедительна, сразу же поднимается крик о грозящем нам наступлении вражеской империалистической идеологии. Таким образом обосновываются методы, которые, ничуть не вредя империализму, оказывают отрицательное влияние на жизнь и развитие страны.

Почему, например, аргументом об империалистической опасности обосновывается необходимость обострения цензуры и ограничение возможностей обсуждения внутренних экономических и политических проблем, если

именно отсутствие свободной дискуссии так хорошо используется империализмом в его психологической войне?

Начиная с 1935—1937 годов, то есть со времени московских процессов, в социалистических странах уже нет разницы во взглядах на конкретные внутренние проблемы: есть лишь те, кто безоговорочно поддерживает линию руководства, и агенты внешнего врага. При этом опаснейшими врагами считаются не те, кто отвергает социализм, а те, кто с ним (якобы) соглашаясь, хотел бы в нем что-нибудь исправить или модернизировать... Сама возможность «исправления» социализма признана враждебным помыслом, ударом по социализму. Как если бы существовало на свете что-либо, чего не нужно было исправлять, улучшать, совершенствовать, как если бы социализм не был тем строем будущего, предназначением которого является постоянное, ежедневное совершенствование. Как это сделать? На этот вопрос нельзя найти ответа без совершенно свободных дискуссий и обсуждений. Если бы Маркс не обладал элементарной свободой анализа капиталистического строя, он несомненно не открыл бы законов его развития, не создал бы научного социализма.

Основная предпосылка социалистических политиков оказывается ложной. Неверно, что в социалистических странах происходит лишь то, что было запланировано, предусмотрено и разрешено. Неверно, что общественная жизнь подчинилась регулировочной системе, что она протекает везде согласно намерениям инженеров этой системы. Опыт всей истории социализма показывает, что под поверхностью регулировки происходят события и идут стихийные, часто бурные процессы, которые никто не контролирует, которые подчас незаметны. Лишь иногда мы делаем попытки лечить симптоматическим методом самые яркие сигналы таких процессов, проступающие на поверхность, интерпретируя их с помощью разного рода теорий.

Можно различить два типа таких процессов. Один — это последствия тормозящего действия гипертрофии регулировочной системы и жесткости организационных форм, утративших способность применения к существующим нуждам. Основной парадокс — влекущий за собой

серьезные последствия — заключается в том, что, стремясь регулировать жизнь, мы не оставляем места для незапланированных явлений. Таким образом, мы стесняем динамику, которая содержится в самом факте развития. Развитие, которое можно предвидеть и запланировать, — не развитие в точном смысле слова, оно может быть только *количественным* ростом. О развитии в современном значении говорит то *новое*, появляющееся в процессе роста, что невозможно предвидеть, а тем более регулировать плановыми нормами (это касается всех видов организационного и технического прогресса — начиная с обыкновенной рационализации и кончая применением революционных изобретений). Кроме того, мы парализовали то, что всегда является фундаментом и главным двигателем развития, — общественную инициативу. Развитие страны не может ограничиться рамками директив и идей руководства, оно может быть только результатом инициативы — организационной, изобретательской — многих десятков и сотен тысяч людей во всех областях и на самых разных постах. Если мы лишим этих людей свободы действий, если единственным правилом для них будет послушное исполнение наших указаний, мы тем самым сведем их роль к пассивному исполнению, мы высушим богатейший источник прогресса, каким является творческая инициатива, способности и таланты человека.

Вот уже несколько лет, как в социалистическом лагере (и у нас также) говорится о необходимости придать гибкость методам планирования, о пересмотре методов руководства предприятиями. Но во всей дискуссии не видно той почвы, на которой выросли и работают предприятия, не видно тысяч правил, норм, директив и всей установившейся неписанной практики, которая ставит предприятия в определенные рамки и сковывает их инициативу. Таким образом, дискуссия о методах может напоминать лишь басню Крылова о музыкантах*.

* Один лишь перечень юридических актов, действующих в нашей экономике (изданный во Вроцлаве), насчитывает 948 печатных страниц и содержит в себе около 20 тысяч положений.

С давних пор поступают сигналы и о таких тревожных явлениях, как упадок изобретательства, безразличие к новинкам, пренебрежительное отношение к роли науки в производстве. Вся система правил, подкрепленная ежедневной практикой как на хозяйственных, так и финансовых предприятиях, влияет на упадок изобретательства. Эти правила, например, явно стремятся не допустить, чтобы кто-нибудь заработал на своем изобретении. Странная вещь — мы с одобрением принимаем факт, что столько-то там десятков людей ежегодно выигрывают по миллиону злотых в тотализатор, но не можем себе представить, чтобы изобретатель заработал пусть даже гораздо меньшую сумму за изобретение, которое могло бы принести народному хозяйству не только миллионы. Время от времени мы читаем в газетах, что какой-то изобретатель подвергся травле, что кто-то не смог реализовать ценное изобретение из-за отсутствия интереса и препятствий, которые перед ним ставили, — и никому из ответственных руководителей нашей жизни не приходит в голову, что в нашем механизме что-то неладно, что мы сами создаем барьеры, затрудняющие развитие, и, хуже того, такое устройство считаем неприкосновенным.

Впрочем, хозяйственное развитие в общем мы понимаем традиционно, по образцам 19-го века. Мы понимаем его количественно. Мера развития для нас — это рост производства, достигаемый посредством капиталовложений. Технический прогресс мы понимаем как улучшение существующей технологии. Там, где предприятие может ценой небольших расходов достичь увеличения производства, сохраняя старые методы, — такой прогресс может еще рассчитывать на интерес к себе. Если изобретение, улучшение идет глубже, направлено на изменение производственных процессов — оно приговаривается к отвержению.

В нашу эпоху, однако, не в этом состоит технический прогресс. Кроме неизмеримо важного и решающего фактора организации, новая техника означает новые области и новые методы производства, а не только улучшение старых. Мы поддерживаем старые взгляды, сравнивая,

например, развитие индустриального производства у нас и в Америке, из чего можно было бы извлечь вывод, что американская экономика с меньшим, чем у нас, приростом, по сути дела отстает. К сожалению, это мы отстаем. Мы отстаем, несмотря на постоянное развитие, потому что мы плохо используем возможности развития, которые создал для нас социализм, потому что мы сами создали на своем пути преграды, пустили в ход тормоза, которые так часто считаем критерием социализма.

*

Социалистические политики старательно поддерживают иллюзию о том, что общественность думает и оценивает явления так, как это официально предписывается. Согласно такому убеждению, думать иначе, оценивать иначе или даже просто иметь сомнения или критические возражения могут только враги социализма, вдохновляемые империалистической диверсией. Как ни удобна эта упрощенная философия, у нее тот недостаток, что она, увы, ложна. Огромное большинство общественности не думает так, как этого желают наши политики, и вовсе не потому, что оно не хочет социализма или хочет вернуться к капитализму, и, скажем ясно, — это не значит, что общественность против партии или ее руководителей. У раскола между властью и общественностью два главных источника; один можно было бы назвать юридическо-бюрократическим, второй — психологическим. Первый не требует разъяснений: мы указали на многие факторы, которые приводят к тому, что наш аппарат власти и методы управления являются основной причиной возникновения барьеров. Второй источник — следствие нашего неумения и даже нежелания найти психологическую базу для единства мысли и дела. Речи, заявления наших руководителей — как по своему содержанию, так и по форме — предназначены для руководящего актива, который умеет вылавливать тонкие политические нюансы в статистических таблицах, массы же не находят там никаких попыток подойти поближе к их интересам и проблемам, кроме призывов к выполнению планов. В общем, к общественности не относятся как к

думающей единице, с мнением которой следовало бы считаться, ибо она не «глупее» (как где-то было сказано) руководителей.

*

Отношение между диктатурой пролетариата и социалистической демократией необыкновенно сложно. Мы упрощаем проблему тем, что существующие политическо-общественные формы в их настоящем состоянии принимает за уже, в сущности, осуществленный образец социалистической демократии, не вникая в детали ее функционирования.

*

Основная черта демократии не касается *отправления власти*. Власть всегда осуществляют индивидуумы, коллективы, небольшие группы людей и, как показывает история, не имеет большого значения, откуда взялись эти люди и как они пришли к власти. Демократия же касается *контроля над властью*, осуществляемого общественностью. В ходе предыдущих размышлений мы подчеркивали, что каждое общественное учреждение упрощается, застывает, приобретает собственную динамику развития, которая исходит не из потребностей общества, а из собственных, внутренних потребностей учреждения. Этот процесс тем яснее, чем авторитетнее учреждение, чем шире поле его деятельности и чем больше у него причин защищать себя, свою неприкосновенность. Это относится в первую очередь к власти. В самом механизме этого учреждения заложено развитие его аппарата, расширение сферы его вмешательства, рост его авторитета, достигаемый не только посредством силы, но и сакрализацией, т. е. признанием форм этого учреждения неприкосновенными по высшим, религиозным или идеологическим причинам. Характерно, что эволюция власти, динамика ее развития на протяжении всей истории движется в одном направлении — на расширение сферы вмешательства и заострение методов управления. Все процессы смягчения методов (назовем это либерализа-

цией) никогда не происходили сами по себе, а всегда были результатом борьбы, общественных потрясений и переворотов.

Могут быть два метода контроля над аппаратом власти, примеры обоих мы встречаем в истории. Один из них можно назвать методом контроля «сверху», второй — «снизу», т. е. демократическим. Первый метод — когда контроль над аппаратом власти осуществляет сама власть, ее верховный орган. История знает мудрых деспотических правителей, сознававших склонность своих аппаратов к деморализации, понимавших, что вместо того, чтобы представлять интересы страны и ее правителя, чиновники гонятся за собственной наживой, грабят подданных, разрушают хозяйство, совершают проступки, мешают подданным в их поисках справедливости и т. д. Правитель, зная об этом, становится суровым, безжалостным судьей своего аппарата, пытается создать возможность проявить себя подданным, ищущим справедливости. Такие правители бывали, и если даже они не предотвратили всех злоупотреблений своих чиновников, то все-таки вошли в историю с определениями «справедливый», «мудрый», «великий».

Сравнительно наиболее эффективная юридическая форма контроля над властью со стороны общественности, форма, возникшая уже в древности, это — выборность власти, ее главных органов. Выборность ясно выражает принцип, по которому власть и ее прерогативы проистекают не от «высших сил» или «высших истин», а являются мандатом, предоставляемым общественностью на определенных условиях. Разумеется, сама выборность не имела бы большого значения, если бы не обозначала одновременно контроля и ответственности. Уже сам факт ограничения срока полномочий и периодичность выборов принуждает отправляющих власть считаться с общественным мнением.

Другим фактором, тормозящим процесс приобретения самостоятельности аппаратом власти по отношению к обществу и одновременно препятствующим произволу

со стороны этого аппарата, является так называемая независимость правосудия. Судебный аппарат зависит от власти и ею назначается, но его функционирование, по крайней мере в принципе, должно быть независимым от изменений в самом аппарате власти, а особенно в его средних и низовых звеньях. Нет нужды обращаться к тому, что писали о независимости правосудия авторы социальных теорий, и не стоит припоминать богатый исторический опыт. Достаточно даже беглого анализа социальных последствий недооценки этой проблемы в социалистической системе. Подрыв действующих юридических норм и законности, деморализация аппарата власти и общества, подрыв основ общественной дисциплины, стена между властью и обществом, которое всегда мечтает о «справедливой» власти, — вот важнейшие последствия зависимости правосудия от аппарата власти. Не будем говорить об общеизвестных извращениях прошедшего периода.

Центральная власть, которая стремится упрочить свое положение путем подчинения правосудия своему аппарату, по сути дела связывает руки и затыкает рот общественности; но себе она надевает петлю на шею. Ибо законность нужна гражданам, но она абсолютно необходима для государства, для его правильного функционирования. И это независимо от того, демократическое ли это государство, диктаторское или абсолютистское (в его «просвещенном» варианте).

О выборной системе мы заметили, что она является главной и с древнейших времен незаменимой никакой другой формой общественного контроля над властью. Независимо от всех недостатков, которыми обладают выборные системы в буржуазно-демократических обществах, они играют, кроме политической роли, и важную роль в общественной психологии. Если выборы в капиталистических странах бывали фиктивными (американский избиратель часто выбирает между двумя кандидатами, единственная уловимая разница между которыми заключается в цвете галстука), то даже в этих случаях факт свободы выбора ведет одновременно к принятию гражданами на себя части ответственности за последствия этого выбора.

С формально-юридической точки зрения Польша — демократическая страна; все органы власти — от центральных до низовых, местных — избираются и несут перед общественностью двойную ответственность — непосредственную и политическую. Особенность системы, однако, составляет факт, что выборные власти не являются настоящей властью, ибо над ними стоит руководящий и решающий фактор — партия и ее органы. Как мы подчеркивали в первой части этого исследования, диктатура пролетариата существует вне закона (*ex tunc*) и не предусмотрена ни конституцией, ни законодательными актами. Это обстоятельство имеет огромное значение для самой структуры системы и ее функционирования. Его главное последствие заключается в том, что вся политическая жизнь непрерывно вращается вокруг разного рода вымыслов, которые должны изображать соответствие букве закона.

В наших размышлениях нас интересует, однако, проблема более узкая. Если принцип выборности — фундаментальный принцип всякой демократии, то надо думать, что и социалистическая демократия должна принять этот принцип. Но возможно ли примирить принцип выборности с диктатурой пролетариата, с руководящей ролью партии? Теоретически и без предубеждений исследуя этот вопрос, можно прийти к выводу, что тут не должно быть никаких препятствий. Если в социалистическом строе руководящей силой является партия, и играть активную политическую и общественную роль могут только ее члены или же не члены, но безоговорочные сторонники ее программы, и если таких испытанных людей в стране достаточно, — ничто не препятствует тому, чтобы выбирать среди них. На всех уровнях выборов партия сама выдвигает (или утверждает) кандидатов, к которым питает доверие, предоставляя общественности выбирать среди них.

Такое рассуждение оказывается, однако, ошибочным — оно не принимает в расчет одной из важнейших черт механизма власти в оформившейся системе диктатуры пролетариата. Дело в том, что каждая форма более или менее свободного выбора между двумя (или больше) кандидатами — даже в случае, если эти кандидаты принадлежат к одной и той же партии и выражают одни и

те же взгляды, — уже означает какое-то влияние общест-венности на власть. Кандидат, выступающий на вы-борах, не может не считаться с настроениями, стремле-ниями и мнениями своих избирателей, если не в содер-жании, то по меньшей мере в форме постановки вопро-сов, в предложении методов решения определенных за-дач. И после выборов, выполняя определенные функции, он также должен будет считаться с тем, что по истечении срока полномочий он вновь предстанет перед избирате-лями, которые дадут оценку его деятельности.

Боязнь того, что люди, назначенные партией на раз-личные партийные, государственные и общественные должности, могут попасть под влияние общественных масс посредством выборного механизма, составляет один из наиболее заметных признаков отношений между властью и общественностью. Мы не выдадим тайны, если скажем, что преобладающей чертой этих отношений является недоверие. И характерный факт: атмосфера недоверия, сложившаяся в первые годы, когда народные массы в большинстве не были подготовлены к принятию программы партии, когда они все еще находились под сильным влиянием как старых шаблонов мышления, так и существующей враждебной реакционной пропаганды, когда, наконец, в самой структуре общества оставались многочисленные элементы классов, лишенных совершив-шейся социальной революцией своего ведущего положе-ния, — эта атмосфера недоверия удерживалась и по ис-течении 25 лет, за время которых произошли огромные изменения, объективные и субъективные, в социальной структуре и в моральном облике масс. Более того, поли-тические формы, методы действия, первоначальным ис-точником которых было обоснованное в то время недо-верие, превратились в постоянные нормы, приняли юридический характер, стали критериями системы — диктатуры пролетариата.

Таким образом, и по этим причинам принцип выбор-ности был изгнан из социалистических систем. Изме-нилась функция избирателей — выборы были превра-щены в манифестацию поддержки власти, ее программы и действий. В такой манифестации важны не голоса, а процент принимающих участие в голосовании. Этот прин-цип был распространен на все сферы общественной жиз-

ни — кандидата избирают соответственные партийные инстанции, общественность, направляясь к урнам, выражает принятие этих выборов. При этом даже ничтожный процент избирателей, воздерживающихся от участия в выборах или вычеркивающих кандидатуры, становится сигналом тревоги о действиях враждебных, антисоциалистических сил. Это касается также внутрипартийной жизни, и там лишь в самых маленьких и наименее важных низовых организациях еще можно встретить свободное выдвижение и выбор кандидата.

*

Каковы несомненные отрицательные последствия этого метода? Следует упомянуть два наиболее важных. Первое — это тот факт, что подбор кадров для аппарата власти происходит с помощью лишь одного критерия — степени «покорности». Для выбирающей инстанции решающей чертой, говорящей о пригодности кандидата, является его безусловное послушание. Его квалификация, способности или таланты, которые могут оказаться нежелательными, ведя к самостоятельным поступкам, отступают на задний план. Не подлежит сомнению, что эта сильно бюрократизированная система подбора кадров и изоляции их от влияния со стороны общественности облегчает и ускоряет процесс окаменения, застывания всего аппарата в шаблонах, сформировавшихся в минувшие периоды. Этот аппарат перестает играть роль передатчика обратной связи — от общества к власти — и становится препятствием. Второе важное последствие — это влияние такого метода на настроения и мнения общественности, которые, правда, не составляют заметного фактора в наших политических действиях, но которые существуют и определяют социальный климат, влияющий на всю политическую и экономическую жизнь страны. Общественность не может не ощущать в этой выборной системе глубокого недоверия к себе со стороны властей, не может не чувствовать себя сведенной к роли пассивного объекта. Немаловажным обстоятельством является тот факт, что для того, чтобы придать выборам видимость согласия с общепринятыми нормами и

устоявшимися понятиями, мы прибегаем к настоящим фокусам в интерпретации и пропаганде, неискренность и лживость которых для общественности очевидна.

Революция в области информации — одна из наиболее глубоких революций современности. Она вызвана развитием технических средств, в том числе и так называемых средств массовой коммуникации. Одновременно, по закону обратной связи, средства информации, техника ее собирания, обработки и передачи стали в свою очередь одним из важнейших ускорителей технического прогресса и экономического развития. Речь здесь идет, конечно, о развитых обществах, давно вступивших в стадию индустриализации.

Необходимо различать два значения термина «информация».

Первое касается специальных знаний об определенных явлениях, в которых количество имеющейся информации и ее умелое использование является основой как теоретических разработок, так и практических решений. Это прежде всего научная информация, являющаяся результатом лавинообразно накапливающихся итогов научных исследований, которые ведёт всё растущая армия научных работников.

Но есть и другое значение этого понятия — широкая общественная информация, касающаяся фактов и событий, происходящих в мире, политического положения и деятельности в этой области, общая и общедоступная информация, использующая средства массовой коммуникации: радио, телевидение, печать, кино. Дальше мы будем говорить именно об этом роде информации.

Общедоступная информация, использующая средства массовой коммуникации, сталкивается в социалистических странах с проблемами особого рода. Поскольку эта информация находится целиком в руках властей и выражает их точку зрения, она выполняет иную роль, чем информация в капиталистических странах.

В социалистических странах информация является главным средством «соприкосновения» между властью и обществом, своеобразным «диалогом» между ними. Было бы неверным считать, что в этом диалоге говорит лишь одна сторона. Вторая — общество — также выражает

свои взгляды и мнения, реагирует на явления и события. Понятно, что вторая часть диалога распространяется значительно менее совершенными средствами, чем первая, ограниченнее и ее радиус, но именно она выражает взгляды общества, определяет общественный климат, характер отношений между властью и обществом.

Казалось бы, что эта вторая часть диалога не безразлична для политических руководителей государства, для тех, кто ведет диалог. Казалось бы, что знакомство с мыслями общественности (или отдельных групп общества), ее реакцией на явления должны быть необходимой исходной точкой деятельности или во всяком случае исходной точкой зрения для системы информации.

Дело, однако, в том, что при социалистическом строе не существует какого бы то ни было метода передачи информации от общества к власти (мы не говорим здесь об информации полицейского типа), не существует никаких нитей обратной связи . . .

Власть исходит из представления, что общество думает, оценивает, реагирует в соответствии с директивами власти, а всякие отклонения представляют собой аномалию, с которой следует бороться другими методами.

Каждый политический деятель, находящийся у власти, будет утверждать, что общество думает, как он, и поддерживает его действия, — это его политическое право. Но плох тот политик, который примет утверждения этого типа за «объективную» реальность, который в своих действиях, в своем способе обращения к обществу не будет считаться с подлинными взглядами и настроениями.

Есть еще одна черта нашей системы информации, являющаяся, впрочем, последствием предыдущей.

Централистский характер власти влечет за собой иерархическое отношение к информации. Считается, что «полная» информация, то есть полное представление о политике должен иметь лишь узкий круг людей, занимающих высшие руководящие посты, людей, принимающих решения. Только они могут без ограничения вкушать плоды с древа познания добра и зла.

Круг исполнителей этих решений может ограничиться более узким объемом сведений, сведенном до элементов, необходимых для их деятельности. По мере нис-

хождения по ступеням этой лестницы объем информации сокращается (и соответственным образом адаптируется). Широкая общественность получает через массовые средства коммуникации выборочную информацию, очищенную от всего, что могло бы стать источником беспокойства и недоразумений.

Сегодня, когда каждый гражданин проводит ежедневно немало времени перед радио, телевизором, читая газеты, то есть принимая непосредственное участие в диалоге, о котором мы говорили выше, поведение его собеседника (то есть авторов информации) имеет принципиальное значение. В этих условиях отбор информации по политическим, цензурным признакам, укрывание от общественности фактов и событий, которыми она интересуется, — это нечто большее, чем простая близорукость...

Власть ставит себя в двусмысленное положение. Здесь действует элементарный психологический закон: власть, скрывающая что-то от общества, выражает тем самым этому обществу недоверие. Но мы не доверяем тем, кто не доверяет нам. В подсознании, а часто и в сознании встает вопрос о причинах этого укрывательства: может быть, власть боится? Может быть, у нее совесть нечиста?

Совершенно очевидно, что если от общества что-то скрывают, к тому же то, чего скрыть нельзя, значит есть для этого какой-то повод.

ПЕРВЫЕ ИТОГИ

Прошло немногим больше года после рабочих волнений на Побережье, после забастовок во многих городах страны, вынудивших Гомулку отказаться от власти. Можно подвести предварительные итоги. «Первые дни после смерти тирана, — писал Карамзин в «Истории государства Российского», — бывают счастливейшими для народов: ибо конец страдания есть живейшее из человеческих наслаждений». Но минули эти «первые дни». И что же дальше?

Ровно через год после выступления польских рабочих и свержения Гомулки состоялся — в декабре 1971 г. — VI съезд Польской Объединенной Рабочей партии. Вопреки обещаниям, не было на съезде честного, открытого разговора о декабрьской неделе 1970 года, «потрясшей Польшу», не было глубокого анализа причин недовольства рабочего класса, не было намечено новых путей для решения кризиса. Единственным ощутимым результатом съезда было изменение состава руководящих партийных органов. Из Политбюро и Секретариата были выброшены, во-первых, все сторонники Гомулки, а во-вторых, Мочар, поддержка которого позволила Гереку занять пост Первого секретаря ЦК. Членом Политбюро был избран — в частности — министр внутренних дел Шляхциц, помогший Гереку избавиться от Мочара.

Консолидировав свою власть в высших органах партии, заменив большую часть секретарей воеводских комитетов партии своими людьми, Герек проделал ту же операцию и в высших государственных органах. В марте 1972 г. были проведены выборы в сейм. Сейм нового созыва заменил на посту председателя Государственного Совета Циранкевича Генриком Яблонским. Так закончилась карьера «польского Микояна» — Юзефа Циранкевича. Подытоживая первые пятнадцать месяцев власти Герека, нельзя не прийти к выводу, что это был период консолидации власти, период укрепления положе-

ния нового Первого секретаря. Нельзя также не заметить, что этот период, как две капли воды, похож на первые месяцы пребывания у власти Гомулки в 1956—начале 1957 годов: некоторое улучшение снабжения, отмена повышения цен, некоторая — пусть минимальная, но все же ощутимая — либерализация культурной жизни. Как и в 1956 году, Польша как бы снова предъявляет свои права на звание «лучшего барака в социалистическом лагере».

Было бы несправедливым отрицать наличие серьезных препятствий, которые стоят перед новым польским руководством. С одной стороны, ожесточенное сопротивление партийной машины, среднего партийного аппарата, видящего в каждом нововведении посягательство на свою власть, на свои права, с другой стороны, — пристальный, настороженный контроль Советского Союза, «Большого брата», не забывшего, к чему привели серьезные попытки провести экономические реформы в Чехословакии. Через год после декабрьских событий в Польше член Политбюро чехословацкой компартии Василь Биляк, выступая на закрытом заседании ЦК, подверг острой критике намеки на либерализацию в Польше. В этой критике можно, по-видимому, обнаружить выражение недовольства советских руководителей некоторыми действиями Герека.

Главный урок минувших пятнадцати месяцев заключается, однако, в другом. Замена на посту Первого секретаря ЦК тирана диктатором меняет характер государства и положение его граждан в такой же точно степени, в какой это происходит в абсолютной монархии, где все зависит от характера и личных качеств царя или короля.

Нежелание анализировать причины событий, стремление свести их к «культу личности» объясняется тем, что каждый глубокий научный анализ приводит неизбежно к тем выводам, которые сделал летом 1971 г. известный польский экономист, член партии Влодзимеж Брус. Его статья «Шесть месяцев спустя после балтийского кризиса», отвергнутая польской печатью, была опубликована в теоретическом органе Итальянской компартии «Ринашита» 25 июня 1971 года.

Брус пишет: «Вывод настолько очевиден, что кажется даже ненужным его формулировать: в действующем механизме существующей системы в Польше — а нам представляется, что эта система мало чем отличается от существующих в других восточноевропейских социалистических странах, — несомненно имеются факторы, не только не способствующие преодолению социальных и экономических конфликтов, а наоборот, скрывающие их. В результате после определенного времени эти конфликты проявляются с умноженной силой и взрываются».

Недостаточно, — продолжает польский экономист, — «разоблачить и осудить, даже при наличии самой доброй воли, «ошибки и извращения» сталинизма; недостаточно также произвести некоторые изменения, если эти изменения носят лишь поверхностный характер, оставляя в стороне главное и не создавая условий для постоянного адаптационного процесса».

В заключение Влодзимеж Брус выдвигает основную причину экономического и социального кризиса, в котором находится Польша: «Вся история предпринимаемых на протяжении 15 лет неудачных попыток провести в Польше экономические реформы может служить примером отрицательного влияния существующего политического механизма на экономический процесс».

Таким образом, экономист-марксист приходит к выводу, что политический механизм государства, называющего себя воплощением марксовой идеи, вместо того, чтобы способствовать развитию производительных сил, препятствует этому.

Сможет ли Герек добраться до глубинных причин тяжелого положения Польши, сможет ли польский рабочий класс, осознавший свою силу, потребовать выполнения данных ему обещаний, — покажет будущее.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
Неделя, которая потрясла Польшу (ход событий) .	9
Что же происходило тем временем в Щецине? .	22
Что произошло в Гданьске (официальная версия) .	32
Понедельник, 14 декабря	32
Вторник, 15 декабря	37
Среда, 16 декабря	48
Четверг, 17 декабря	54
Пятница, 18 декабря	58
Суббота, 19 декабря	61
Дворцовый переворот	62
Пишут в газетах	68
Зарплата и цены	75
Встреча с бастующими рабочими	78
VIII пленум ЦК. Кто виноват?	93
Эдвард Охаб. Предложения старого коммуниста .	123
Можно ли вылечить больного?	129
Первые итоги	151

O.P.I.